

ISSN 0012-6756

**Дружба
народов**

6/2023

В номере:

«Оно болотом скокало...»

Провинциальному следаку — герою романа Александра ГРИНЕВСКОГО «Честь и нечисть», — откомандированному в захолустный северный городок за документами, и в страшном сне не могло присниться, что придется не только разыскивать пропавшие из морга трупы погибших уфологов, но и общаться с лешим, водяным и кикиморой.

«Всерьёз. Не на публику. На выживание»

Поэзия повседневности и быта, а между строк — тревога или боль, ею дышат строки Алексея ДЬЯЧКОВА: «Сгнила времён связующая нить./ Попробуй ничего не говорить./ Молчи, когда тебя унижит старость». У поэта Александра ОРЛОВА крепкая память о семье, осознание своего места в цепочке поколений, среди «повзрослевших внуков войны». Совсем другая тональность и интонация в любовной лирике Григория МАРКА: «Если двое когда-нибудь были один — это мы». И яркие молодые стихи Любови ГЛОТОВОЙ — дебютантки «ДН» — о постижении мира и чуда жизни: «Я росла в районе Шоколадки/ шоколадной фабрики Россия... вкус какао плавал в небе синем/ звёзды серебрились из фольги/ а в траве сияли васильки».

«я давно не писал ни строчки ручкой»

«Другая оптика» — рубрика, в которой мы публикуем материалы, не очевидные для журнала, может быть, даже чуждые журналу эстетически. Но есть писатели, которые не разделяют нашей точки зрения, которые по-другому видят и чувствуют. И мы им доверяем. В этом номере — стихи Романа МИЧКАСОВА представляет писатель Николай КОНОНОВ: «Обобщая опыт чтения стихов этого поэта, я наткнулся на такую мифологему что ли. За отчаянным подведением итогов, различными способами подсчета достижений и потерь мне виделся Нарцисс, по моему мнению — лучший образ поэта».

Страхи Возняка и Маска

«Сочинять зачетные эссе, писать искусственные стихи, вести пустую болтовню, точно, но механически переводить самые сложные тексты на самый сложный язык, писать бессмысленные картины и какую-никакую музыку — для искусственного интеллекта легко, от этого еще выше опасность превратить мир ярких личностей в мир равнодушных жестоких эпигонов. Снова вопрос. Осознав мир, захочет ли искусственный интеллект остаться при человеке?...» Очередной фрагмент переписки Алексея БУРОВА и Геннадия ПРАШКЕВИЧА посвящен проблеме искусственного интеллекта.

Театр неостановим

«...Простите, дорогой Константин Сергеевич, хотя я и понимаю, что здоровый художественный смех, улыбки всегда хороши для людей, но все же опереттка — и Художественный театр! И еще сейчас — среди потоков крови — это уже чересчур!» Борис МИНАЕВ в рубрике «Правила игры» читает собранные в двухтомник письма 1898—1928 годов в Художественный театр: «Уроков много — всех и не выучить сразу. Но стоит попробовать».

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Редакционная коллегия

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»;
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.04.2023.
Подписано в печать 29.05.2023.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ . Цена свободная.

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Леонид
БАХНОВ
Ирина
ДОРОНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА
Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЕВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА
Сухбат
АФЛАТУНИ
Муса
АХМАДОВ
Ольга
БАЛЛА
Дмитрий
БИРМАН
Ольга
БРЕЙНИНГЕР
Денис
ГУЦКО
Фарид
НАГИМ
Илья
ОДЕГОВ
Валерия
ПУСТОВАЯ
Сергей
ФИЛАТОВ
Ренат
ХАРИС
Александр
ЧАНЦЕВ
ЭЛЬЧИН

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Алексей ДЬЯЧКОВ. Ни лет, ни зим. <i>Стихи</i>	3
Александр ГРИНЕВСКИЙ. Честь и нечисть. <i>Роман</i>	8
Любовь ГЛОТОВА. «До войны — только нежность твоя». <i>Стихи</i>	116
Галина КАЛИНКИНА. Настройщик. <i>Рассказ</i>	120
Лев УСЫСКИН. Два рассказа	136
Григорий МАРК. Где слова распускаются. <i>Стихи</i>	150
Павел ТИМЧЕНКО. Рыбалка. <i>Рассказ</i>	153
О.КАМОВ. Аста ла виста. <i>Рассказы</i>	160
Александр ОРЛОВ. Мир предстаёт — широкоплеч... <i>Стихи</i>	181

ДРУЖБА НА ВЫРОСТ

Елена БОДРОВА. Малиновый плащ К.А.Грачёва. <i>Повесть</i>	184
---	------------

ДРУГАЯ ОПТИКА

Роман МИЧКАСОВ. Из света и букв. <i>Стихи. Вступительное слово</i> Николая Кононова	214
--	------------

ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

Евгений ПОПОВ, Михаил ГУНДАРИН. Шукшин в конце шестидесятых: «чудики», нравственность, птица-тройка. <i>Фрагмент из биографической</i> <i>книги-диалога «Василий Макарович»</i>	217
---	------------

МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

Амаяк ТЕР-АБРАМЯНЦ. Воспитание чувств. <i>Маленькая повесть</i>	228
---	------------

ПУБЛИЦИСТИКА

Алексей БУРОВ, Геннадий ПРАШКЕВИЧ. О грозных ангелах, тревожных вопросах. <i>Два письма на одну тему</i>	238
---	------------

NON-FICTION PRO

Александр ЧАНЦЕВ. Тамплиеры Советского Союза	246
--	------------

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Возвращение детектива	264
--	------------

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Письма в будущее	268
--------------------------------------	------------

НА НАШЕЙ ВКЛЕЙКЕ:

художники Узбекистана Рахим Ахмедов, Акмаль Нур, Масут Фаткулин,
Рустам Худайбергенов, Леким Ибрагимов, Римма Гаглоева, Акмаль Икрамжанов,
Алишер Мирзаев, Собир Рахметов

Алексей Дьячков

Ни лет, ни зим

Мама

В Рязани не осталось нас почти.
О мужестве моём в письме прочти.
Сама себя весь зимний вечер слушай.
В окопах дрыхнут призраки врага.
В компоте чернослив и курага,
На самом дне — айва, изюм и груша.

В окно уставься, выбившись из сил, —
Крестьянин сухостой не докосил.
Ни лет, ни зим у жизни не осталось.
Сгнила времён связующая нить.
Попробуй ничего не говорить.
Молчи, когда тебя унижит старость.

Тьма глубоко намечена резцом.
У зеркала морщинисто лицо.
Следы прыщей, воронки от снарядов.
Читай, поднялся снег из-за травы,
Устала жить — в наклоне головы.
Не выдержать беспомощного взгляда.

Тверди с утра: еси на небеси.
Полгорода на кладбище снеси,
Купи для внуков на развале жамки.
Волну наметил штрих карандаша.
Ох-ох, в чём только теплится душа.
Заснуть и не проснуться на лежанке.

Дьячков Алексей Владимирович — поэт. Родился в 1971 году в Новгороде. Окончил строительный факультет Тульского политехнического университета. Работает инженером-строителем. Публикации в журналах «Урал», «Новый мир», «Арион» и других. Автор двух книг поэзии: «Райцентр» (М., 2010) и «Государыня рыбка» (М., 2013). Живёт в Туле. В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

Урок русского

А когда меня из строя вывели,
Времени открылся план простой.
Отозвался будущими ливнями
Жаркому июлю сухостой.

Вынырнула розовая ящерка,
Распустила жёлтую чалму,
И, сморгнув печально настоящее,
Под итогом смазала черту.

И теперь пугают колос жатвами,
И подростка тем, что он один,
Воспиталка, пионервожатая,
Старший повар, младший командир.

Но не зря нарезан лист прожилками,
И на сломе стебля высох клей, —
Тихий час баюкает страшилками
На учёт поставленных детей.

Знает тварь любая тонкокожая,
Как ручей разбился о гранит,
Как о нас, заблудших душах, прошлое
С будущим тревожно говорит.

Мельхиор

Выбирали невест, обмывали погоны,
А потом он пропал на чеченской Второй.
Как Персей с головою Медузы Горгоны,
Он теперь, поседевший, сидит предо мной.

Помнит камень гранитный кровавые лица,
Помнит жёлтый ракушечник страх хорошо,
Словно я собирал свою жизнь по крупицам,
А он свой самородок в протоке нашёл.

Где ручей — голубой, бор сосновый — небесный,
Где тенистое море волнуется — три,
Доиграем давай: я умру, ты воскресни,
Закури на крыльце, затянись и замри.

Синим вечером с тьмою играет ветер,
Дым на яблони бурую крутит чалму.
Жаль, что некому в сумерках больше ответить,
Сам ты камень холодный теперь почему.

Доска

Глаз павлиний наколол.
У щегла подрезал крылья.
Сохрани, Господь, кого
Вспомнил и кого забыл я.

Рядом с дачей старый лес,
Пару белых, два опёнка,
Всех обманутых невест.
Нерождённого ребёнка.

Зал с окном в осенний сад,
Кухню, мытую посуду.
Пса слезливые глаза.
Бабку, слёгшую с инсультом.

Двор, качели, школьниц-муз.
Сад в июле в новолунье,
Где застыл жасмина куст,
А не Будда Шакьямуни.

На террасе лунный свет,
Самовар, следы застолья.
Луговых цветов букет
В вазе из стекла простого.

На иконе вся семья.
Дед-дьячок и дед-безбожник.
Внук в наброске. Это я.
Сохрани меня, художник.

Варлам

Был наслышан о боях под Оршею.
Был немногословен, словно скальд.
На жаре автобус ждал, подошвами
Погружаясь в медленный асфальт.

Искренне любил, боролся с болями,
Правду резал, думал опосля.
Кажется, что делал всё не вовремя,
Зря переживал, томился зря.

В ноябре пугает лес прорехами,
Белой молью сыплет не спеша.
Снова сбились в кучки и уехали
Все друзья, поэты-кореша.

Ночь не ночь, а слабая пародия.
Выпустит гулять любая мать.
У огня буржуйки с кем на родине
В этот раз придётся зимовать?

Может быть, что ты теперь останешься,
Огонёк найдёшь, отбросишь нож,
На шурфе открытом хлебным мякишем
По губам голодным проведёшь.

Выдашь чаю на лимонной корочке,
Вечер дашь, беседу ни о чём,
На прощанье посидеть на корточках
У простенка с грязным кирпичом.

Родина

Но темнеет, и ночь продолжается песнями,
Как болела, едва дотянула до пенсии,
Не сводила концы и попала под санкции,
С документами папку забыла на станции
Фиолетовой ветки, спасалась под кронами
От дождя, в Третьяковке лечилась иконами.

Как тянула одна на романсах и ариях,
На занятыя водила, спасала от армии,
Заставляла смотреть познавательный с титрами,
Находила полставки, часы, репетитора,
Витамины, сезонку и самое лучшее.
Выдавала себя, из-за двери прислушиваясь.

Как стояла со всеми, жалела невольника,
Как за подписью в ЖЭУ ходила за дворником,
Как в четвёртую смену читала с подростками,
Как в рогоже везли по морозу в Тригорское.
Доверяла чужим, интуиции, логике,
И теперь на бобах, у корыта, не в домике.

Как всё чаще молчит перед зеркалом грустная, —
Неупругая кожа, и губы искусаны, —
С выраженьем лица не задумчивым, каменным.
Если в кофте, то с вырезом, с пошлым орнаментом,
Если в блузке, то белой, застиранной «Ласкою»,
Или с пуговкой, ниткою схваченной наскоро.

За окном канцелярия пишет небесная:
До сих пор я люблю тебя, девочка... — Если бы!
Сыплет снегом беззвучно за шторами вечером.
Время слушать знакомый припев недоверчиво.
Те же, в том же порядке слова с причитаньями.
Отчего же теперь так светло и печально мне?..

Палата

Расплескали больничные лампочки
Свет, и вышла из тьмы тишина.
После химии — в вязаной шапочке
Смотрит мультики в холле жена.

Снег лежит пережёванной кашицей,
Больно воздухом влажным дышать.
Между рамами радуга, кажется,
Поднялась, но боюсь утверждать.

Монотонная речь небожителей:
Повторите, не слышно, аллэ!
Что диагноз? Прогноз утешительный,
И лечение надежду даёт.

Врач пугает годами и рисками.
Снег совсем в переулке осел.
Папа, мама и лошадь туринская
Посещают больную во сне.

Все выходят: и дочка, и облако.
Старый вяз в чащу свет уволок.
Тает снег, тает сквер, тает опухоль,
Тает, нежно светясь, потолок.

Июль

До мостков, а дальше по течению
Мимо синхронисток боттичеллиевых,
Лодок кверху дном, турбазы в зарослях,
Алых сосен... То-то было радости.

Опускал привычно неужели я
Медленные вёсла в отражения
Облаков, обрывов с глиной розовой,
Пузырей воздушных, хвойной россыпи.

Слушал, как щеглы поют и иволги,
Как шумят в деревне на каникулах
Пацаны, весь день трясясь на великах...
Девочка рукой махала с берега.

Юная, улыбчивая, рыжая,
В бежевой бейсболке, в платье выцветшем,
Пуговички белые, горошины.
Помнишь, я в ответ махал ладошкой?

Александр Гриневский

Честь и нечисть

Роман

Чего-то, вроде, около, —
Кружилось в голове,
Оно болотом скокало,
То справа, то левой.

Геннадий Шпаликов. «Бессонница»

Часть первая

1

Я смотрел на неё с неприязнью: как я мог согласиться на эту поездку? Уговорили. Нет, конечно, интересно испытать прибор, который соорудил собственными руками. Но не с ней же! Изначально планировалось: я, Юленька и Силаев. Юленька, она хорошая! Сидит и слушает с удивлённо распахнутыми глазами всё подряд. Молодая потому что, тридцати ещё нет. И семьи, похоже, нет, раз к этим прибилась. Силаев тоже мужик ничего. Правда, пьёт сильно. Он-то утверждает, что это не пьянство, а эксперимент по собственноручно разработанной методике. Слышит и записывает какие-то голоса — говорит: зашифрованные послания отсюда. Ну, из потустороннего мира. Да бог с ним, главное, мужик компанейский. Накануне поездки выяснилось, что Юленька заболела, Силаев отказался ехать без всяких объяснений. Мне бы тоже отказаться, раз такое дело, но, как всегда, слабохарактерность подвела, мямлил что-то неопределённое, и вот результат: Светлана Сергеевна (прозвище Ээс), сорокапятiletняя парикмахерша, помешанная на вездном контакте, громогласная и напористая. На собраниях всегда старался держаться от неё подальше — пугала габаритами.

В этой группе паранормальщиков я недавно. В институте, где так и не получилось защитить кандидатскую, с возрастом вышел в тираж, превратился из подающего надежды молодого специалиста в рядового технаря. Сижу с вечно дымящим паяльником в своём углу, делаю, что велят. Зарплата — копейки. Тоска, одним словом,

Гриневский Александр Олегович — прозаик. Геолог, преподаватель МГУ им. М.В.Ломоносова. Автор книг: «Зыбкость» (2008), «Истории с приставкой “гео”» (2012), «Ненужные» (2016). Постоянный автор «Дружбы народов». Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — роман «Кондратьев и Лёля» (2022, № 4).

уже не подняться. И дома — тоска. Двушка со старой мебелью, телевизор, растолстевшая жена в халате и взрослая дочь, которая никак замуж не выйдет, ненавидит всех и вся — вон, замок в дверь своей комнаты врезала. Впору запить, но выяснилось, что ни душа, ни тело спиртного не принимают. Сорок шесть — это не шутки. Загрустил вконец. Тут эти чудики и подвернулись. Интересные ребята. Образования никакого, зато глаза горят. Кто в зелёных инопланетян верит, кто — в потусторонний мир. Да и хрен с ней, с этой их верой! Главное, они уважительно друг к другу относятся, не то что у нас в институте. Ко мне, который с высшим техническим, да ещё и руками работать умеет, сразу повышенное внимание. Приятно среди них находиться, значимость свою чувствовать. Неожиданно эта пещера нарисовалась. Я уже и не помню, кто информацию принёс: мол, в Архангельской области открыта новая карстовая пещера. И они загорелись обследовать раньше других. Какую-то байду несли про скрытые залы и полости, где могут храниться древние артефакты. «Золотая баба», а то и золото Колчака. Бред, конечно, но почему бы не съездить развеяться? Вот только никак не ожидал, что со Светланой Сергеевной. Хотя, что греха таить, удобно. Сразу начала командовать. Я при ней, как зять Мижув, главное — не перечить, пусть сама все проблемы решает.

До Архангельска — поездом. Скептически наблюдая, как я пытаюсь запихнуть сумки на третью полку, сообщила, что мужа выгнала из-за несоответствия. Какого несоответствия, так и осталось загадкой. Потом самолётом до Пинег и автобусом сюда, в Прилукомск. Та ещё дорога. Похоже, нас за мужа с женой принимали. На меня смотрели с плохо скрываемой жалостью. Огромная бабища и хилый мужичонка при ней, снаряжённые клетчатými тяжёлыми сумками с барахлом. Не барахло в сумках, аппаратура. Тащился за Эсэс, как старый гружёный буксир за кормой океанского сухогруза. Местный люд, ошарашенный габаритами и широкой поступью, застывал в изумлении, провожал взглядом. Первый же бомбила, отиравшийся на автостанции, вызвался показать вход в пещеру и отвёз в пустующую гостиницу. Шмыгая носом, мял кепку в руке, собравшись с духом, просительно заглядывая в суровое лицо Светланы Сергеевны, назвал: Ренат, предложил посидеть вечером в кафе, познакомиться, так сказать, поближе. И без лишних слов был могучей рукой отодвинут в сторону — мешал пройти в двери гостиницы. Впрочем, мужик оказался деловым и понятливым, сразу сообразил, что не обломится и его подрядили возить на машине в пещеру, а вечером забирать.

Переночевали. Полночи заснуть не мог из-за храпа в соседнем номере. Аппаратуру проверял, чем ещё заняться? Идея проста, как яйцо. С помощью вибратора воздействовать с определённой частотой на стену пещеры, а сейсмоприёмником, установленным на некотором расстоянии, принимать сигнал. Сигнал пропал или слишком искажился, по-видимому, имеем дело с какой-то полостью. Можно даже попробовать определить её размеры. Вот и всё.

Утром по разбитой грунтовке, оставляя клубы пыли за машиной, добрались до места. Хорошо, что от города недалеко — километра четыре — и сама пещера в пятистах метрах от дороги. Тайга здесь тёмная, неприветливая. Воронки карстовые как после бомбёжки. Бурелом, стволы повалены, не продрасться. Серый мох с ветвей, как старушечьи седые космы, свисает. Петляешь между воронками, обходишь по краю, через стволы перелезаешь, в руках сумки, комар жрёт, не отмахнуться. Если бы не Ренат, в жизни бы эту пещеру не нашли. Но он сразу предупредил, что в дыру не полезет и нам не советует. Эсэс мгновенно сделала стойку: «Что не так?» Пожал плечами, отмолчался.

Я уж было подумал, что наша миссия на этом закончена. Воронка метров пятнадцать в диаметре и глубиной метров пять. Стенки почти отвесные, поросли мхом. Дно засыпано камнями, мох с них кое-где сорван. Чтобы попасть внутрь, нужно

спуститься на дно воронки, нужны верёвки, крючья разные со страховками. Местные, народ ушлый, придумали. Завалили здоровущую ёлку, обрубил сучья наподобие ступенек, и ствол — в воронку: ползи, если не боишься. Я-то ладно, как-нибудь, а с её ста десятью килограммами — куда?

Ренат сказал, что вечером в шесть будет ждать на дороге, и ушёл. Мы сидим, обсуждаем, что дальше делать. Пока я голову ломал, Эсэс неожиданно вскочила, на живот на краю воронки плюхнулась, ноги свесила и медленно по стволу вниз поползла. Я дыхание затаил: грохнется сейчас! Ничего подобного, добралась до дна. Кричит, чтобы аппаратуру на верёвке опускал. Крутая, спасу нет!

Спустился без проблем. Зажгли фонари, в щель протиснулись и обомлели. Ровный прямой туннель, будто прорубленный, конца не видно, фонарь не добивает. В полный рост стоять можно, руки в стороны раскинуть. Но главное: туннель абсолютно белый, глаза режет. Иней, снег, ледяные иглы на своде, на стенах. Всё переливается, блестит в свете фонаря. Застыли, смотрим, пар изо рта. Были здесь люди. Грязные следы в темноту уводят, нарушают первозданную красоту. Несколько человек прошли. И мы молча по их следам двинулись. Тишина, только снег скрипит под ногами. Торжественность момента почувствовал, другого слова подобрать не могу.

Метров через пятьдесят туннель начал сужаться, а потом разветвился на два провала, ведущих вниз: один пошире, другой совсем узкий. Не полезли, решили возвращаться. Сразу ясно, что ничего мы толком не разведем, тут нужны специалисты и оборудование. Послать бабищу с избыточным весом и городского хлюпика обследовать пещеру — надо же до такого додуматься! Что тут с моим доморошенным прибором можно сделать? Я это до Светланы Сергеевны попробовал донести.

Взбеленилась:

— Готовь аппаратуру, передохнём и в левый проход полезем, который побольше.

Тут уже я встал в позу.

— Так дело не пойдёт! Давайте сначала здесь, у входа. Отработаем методику, тогда и будем решать, что делать дальше.

Сидит, на меня не смотрит, лицо аж покраснело от злости. Не любит, когда перечат. А я внимания не обращаю, приборы из сумок достаю. Гляжу, сдулась, помогать стала.

Да, натворили мы там делов. Порушили всю красоту. Иней со стен соскребли, чтобы виброисточник прилепить, сейсмоприёмники в трещины вогнали, натоптали везде. Холодно, замёрзли до трясушки. Тут и время на исходе, возвращаться пора. Аппаратуру в пещере оставили, написали записку с просьбой: «Не трогать!» — вдруг кто сдуру сунется. И по ёлке-лестнице наверх поползли. Вот уж она попыхла! А я ничего, мне легко было.

2

Подходил к концу третий день работ. Пещера уже не казалась сказочной. Привыкли. Обычная пещера, где мы проводили в темноте по шесть часов ежедневно. Уже не вздрагивали, когда из тёмной глубины доносилось протяжное уханье, будто тяжело выдыхал воздух кто-то большой и усталый.

Вчера отработали Снежный Туннель при входе, ничего интересного. Сегодня сунулись в Левую Дыру (названия придумали сами), и всё сразу застопорилось. Дыра круто уходила вниз и постепенно сужалась. Светлане Сергеевне удалось проползти на коленях метра три — и уже не повернуться. Я смог одолеть ещё с десяток метров. Дыра отличалась от туннеля. Здесь отсутствовал иней на стенах, было сыро и приходилось ползти по тонкому слою грязи.

Решили остановиться. Чертыхаясь оттого, что сложно как следует размахнуться молотком, пытался затолкать в трещину сейсмоприёмник. Свет фонаря судорожно метался в замкнутом пространстве, выхватывая из темноты запечатавшую вход расплывшуюся фигуру Эсэс, склонившейся над экраном компьютера.

Отстучали, переставили сейсмоприёмник. Потом переместили виброисточник и ещё пару раз отстучали. Ничего необычного, никаких пустот. Замёрзли, промокли. Настроение стремительно падало, и оба уже не раз про себя подумали, что неплохо бы свернуть работы и возвращаться в Москву.

— Который час? — спросил шёпотом. (Как-то само собой получилось, что в пещере все разговоры велись громким шёпотом.)

— Без четверти четыре, — постукивая зубами, отозвалась Светлана Сергеевна.

Видно было, что замёрзла и хочется ей наружу, на солнце, но сказать первой, что пора возвращаться, гордость не позволяет.

— Ещё один пикет сделать успеем. — Я специально произнёс эту фразу неуверенно, давая ей возможность скомандовать закругляться с работой.

Молчишь? Ну и чёрт с тобой! Я-то замёрз не так сильно, всё-таки двигаюсь, переползаю с места на место, переставляя аппаратуру. И как бы там ни было, мне нравится работать руками, нравится произносить эти специальные слова: «пикет», «виброисточник», «сигнал», «воздействие». Хотя, конечно, предпочёл бы сидеть сейчас за своим рабочим столом, а не копошиться в грязи, забившись, как крот, в какую-то подземную дыру... Да вру я, вру! Где-то на краю сознания понимаю, что эта дыра и есть то самое приключение, о котором мечтал всю жизнь, и другого, по всей видимости, уже не будет. Вот поэтому бодрюсь и терплю.

Сделали ещё один пикет. Перетащили аппаратуру в Снежный Туннель, запихнули в грязные намокшие сумки. Спешили. Светлым пятном дразнил выход из пещеры — тепло, солнце, звуки!

Вылезли, выбрались. Стояли на дне воронки, щурились, глаза привыкали к свету. Солнце садилось, на небе повисли низкие, тяжёлые плюхи облаков. Пока работали в пещере, прошёл дождь и, видно, хороший. Мох на камнях потемнел, пропитался влагой. Нависающие высоко над головой лапы ели, все в капельках, поплёскивали в лучах солнца.

— Валентин, не сочти за труд удалиться на несколько минут, — чопорно произнесла Светлана Сергеевна.

Проблема туалета встала остро в первый же день. По стволу не налазаешься, да и опасно лишний раз. Так что пришлось мне протиснуться обратно в пещеру. Обдало холодом. Отошёл на пару шагов вглубь, стоял, считал про себя до ста.

Когда вернулся, Светлана Сергеевна доставала из рюкзака свёрток с бутербродами. Термос и две кружки, до краёв наполненные горячим чаем, рядом на камнях. Это становилось традицией: выползти замёрзшими и голодными из пещеры — в тепло, в солнце, жадно заглотив бутерброды (один с колбасой, другой с сыром), а потом не спеша прихлёбывать чай из кружки, грея об неё никак не согревающиеся руки. Красота! День закончен. Скоро придёт машина — и домой. Там душ, горячая вода, столовка, и интернет с телевизором, и постель с чистым бельём.

— Время, — недовольно буркнула, передавая бутерброды, будто это я, как всегда, виноват в задержке.

Решил не обращать внимания, пускай бухтит. Спешить не хотелось, подождёт Ренат, если что...

Всё хорошее когда-то заканчивается. Вот и сейчас нужно встать, кривясь от боли, разогнуть затёкшее тело, забросить полупустой рюкзак на спину и вылезать из этой воронки. Ещё минут тридцать петлять по тайге до дороги, отмахиваясь от лезущих в лицо комаров, и только потом, в машине, можно окончательно расслабиться, растечься на мягком сиденье.

Светлана Сергеевна полезла первой. Стоял внизу, дожидаясь своей очереди, время от времени поглядывая на обтянутую синими спортивными штанами огромную задницу, нависающую над головой. Двигалась медленно и осторожно. Внезапно комель ствола, упирившийся в дно воронки, содрогнулся и чуть сдвинулся, заскользил по мокрым камням. Светлана Сергеевна застыла.

— Что там? — прошипела сверху. — Держи!

Подскочил к стволу, навалился всем телом.

— Держу! Давай!

Она аккуратно переставила ногу на следующий сучок, опёрлась, пробуя его прочность, перехватила рукой за обрубок ветки возле самого края воронки и начала подтягиваться.

Время внезапно остановилось. Внутри образовавшейся пустоты раздался хруст, и центр живого веса, отвалившись от ствола, обрушился вниз.

Два тела с глухим стуком впечатались в груду наваленных на дно воронки камней.

3

Следователя МВД России по Пинежскому району капитана Синельникова И.К. подташнивало. В настоящий момент за поведение, недостойное звания офицера, он был выдворен из родного отдела в двухдневную командировку в г. Прилукомск: «Пошёл вон, с глаз долой! Ещё один такой залёт, и вылетишь из органов».

Старательно объезжал колдобины на дороге. Стрелка спидометра металась между шестьюдесятью и сорока. Каждая встряска отдавалась в голове болью — от виска к виску перекатывался чугунный шарик, разгонялся и бил в кость снова и снова. Наказание вылилось в бессмысленность поездки и определялось километражем. Двести сорок в одну сторону по жаре и с похмелья, да по такой дороге... Звери бесчувственные! Умереть здесь и сейчас! И вся эта мутотень затеяна, чтобы лично забрать бумаги, которые легко передаются по факсу. Воспитатель хренов! Благотетель! Ни о каком расследовании даже речи не идёт. Москвичи прибабахнутые в пещеру сунулись. Несчастный случай. Только бумажки, блин!

Остервенело крутил руль, в машине пахло пылью и бензином. Хорошо, что хоть сухо. Как же они здесь осенью-то ездят? Потрёпанный «Логан», побрякивая нутром на колдобинах, в любой момент мог закапризничать, годков-то ему уже... Пустынная жёлто-серая грунтовка, разукрашенная теневыми пятнами от подступающих вплотную деревьев, казалось, резала тайгу напополам. Автобус, говорят, до Пинеги ходит. Где он, этот автобус? Ни одной машины навстречу. Куда еду? Дыра! Ага, а Пинега твоя — не дыра?

Почему я опять сорвался? Ведь выпрут. И куда тогда? Твою же мать! Ведь всё хорошо начиналось. Всё из-за Марины. Сука! Шесть лет прошло, выкинуть из головы пора — так нет, сидит обида.

По привычке костерил жену. Хотя на уровне подсознания понимал, что сломал не её уход, а совсем другое. С уходом жены смирился, а вот с этим знанием смириться не мог.

Молодыми были. Она — красавица, за которой бегало полпосёлка. Я — старший летёха. Голубоглазый, бесшабашный, уверенный в себе. Куда им всем до меня. И ведь действительно казалось, что впереди только хорошее, весь мир у моих ног. Ещё и власть, определяемая погонями, добавляла наглости. Гулял напропалую. Оглянулся — все ровесники уже при семьях, спиногрызов нянчат, а вокруг какой-то левый молодняк крутится. Решил, что тоже пора остепениться. Марина образовалась.

Свадьбу отгуляли, зажили. Марина, она спокойная. Только поженились, и сразу совсем домашняя стала. В кино не хочет, в ДК на дискотеку не хочет. Работа, дом, книжки, телевизор. Три года прожили. Капитана получил. Заматерел, посерьёзнул

Любовь Глотова

«ДО ВОЙНЫ — ТОЛЬКО НЕЖНОСТЬ ТВОЯ»

* * *

я росла в районе Шоколадки
шоколадной фабрики Россия
прилетал во двор к нам ветер сладкий
вкус какао плавал в небе синем
звёзды серебрились из фольги
а в траве сияли васильки

и сейчас когда я еду к маме
я в машине окна опускаю
и встречая воздух шоколадный
те воспоминания вдыхаю
о какао дивные бобы
боги детства памяти рабы

Fragment written shortly after Byron

Бегутмурашкимежлопат,
лопатов, сорри.
О чём нам, милый, говорят
туман и море?

Туман впитался глубоко
в слова и в поры.
Мы в кофе льём, как молоко,
мы длим его, как рококо,
мы запускаем далеко
его за горы.

Глотова Любовь Анатольевна — поэт. Родилась в 1985 году в городе Куйбышеве (ныне — Самара). В 2007 году окончила отделение журналистики Самарского государственного педагогического университета. Автор книг четырёх книг стихов, в том числе «облака сугробы снега» (Самара, 2020) и «Апельсины с дождём» (Самара, 2020). Публиковалась в «Арионе», «Знамени» и других журналах. Участница Форумов молодых писателей «Липки». Живёт в Самаре. В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

А там, где горы встали так,
что дальше — выше,
туман лежит, как снег, как мрак,
как в поле — мыши.

Но здесь туману нет преград,
он нас окутал всех подряд.

И в камуфляжке своей,
один у моря,
платан встречает нас, как брат.
Бегут мурашки меж лопат,
лопатов, сорри.

* * *

«До войны — только нежность твоя».
Помнишь, было у Блока?
До войны — только нежность, а я
весела и жестока.
Хвоя вместе с листвой зелена,
а трава — изумрудна.
И, конечно же, я влюблена
безрассудно.
И морочат в марокко меня,
и барочат в барокко.
А волшебный цветок из огня
зацветает далёко.

Мрачный холод и мрак ледяной,
и потоп на три года.
Нас увозит наш новенький Ной.
Непого... непогода.
Что там дождь говорит и кому?
И зачем эти звуки?
Нам с тобой не ответить ему,
не унять его муки.
О, не капай ты нам и не плачь,
ляг на землю туманом,
а слова свои горькие спрячь
в южном городе пряхом.
Где волшебный цветок из огня
всё цветёт синеоко,
где морочат в марокко меня,
где барочат в барокко,
где по-прежнему я влюблена
безрассудно,
где листва зелена, зелена,
а трава — изумрудна.
«До войны — только нежность твоя».

* * *

как будто ходит по пятам и смотрит — что, жива?
то тут вдруг выскользнет, то там, а я — в слова, слова

всё начинаю наугад, как в год, как в два, как в три,
она следит за всем подряд — на, глупая, смотри

вот это стул, за ним сижу, вот стол, за ним я ем
вот это то, о чём скажу, а это то, зачем,

а вот... но это навсегда пусть будет там, где свет
и тьме проезда нет туда, тебе проезда нет

и там от жадных глаз твоих, от хладных рук твоих
я спрячу всех своих, своих и всех чужих, чужих,
и этот свет не выдаст их, нет, он не выдаст их

* * *

но как мы одиноки
когда идём
ко дну
недоучив
уроки
недобренчав
струну
попробуй
оттолкнуться
носком
от точки дна
поторопись проснуться
ноябрь ноябрь весна

* * *

ноябрь сердит — он морок, мрак, тоска
вот кот бежит, и ночь его резка
он видит мышь, она скользнёт во тьму
и хвостиком — адью — махнёт ему
с мороза роза, льдом разбита бровь —
любовь зимою больше, чем любовь
а в ноябре она зовёт — ответь,
сова не знает, где живёт медведь
соседский кот в окошко заглянул
он гладь стекла, как молоко, лизнул
и убежал в поля, к реке, во тьму
и что наш дом, и все мы — что ему

* * *

Я иду посмотреть на листья —
листьев много, я одна.
Вот рябины морда лисья
огненно видна.

Клён (не вижу ваши руки,
у меня их миллион),
как ты жёлт, как жёлт от скуки,
позапрошлый бывший клён!

Дуб раскинул всё, что можно,
и любит себя собой.
Витьевато, непреложно
к небу тянет образ свой.

Ветви дуба — это космос,
звёзды падают с него.
А берёза сушит космы
от дождя осеннего.
Смотрит, словно виновата,
слишком — белая — одна!

У дерев ума палата,
потому и тишина.
Потому и птицы любят,
потому и гнёзда вьют.
Шуман, Григ, Шопен и Шуберт
на ветвях поют.

* * *

когда попытался
проститься
но всё возвращаешься
чтоб

в глаза посмотреть
улыбнуться
дорожку в снегу
протоптать

смотри
пролетела жар-птица
перо падает
в сугроб

умыться одеться проснуться
и в школу и в школу опять

Галина Калинкина

Настройщик

Рассказ

1. Чердак

Мы лежим голова к голове. Громко дышим. И он вдруг даёт петуха, запевая фальцетом:

Алёна смотрит на меня влюблённо.
Как в кинофильме, мы стоим у клёна.
Головушка к головушке склонёна:
Борис — Алёна.
Борис — Алёна.

Я беру у него сигарету, затягиваюсь, кашляю. На самом деле не курим ни он, ни я. И нет никакой сигареты. Просто кашляю, едва отдышавшись. Мы лежим на бомжацком тюфяке. На чердаке ни кошек, ни голубей. Кошки теперь всё больше подвалам. Голуби в городе массоводохнут. И в последнее время именно мне попадаются под ноги. Я не гринписовка, хоронила только тамагочи, когда забыла его покормить. Отворачиваюсь от голубиного трупика и ухожу. Но потом час или даже час с четвертью цежу испорченное настроение.

Мы лежим голова к голове. На десятом этаже девятиэтажки. И напеваем, как «Витюра закуривает хмуро», — стишок Рыжего. Вернее, поёт парень, что лежит рядом. У него мелко-мелко трясутся руки. Но я чувствую, как теплеет покрытая холодным потом его кожа. А внизу под нами носятся машины со спецсигналами: сперва полицейская, потом «скорая». Уу-уу... Мы ждём тишины. Мы ждём момента, когда можно будет улизнуть. Периодически я встаю и выглядываю в слуховое окно на двор. Там внизу бегают крошечные фигурки, машины размером со спичечный коробок расставлены по периметру. Там двор разрезают на ломти красно-белые ленты. Стрельба стихла, и мы говорим-говорим... Рассказываем друг другу, как у кого это было в первый раз. Потом про школу, театр, о родителях, педагогах. Мы познакомились двадцать минут назад. И у нас, оказывается, полгорода общих знакомых.

Калинкина Галина Евгеньевна — прозаик, критик. Родилась в 1963 году в Москве, печаталась в журналах «Знамя», «Юность» и других. Автор книг «Поверх крыш и флюгерных музык» и «Лист лавровый в пищу не употребляется». Лауреат ряда литературных конкурсов. Живёт в Москве. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Да, Москва — большая деревня. А мы — из маленьких: я из Мордовии, а парень — с Урала. Мы болтаем, несём чепуху. И с трудом возвращаемся к тому, что произошло двадцать минут назад.

2. Лёшик, Лёлик, Лель

Я ещё в четверг наклеил объявление на загородку мусорных баков. И третий день подряд проверяю: ни один «лепесток» с номером телефона не оторван. Это странное место для объявлений, соглашусь, но выбор невелик. С остановки листы срывают специальные люди в ярких жилетах. С «Роспечати» срывает ругачая киоскёрша, с двери кафе — уборщица. Тогда как мусорщики — народ толерантный, — потому на помойке моё объявление держится до сих пор. А что, ходят же и владельцы музыкальных инструментов выносить мусор.

Беру я недорого. Работаю в основном по району, чтобы время на проезд не тратить — работа настройщиком не основная моя занятость. И не хобби. Приработок. Ну, если нужно, могу и проехать, куда скажут, лишь бы предоплату дали. Я теперь беру предоплату. Двадцать процентов от суммы заказа, потому что один раз меня реально нагрели. Не будем про тот случай. Не суть. Суть в том, что за последние три дня ни один «лепесток» не оторван. А заглядываю я на помойку дважды в день: выходя из дома на репетицию, в десять утра уже сбор на грим, в двенадцать — на сцену, это детское представление, и вечерами, после взрослых спектаклей. Со стороны кое-кто мог бы подумать, что местный бомж регулярно производит разведку.

Работа настройщика мне по душе. Всякий раз трепет перед встречей с инструментом. Чаще всего вызывают к старикашкам типа «Лирики» или «Дружбы». Но иногда попадаются благородные особи, вроде «Бехштейна». Всегда обидно видеть ржавые колки, расколотую раму, треснутые деки или забитые гнёзда вибрбелей. И что в таком случае хотят от настройщика? Восстановления идеальной интонировки? Странные люди. Это как завядшие цветы заново оживить, ну бывает, цветок воды напьётся и поднимает голову, но ведь то не частый случай. Настройщик — не эскулап, он — артист-виртуоз. Кстати, об артистах...

— Антонченко, опять на репетицию опоздал?

Музрук у нас строгий, но музыкант от Бога. Провинциальный гений, затерявшийся в столице. Я в Музыкальном театре кукол уже полгода как подвизаюсь. Сперва вообще на меня внимания не обращали, из второго состава не вылезал. А потом подвернулся случай, ну, вернее, подвернул ногу артист-кукловод из «Лампы Аладдина», и мне досталась роль Козы. И вот когда я на радостях испортил всё, что мог, тогда на меня и обратили внимание, причём разом все: от самого Аладдина до директора театра. На премьеру, свою премьеру, я опоздал, в спешке спел фальшиво, вернее, проблеял по-козлиному. Роль моя обходилась без слов, но чужие роли я знал назубок. Какой чёрт меня дёрнул подсказывать, но только Аладдину я случайно подсказал реплику Султана. Ну, в общем, фиаско было полным и великолепным, премьеру я блестяще завалил.

— Учите, Антонченко, артист начинается с дисциплины. Вы поняли меня?

Музрук у нас чёткий мужик. В сущности, он прав. Но дисциплина — это не про меня, не выношу рамок, сразу вяну.

После провала утешала меня Валя, смотрительница театрального музея в одну комнатку — «приживалка», пользы мало, а гнать из труппы жалко. Куклы в отставке — дряхлые пиноккио, чиполлино, глиняные, штоковые марионетки — и отставленная прима Валя.

— Лель, артист начинается с репетиции. Приезжай ко мне в Бескудниково, порепетируем.

Валя, Валя, все твои репетиции заканчиваются ностальгией и слезами.

Нет, не поеду.

Пусть все оставят меня в покое. Как это непрофессионально, да?..

Отыграв Козу, помчался на кастинг. За Музыкальный кукольный я держусь руками, ногами и зубами. Ведь это крохотная, но твёрдая ставка, да и у себя в городе всегда можно похвастать знакомым, что служу в столичном театре. Когда устаю от людей, иду к куклам. Забываю, что кукла ведома человеком. И верю кукле, и только ей. Но амбиции мои страдают, а интерес простирается на театры посolidнее. Потому я и не пропускаю ни одного кастинга: ни театрального, ни антрепризного, ни киношного.

— Молодой человек, вы опоздали. Кастинг не резиновый. Нет-нет. Завтра приходите.

Знаю за собой особенность: моя улыбка «чеширского кота», мягкая сила обаяния открывает чужие сердца и двери. Девушка-ассистент, прочитав на моих губах, едва не сорвавшееся, но так и не сорвавшееся «а что вы делаете сегодня вечером», приоткрыла дверь шире, и я протиснулся мимо её третьего, нет, всё-таки претендующего на третий второго размера, под громкое возмущение толпы «невезунчиков».

В узком помещении с натяжным потолком стояло, сидело, лежало человек сорок. Пробы шли на мюзикл, на главные и второстепенные роли трёх девушек и двух парней. Очередь двигалась медленно, некоторые, говорят, тут с утра виснут. Ну, и где я опоздал?! Как раз вовремя, в четыре часа пополудни. И если скоро закончится смена, то завтра ещё кастинг продолжится. Буду маячить тут, пока не пройду.

Мальчики стоят у стены справа, девочки — у стены напротив. Окон тут нет, стулья все расхватили, а ноги не казённые. И желудок свело, перекусить не мешало бы, но не сложилось. Нужно правильно отыграть мизансцену «красивый, голодный, злой», нет, «красивый, голодный, добрый», злomu не подадут.

Вместо обеда после репетиции в Кукольном заскочил в редакцию «толстяка».

Бываю там часто, старательно мозолю глаза. В первое посещение поразило, что редакция уважаемого журнала, находясь в старинном особняке в самом центре Белого города, так престарело выглядит. Не из-за возраста работников, хотя и это тоже фактор архаики, но из-за окаменелой атмосферы. Тут, кажется, с позднесоветского периода не менялась обстановка: мебель и двери ярко-желтушного цвета, французские шторы «в сборочку» с отложением пыли времён Ренессанса. Разве что печатные машинки всё ж таки сменили на компы. Теперь моя голливудская улыбка покорила в редакции секретаршу Нину.

Дамы почтенного возраста вообще почему-то питают ко мне особую привязанность, каждый раз стараясь накормить и всячески проявить заботу. И все они,

как одна, схожи, неважно какой музе послужили — театральной, писательской, консерваторской. Всем дамам было глубоко за шестьдесят, причём в возрасте, и в размере. Всех их, молодящихся, звали схоже: Люда, Галя, Валя, Нина, отчества у них терялись. Эдакие мамки-доброхотки, не все испытавшие роды, но обладавшие инстинктом, нет, даже врождённым даром материнства. Все с неустроенной судьбой. Все они носили на бесформенных причёсках вязанные крючком шапочки, и все как одна полагали, что я перманентно голодный, и все готовы были усыновить. Назойливые обладательницы исключительного права на меня без моего на то согласия. «Мой хороший. Мой дорогой. Мой любимый». Мой. Мой. Мой. А я вообще не хочу быть окружённым старостью. Я хочу быть молодью.

Но пиетет ко мне секретарши Нины отчего-то не распространялся на редакторов журнала. Потому, в сущности, пороги редакции я обивал зря. Приносил тексты, мне отвечали: «Алексей Андреевич, вы ещё неприлично молоды, этот текст несвоевременный, а это устарело, это предвосхищает, но теперь не пойдёт», а иногда ограничивались универсальным «увы, сожалеем».

— Вы опоздали, Лёшенька, — ласково голубила меня глазами Нина. — Михал Михалыч только что отчалил в Ассоциацию, там сегодня гранты пилят. А я могу Лёшеньку накормить солянкой мясной. Пучит? И совсем не пучит.

Знаете, посторонние ласки не всегда в кайф. Их навязчивость сносить тяжело.

Сговорились на зефире в шоколаде. По сути, я не особо расстроился отсутствием главреда, сам чувствовал, текст сыроват. Ещё утром загадал: сложится отдать — значит, так тому и быть, не сложится — стало быть, в топку.

На выходе из редакционного особняка столкнулся с Галей.

— Опоздал, Лёшик?

Галя, едва не придавив меня в дверях напором и бюстом, завела разговор об арке героя, «косточке» текста, о современных тенденциях тяготения к бессюжетности и открытым финалам. Галя принялась за любимую тему: роман-долгострой о лилипутах. Говорят, в редакции слышали про лилипутов с прошлой пятилетки. Галя жаловалась на непонимание, глобальное потепление, коллаидеры, эпидемию — злосчастные факторы, не дающие ей окончить рукопись. Галя молила меня о совместном написании новелл автофикшн. Пару раз я сдавался. Новеллы одобрил редсовет и хвалил авторку за «отличное знание нашей молодёжи». Галя просила не открывать истинного авторства и задаривала свежесваренным малиновым вареньем со своего дачного участка в Мытищах. На что она тратила гонорары, я не спрашивал, может быть, на навоз. Малину тоже нужно удобрять. Нарывавшись теперь в мою жилетку (обожаю носить жилетку поверх рубашки с засученными рукавами) о бедной судьбе её лилипутов, Галя двинулась атаковать редакцию. Я понёсся на кастинг, куда так-таки опоздал. Виновата моя дурацкая неспособность оборвать совершенно ненужные знакомства, нелепые разговоры. Дед сказал бы «ложная интеллигентность», а кто мне её привил, а, дед? Пусть все оставят меня в покое. И ты, дед. И ты.

Теперь, в очереди, я выбрал невысокую брюнеточку напротив, чуть позади меня. Она показалаась основательной: ловко орудовала бутербродами и термосом. От её «столика» на рюкзаке исходил еле уловимый запах кофе. Брюнетка с зелёными глазами — редкость. Она, ничуть не смущаясь девиц более выигрышного калибра, уминала свой обед и отвлекалась только на выкрикивающую фамилии ассистентку. Я, скуки ради, принялся гипнотизировать зеленоглазую. Через какое-то время она

взгляд мой почувствовала, перестала жевать, едва не поперхнувшись. Думал, дело сделано, сейчас протянет бутерброд и крышку термоса с пахучим кофе. Но брюнетка отвернулась и снова энергично заработала челюстями. Да, никудышный из меня гипнотизёр.

— Антонченко! — выкрикнула ассистентка и, не дожидаясь реакции, показала спину.

На эту спину почему-то дёрнулись сразу двое: я и брюнетка с термосом. На входе девчонка юркнула под мою руку и влетела в зал — ловкая особа! Ну не возмущаться же мне, как Тимофею Трибунцеву, «проклятье на мне какое-то».

Ассистентка, защебив мой «чеширский» ус, захлопнула дверь с безапелляционным тоном продавщицы из овощного: «Перерыв».

Тут бы и улыбка Тёркина не помогла.

3. Меланья, Мелани, Мелли

Ну что о себе... Блин, как только я говорю эту фразу, сразу вспоминаю Тимофея Трибунцева. Ну, ту короткометражку. «Проклятый» или «Проклятье».

В школе ходила в хор мальчиков. У нас просто хора девочек не было. Хормейстер девочек недолюбливал.

В Москву приехала с абсолютной уверенностью в поступлении тем же летом. Запаслась орехами, фундуком, и с набитым ртом, бесконечно доверяя героине Ирины Муравёвой, твердила: «От топота копыт пыль по полю летит». Выправляла дикцию. Говорю я достаточно чисто, всё-таки в столице родилась, хоть и в столице протектората — Саранске. Но вот диалектные нотки не вытравить. Да, мне всегда тыкали: простовата, мол. Ну и что. Простоту можно облечь в достоинство. Пока замурднённые рефлексируют, простаки живут по полной.

Что ещё из главного обо мне? Я до сих пор сплю с мягкими игрушками. Это куклы моей прабабки: немка Ира и рыже-плюшевый Мика. Их не раз порывались выкинуть мать и сестра, но я отвоевала и даже с собой в Москву увезла. А характер у меня ого, ого-го даже. Бедовый характер. В отца, говорит мать. А отец говорил: в мамашу. Кавалерист-девица, одним словом. У меня с собой всегда какой-нибудь клинч.

Отца я очень хорошо помню. За несколько лет невозможно забыть человека, который составлял смысл твоей жизни. Помню залитую солнцем комнату, где папа подслеповато стряхивает крошки с моего голого плеча. У него не получается, крошки не стряхиваются. «Па, это веснушки». И мы оба смеёмся.

Сейчас я почти не разговариваю с отцом. Иногда только оглядываюсь на него. Из своей рамочки с чёрной лентой он видит меня в любой точке комнаты, которую я снимаю с одной девочкой, травести, на двоих. Мне очень стыдно, что не разговариваю с отцом. Но столичная суета заедает. И потом, девочка-соседка, она почти в то же время, что и я, дома. Конечно, она привыкла к моим причудам, но тут не в причудах дело. Тут серьёзно. Так, как я любила отца, я не смогу полюбить ни одного мужчину. И вот размениваю отцову любовь на пустяки, суету, колготу дня.

Точно знаю, папа мной бы гордился.

Он бы понимал меня сейчас, в глупостях и промахах, как всегда понимал в главном. Сестра и мать в минуты разрыва со мной дипломатических отношений твердят: «Вот был бы жив твой отец, он бы...» А что было бы? Почему они так уверены

Григорий Марк

Где слова распускаются

* * *

Чуть выдвинув нижнюю челюсть, усталый
боксёр из угла освещённого ринга
глядит на противника перед началом
последнего раунда их поединка.
Он смотрит в глаза, улыбается робко.
И вдруг взмах руки. Продолжением жеста
удар изнутри в черепную коробку.
Душа со щелчком заняла своё место.

Напротив, по диагонали квадрата
назначенный кем-то противник. Весь гладкий,
лоснящийся потом. Свисают перчатки,
как чёрные головы гидры, с канатов.
Ни криков, ни зрителей больше не будет.
Лишь два друг на друга хрипящих молчанья.
Но ринг двух не выдержит. Схватка без судей.
Всерьёз. Не на публику. На выживание.

К открытому небу возносится крыша.
Помост, словно плот, освещённый луною.
Качается пол, и одна за одну
в борта бьются волны. И колокол слышен
вдали. Это гонг зазвонил по боксёрам,
взобравшимся после кораблекрушенья
на плот, уходящий во тьму. Тьму, в которой
закончится схватка двойным пораженьем.

* * *

Тот седой человек
был совсем на меня непохож.
За накрытым столом
он сидел неподвижно и шупал
голубыми глазами
лежавший на скатерти нож.
И взхлёб бормотал.
На губах шевелился испуг.
Конус слипшихся звуков
торчал изо рта, будто рупор.
Серебристое облако
быстро сгущалось вокруг.

* * *

Клумбы круглые фраз,
весь тот сад-разговор,
где слова распускаются,
как лепестки,
поутру в свете солнечном.
Наперекор
темноте и друг с дружкой
наперегонки.

Но цветок остаётся
собою, пока
до него не дотронутся,
не отделят бормотанье
предсмертное от стебелька.

* * *

Свет в комнате гаснет,
и ветер, влетая в окно,
словно фокусник, вдруг
оживляет лежащие вещи.
Мой пиджак, поднимаясь
со стула и как-то чудно
прицепив к себе брюки,
во тьме возбуждённо трепещет.

Рядом с ним возникает
знакомое длинное платье.
Угадать уже можно
бесплотные груди, колени.
Не касаясь друг друга,
танцуют они над кроватью,
повторяют движенья
на стенах их белые тени.

Тянет холодом. Ветер
свистит тростниковую флейтой.
Снежинки — прощённые души
здесь живших когда-то, —
с вещами, с тенями на стенах
сливаясь, кружатся. И чей-то
испуганный голос
бормочет «не надо, не надо».

* * *

Прилепившись, сливались изгибами. Сердце стучало.
Наше общее сердце, твоё и моё. Гулкий стук
отдавался в двух клетках грудных, и ползло одеяло
в темноту под кроватью. И всё исчезало вокруг...

Если двое когда-нибудь были один — это мы.
Это мы, когда всё исчезало вокруг, и края
одеяла — я знал — становились границами тьмы.
Знал, что, если один был когда-то двумя, это я.

Павел Тимченко

Рыбалка

Рассказ

Подлёдным ловом Михаил Степанов заболел в детстве, когда отец брал его с собой на городское озеро. С первого взгляда влюбился он в эти походы, чтобы снег скрипел под ногами ранним утром, навстречу шли редкие прохожие, а ещё первые шаги по льду и ощущение бездны.

Но больше этих ощущений полюбил Степанов рыболовную науку. Например, что окуня легче всего найти возле коряг, что щука прячется в ямах, а налима можно ловить на кусочки сливочного масла. Он заучивал премудрости и набирался опыта, чтобы в конце зимы сдать «рыболовный экзамен» — выйти на водоём, когда поверхность укрыта снегом, и отыскать там загаданную рыбу.

Не без труда, но справился. Довольный, притащил хариуса к берегу, где ждал отец со знакомыми мужиками. Отец кивнул, взял рыбку, а потом наклонился к нему и сказал:

— Молодец. Но знай, что рыбалка — не ради рыбы, а для тебя того, что в голове живёт. Сиди в тишине и слушай, о чём там внутри говорят. — Он постучал пальцем по лбу маленького Миши. — Держи душу открытой, когда клюёт, — тогда самые важные вещи внутри зазвучат.

В детстве только и оставалось, что кивнуть на такое. Пока они с отцом дошли до дома, непонятные слова, казалось, вовсе вылетели из головы.

С тех пор каждую зиму и до конца марта, а иногда и апреля, Степанов проводил выходные на льду. Сперва с отцом, потом, когда тот умер, в одиночестве. Другие рыбаки иногда пытались Степанова разговорить: как там цены на бензин, сколько будет стоить ремонт на кухне, где и почём снасти брать лучше, но скоро уставали. Степанов будто толком и не слушал, только кивал да всё смотрел на лунку, в которой плескалась чёрная вода.

Когда весна брала своё в полной мере и лёд сходил, жизнь Степанова замирала. Хотя он так же ходил на работу, занимался делами по дому, а летом ездил ухаживать за садом на даче — это казалось ему ненастоящим, платой за будущие холода, скрипучий снег и тишину на водоёме.

Наступающие осень и зима были особенными для Степанова. Нежданно грянуло пятидесятилетие. Появился повод повспоминать. Степанов родился в конце сентября.

Тимченко Павел Александрович родился в Раменском, Подмосковье. Печатался в журнале «Юность». В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Отец рассказывал, что когда в тот день приехал в роддом, снег падал огромными пушистыми хлопьями. Потом папаша сунул якобы своему сыну яркий красный поплавок, малютка ухватил его и не выпускал из ручек до самого дома. Степанов снисходительно относился к этим выдумкам.

Осень уступила зиме в начале ноября. Опустились морозы, задули холодные ветра, листья с деревьев облетели. Степанов любил эту пору. Вот-вот должен наступить миг первого выхода на лёд после перерыва. Наконец, в середине ноября, в субботу рано утром, он вышел из дома.

Тихо вокруг, пустынно. Машин на дорогах не было, горожане отдыхали после долгой недели. Степанов прошёл мимо церкви, которая стояла рядом с парком, обогнул её, спустился по разбитой асфальтовой дорожке к замёрзшему озеру.

Возле берега, кое-где даже пробиваясь через корку льда, пучками торчала высокая жёлтая трава. Степанов раздвинул её мыском сапога, поправил на плече большую сумку, поудобнее перехватил ледобур и мелким шагом направился к тому месту, где закончил сезон в прошлом году.

Снег не выпал, поэтому Степанов с трудом, но мог различить через лёд воду. Другой мир по ту сторону зеркала манил.

Степанов остановился, выдохнул. Поставил на лёд сумку, пристроил ледобур и начал уверенным движением делать лунку. Закончил, положил инструмент рядом, неторопливо достал из сумки снасти, удочку, разложил табурет.

Наконец, всё готово. Пора начинать, ждать сил нет. Степанов вздохнул, опустил в лунку крючок со снастью и взглядом будто нырнул следом...

Шарк-шарк. Тук-тук.

Степанов оторвал взгляд от лунки и увидел мальчишку. Тот стоял на льду метрах в двадцати от него, согнувшись почти пополам, шаркал, вглядываясь во что-то под ногами. К появлению ребёнка в таком месте, да ещё так рано, Степанов не был готов.

Нужно было как-то осадить парнишку, прогнать, но в голову ничего не шло. А только возникший покой внутри враз улетучился.

Мальчик снова шаркнул, потом поднял голову и заметил, что Степанов смотрит на него. Каждый ждал, что скажет другой.

— Вы чего? — первым нарушил молчание мальчик.

Степанов помолчал миг, глухим голосом сказал:

— Давай-давай, иди отсюда, я тут рыбу ловлю, а ты шуршишь.

Мальчик зачем-то огляделся. Потом снова посмотрел на Степанова, подошёл поближе:

— Да я гулял... А расскажите мне про рыбу. Какая тут в озере живёт? Я думал, что тут всё передохло, а рыбаки просто так сидят и отдыхают.

Степанов не нашёлся, что ответить. Что-то не сходилось. Он присмотрелся к мальчику повнимательнее. Невысокий, а куртка дутая, большая, с такими рукавами, что они болтаются чуть не до колен. Шнурки развязаны, джинсы с чёрными пятнами на коленках. Степанов сказал:

— Ты давай домой иди, родители, небось, потеряли.

Мальчик замялся, нахмурился, надулся, звонким голосом приказал:

— Расскажите про рыбу!

— Домой иди, говорю!

Мальчик сурово посмотрел на Степанова, а затем прыгнул на месте.

— Ах ты... Ты всех распугаешь! А ну пошёл отсюда!

Мальчик ухмыльнулся, показал язык, прыгнул ещё раз.

Степанов отложил удочку, собираясь встать и прогнать наглеца, но что-то насторожило его.

Заскрипело, словно сгибаешь и разгибаешь ветку, какие-то тени промелькнули подо льдом. А потом хрустнуло, плюхнуло, Степанов поднял глаза и не увидел мальчика. Только дыра огромная и вода волнуется. Тишина, Степанов замер. Но через секунду плеск, кашель, плач, показались два чёрных рукава, поднимались над водой, как крылья большой птицы. Так оно и чередовалось. Тишина и беспорядок.

Степанов заворожённо смотрел на мальчишку, который пытался выбраться. Послышались крики вдалеке. Степанов краем глаза увидел, что кто-то быстро приближается от середины озера. Тогда его будто отпустило:

— На помощь! Скорее! — крикнул он.

И, осторожно переступая, двинулся к дыре. Опустился на живот, подтянул себя руками к краю. Стянул рукавицы, чтобы удобнее было хватать. Опустил руки в воду и принялся водить ими. Ничего. Степанов всматривался в чёрную гладь, силился разглядеть хоть что-то.

Взгляд зацепился за белое пятно, что перекатывалось и мелькало на тёмном полотне воды. Степанов остановился, дал воде успокоиться и понял, что отвлекла его внимание эмблема на собственной шапке. Он нашёл в этом зеркале свои глаза, скользнул ниже и остановился на широкой улыбке. Степанов решил, это от нагрузки так перекосило лицо, но напряжения не было. Напротив, внутри словно на трубе играли, и мелодия эта пульсировала, щекотала. Степанов прислушался лучше, ожидая чего-то страшного, мерзкого, но такого не было. Звучал азарт.

Степанову показалось, что уловил движение в глубине, заводил руками активнее, по пальцу скользнуло что-то, но на этом всё. Он тяжело дышал. Мираж ушёл. Вода так пропитала рукава, что тяжесть их не позволила перекатиться на бок. Наконец, с третьей попытки получилось. Руки сильно замёрзли, Степанов неуклюже пытался растереть их.

Пока он отогревался, к дыре во льду приблизились двое мужчин. Степанов посмотрел на них: часто дышат, пар от дыхания застилает лица, но щёки и носы блестят от пота. Огляделись.

— Достал его? Ну?! — резко спросил один Степанова.

Тот покачал голову. Поднял руки, начал дышать на ладони. Почувствовал, как при сгибании потекло на штаны и ботинки.

Мужчины молчали. Затем один подошёл чуть ближе к дыре, посмотрел в воду.

— Утянуло к середине, потом болтать будет повсюду. Придётся всё озеро обыскивать, — сказал он после паузы.

Дальше ждали полицию и «скорую». Машины к берегу подогнать не смогли — бросили где-то в парке. Степанов видел, как два парня в форме спускаются с горки к берегу. Оба, заметно, недавно проснулись да и оделись не по погоде.

— Где утопленник? — спросил один, помоложе, подавив зевоту.

— Нет его, — тихо сказал Степанов.

Полицейский нахмурился.

— Не спасли, — пояснил Степанов. — Утянуло под воду, придётся кого-то звать, чтобы ныряли.

Второй полицейский вздохнул, посмотрел на напарника и сказал:

— У нас таких в городе нет, надо звать из Москвы. Кстати, а кто утонул? Ты видел?

— Мальчишка, — ещё тише произнёс Степанов, опустив глаза.

— Чего он тут делал так рано? — спросил первый полицейский.

— Откуда мне знать? Он про рыбу только спрашивал, потом прыгнул раз-другой, да лёд и не выдержал. Я его попытался достать, но он утонул.

— Врёшь, — сказал один из тех мужиков, с которыми Степанов вызвал полицию. Оба полицейских взглянули на него.

— Вы о чём?

Степанов поднял глаза, столкнулся с мужиком. Тот сказал:

— Я видел, как пацан провалился, а этот стоял, ничего не делал. Мы с другом побежали, и тут он подорвался, начал спасать, — последнее слово мужик произнёс сквозь зубы, плюнул Степанову под ноги. Второй кивнул.

Полицейские взглянули на Степанова:

— Что скажете?

— Замешкался, наверное. Испугался. Знаете, как будто не по-настоящему всё было.

— Сука трусливая, — сказал первый мужик с презрением. — Мальчишка был бы жив сейчас.

— Так, достаточно, — оборвал второй полицейский. — Расходитесь. Вызовем спецов, вас, если нужно будет, пригласим в отделение. Контакты оставьте.

Степанов на автомате записал всё, что просили. Потом подобрал ледобур, сумку, удочку, медленно пошёл к берегу. На полпути оглянулся. Мужики смотрели на него, взгляды показались недобрыми.

Ноги не слушались Степанова, потяжелели, заплетались. В голове всё запуталось. Зазвонили церковные колокола, привели в чувство. Он огляделся, недоумевая, как так долго добирался от берега. Стараясь ни о чём не думать, двинулся дальше, к дому, но всё равно застревал поминутно, мысленно проваливаясь под лёд вслед за мальчишкой.

Неделю после случая на озере он забывал есть, почти не спал, не выходил из дома. Раз сделал шаг на площадку в подъезде, запустил руку в почтовый ящик, но выгреб оттуда горсть пепла вместо газеты. Ввалился домой, долго вымывал чёрные полоски из-под ногтей. На седьмой день ему померещились шорохи и плеск воды.

Состояние ухудшалось, но очень кстати кончилась еда, и Степанову понадобилось выйти из дома. Тяжесть обуви, тепло верхней одежды, холод ветра, обдувающего лицо, — всё казалось непривычным, он будто впервые открыл для себя ощущения от этих мелочей.

Степанов дошёл до магазина, потянул тяжёлую железную дверь. В лицо ударили запахи, от которых успел отвыкнуть, уши резанул шум голосов. Степанов смутился, но потом успокоился и подошёл к прилавку с выпечкой. Продавщица скользнула по нему взглядом, вернулась, посмотрела пристальнее. Подошла, шаркая, остановилась напротив, спросила:

— Ну?

— Батон и буханку мне, пожалуйста, — сказал Степанов.

Продавщица медленно, будто нарочито, пошла к полке, стоящей за её спиной. Взяла белый и чёрный хлеб, вернулась. Бухнула перед Степановым на прилавок, сказала:

— Пятьдесят рублей.

— Мне бы пакет ещё.

— Кончились.

Степанов посмотрел на неё, потом перевёл взгляд на прилавок. Рядом с синими весами лежала упаковка пакетов.

— Да вот же...

— Проваливай, — процедила она, вздохнула глубоко, как готовясь, и добавила: — Убийца.

У Степанова пересохло в горле. Что-то задвигалось в нём, чёрное, забурило.

— Я не убивал никого, — сказал он, оглядываясь, боясь, что кто-то стоит и слушает разговор.

— Да ты должен был следом нырнуть за мальчиком! — голос продавщицы дрожал.

Степанов посмотрел на неё, внутри заходило волнами, губы шевельнулись сами:

— Почему?

— Как это «почему»? — переспросила продавщица. — Там же ребёнок погибал!

— Это не мой ребёнок. — Степанов как со стороны наблюдал за собой. — Почему его жизнь ценнее моей?

Продавщица открыла рот, так и замерла. Степанов взял хлеб, спрятал под куртку, поспешил уйти — только дверь хлопнула за спиной.

Оказавшись дома, он пошёл к холодильнику разложить покупки. Тут только и понял, что принёс домой один хлеб. Степанов опустился на пол, отломил горбушку от батона, а затем силой заставил себя жевать и глотать. Так и лежал, давился, выплёвывая куски, пока сознание не покинуло.

Когда вышел из забытья, поднялся с пола, подошёл к окну. Ему показалось, что перед глазами плавают линии. Но приглядевшись, убедился, что линии эти выведены чёрным на его окне. Кто-то решил зачеркнуть Степанова, крест-накрест. Он сдвинул шторы на окнах.

Зима началась точь-в-точь по календарю. Снег повалил хлопьями, кривыми, как будто ножницами кто-то наверху разрезал неумело на кусочки. Мороз хватал прохожих за носы, хотя те старались прятать их под шарфами.

Был будний день, но Степанов оставался дома. Когда позвонили с работы, он сказал, что тяжело болен. К сожалению, не обманывал. С ним что-то происходило. За короткий срок перестал узнавать себя в зеркале, одежда стала велика, руки дрожали, когда он резал хлеб, а аппетита не было, чтобы съесть даже этот отрезанный кусок.

Зато сил хватало на другое.

— Но я же ни в чём не виноват, — шептал он, сидя на кровати и раскачиваясь. — Всё сделал. Кто они такие, чтобы судить меня?

Договорился до обещания утром следующего дня выйти на озеро — не может его жизнь так остановиться. Он воодушевился своею решительностью неожиданной, немедля собрал сумку и приготовил ледобур. Лёжа в постели, кивал самому себе, подбадривая.

Утром поднялся со свежей головой, будто и не было страшных дней. Застегнул комбинезон, накинул куртку, сумку — на плечо, ледобур — в другую руку, вперёд, нужно жить!

Выйдя на улицу, втянул воздух, закашлялся, покачнулся. Перехватил тяжёлую сумку удобнее, взглянул на серое небо, медленно пошёл по тропинке от дома в сторону парка.

Степанов шёл, стараясь не оступиться. Занимаясь своими ощущениями, не заметил ребят, которые сидели на лавочке во дворе. Увидев рыбака, компания оживилась — толкались и указывали пальцами.

Степанов входил в парк, когда за ремень сумки дёрнули так, что от неожиданности он повалился на спину. Над рыбаком склонилось несколько лиц, молодых, вроде бы безусых. Всего человек семь, на вид каждому лет по пятнадцать. Степанову показалось, что они не знают, как быть дальше. Он замер, ожидая.

— Это тот мужик, о котором говорят, — начал один из парней, голос его прыгал от хрипа к звонкому.

— Точно? Вот этот Сашку не спас? — на лицах появилось одинаковое жестокое выражение, с них будто ветром сдуло всё мальчишеское. Это были уже не пацаны, а злые молодые мужчины.

Губы Степанова сами зашептали:

— Ребята, я не виноват. Не хватило времени...

Договорить не успел, хриплый ударил Степанова ногой в живот. Остальные взяли пример. Рыбак прикрывал голову. Прежде боли почувствовал страх. Ребята не ругались, не угрожали, просто забивали его. Удары по спине и животу смягчала куртка, и компания быстро поняла это. Щёлкнуло что-то, Степанов мельком увидел блеск, а затем услышал, как затрещала ткань под ножом.

Так они потрошили его. Степанов механически считал удары ног, тяжёлые, которые приходились по животу и рукам. Но вскоре, сквозь частое дыхание и шуршание подошв по снегу он услышал робкое:

— Забейте, пошли отсюда. Нас запалить могут.

Ещё несколько ударов.

— Валим, бросайте его, — наконец сказал хриплый.

— Сука, — отозвался кто-то из компании, и Степанов засчитал новый удар, скользящий по колену в грудь. Потом он напрягал слух, изо всех сил надеясь, что ему не кажется и компания правда уходит.

Сколько он так пролежал? Рассвело. Только поднимаясь, Степанов почувствовал боль, она запоздало приходила, волнами накатывала, а потом так перехлестнула через край, что он повалился.

Лежал, кое-как оглядывался. Сумка валялась мятая, всё из неё вытряхнули, разбросали. Ледобур унесли с собой. Степанов попытался собрать, что было, но руки тряслись, затею оставил. Спину и живот продувало. Рыбак обнял себя, пошёл по знакомой дорожке под горку к озеру. Домой идти побоялся — компания могла поджидать там.

Подходя к высокой жёлтой траве в том месте, где всегда выходил на лёд, Степанов увидел, что озеро занесено снегом. Само вспомнилось детство. И только перед глазами заплясали сцены «рыбного экзамена», как услышал он детский смех. Где-то неподалёку совсем.

Всё в нём сжалось, напряглось так, что двинуться с места не мог. Степанов оглядывал озеро, но видел только далёкие сгорбленные силуэты рыбаков. Вот из-за холма, за которым скрывалась часть затвердевшей воды, выскочила фигурка. В пёстрой красной курточке бегала, кружилась, капюшон трясся, руками она то и дело взмахивала, будто пыталась взлететь. Степанов не мог глаз оторвать от этого зрелища.

Фигурка приближалась, причём к тому месту, где две жизни недавно оборвались. Не сразу, но Степанов различил, что носится на льду мальчишка, маленький, и совсем не скоро в глазах рыбака хоть немного отпечаталась мать, которая держалась позади, снимала резвящегося сына на телефон.

Вот он ближе, ближе. Каждый новый шаг, шарканье ботиночка, прыжок, — всё это туго закручивало что-то в Степанове, как будто выжимало тряпку досуха. Прыг-прыг, мать смеётся, не останавливает мальчишку, хотя не могла ведь, никак она не могла не слышать, что тут произошло. Вот мальчишка снова шагнул, потом тук-тук ножкой, переломился тогда внутри Степанова невидимый заводной ключ, сорвался рыбак, побежал.

Всё вокруг сразу умерло, только курточка впереди красная, а рукава такие длинные, не по размеру она ему, что ли? И вот, когда на середине он был пути, хоть

там и пара десятков шагов всего, послышался под ногами тот скрип протяжный, как от деревьев сухих на ветру. Какая-то лапа когтистая тогда схватила Степанова за сердце, он захрипел при следующем вздохе, но всё равно добрался, схватил мальчишку, побежал в то место на озере, где было под водой взгорье, и он знал это от отца, а значит, там было легче продержаться, если лёд проломится.

Вот он у цели, остановился, еле дышит, а в руках будто не человек, а мешок, даже не шевелится. Смотрит Степанов на мать, а ту будто парализовало, хотя ей тоже сюда, к нему, бежать нужно, пропадёт ведь, дура!

Она делает шаг, наконец, руку протягивает в его сторону, становится понятно, что всё сейчас наладится, тогда легко на душе у Степанова случилось, не выдержал, закричал:

— Я успел, смотрите! Успел я! Не как в тот раз!

Пусть все слышат, пусть знают, пусть увидят, что не было больше ступора, что всё правильно теперь. И правда же услышали, Степанов оглядывается, бегут к нему рыбаки со всех сторон, и всё их больше видит, да и мать уже рядом. И он, поднатужившись, поднимает мальчика повыше, а тот всё не шевелится, начинает им потрясать торжествующе, и шепчет почти заветное «ура».

Видит он, как подбегают к нему те два мужика, вот же встреча, которые были с ним в прошлый раз. Степанов улыбается им, а они ему нет почему-то, перехватывает мальчика одной рукой, а второй машет им, машет, губы шевелятся, но он и говорить не хочет, ведь всё видно же, понятно же!

Пускай только не обнимают, вот что угодно, только не объятиями благодарят, их не любил Степанов никогда, ещё с детства сторонился, но получает он удар такой силы по лицу, что руки тяжелеют, а в ногах совсем правды не остаётся. Падает Степанов на снег, холода не чувствует, готовится, что сейчас схватят, поднимут, извиняться будут и за тот раз, и за этот, что сейчас вот промахнулись — ведь надо же так нелепо попытаться по плечу его похлопать да промазать, в лицо угодить?

Он видит, что мужики мальчишку поднимают, а тот всё не двигается, сознание потерял, наверное, тогда кричат чего-то про «скорую», да не пострадал же он, ведь аккуратно схватил и держал. Рыбаки остальные уже вот-вот, почти возле него, тогда Степанов выдыхает облегчённо, радуется, что, наконец, закончилось, позади все беды, а жизнь сама привела его, потому что так и должно быть, второй шанс.

Лежит с закрытыми глазами, ждёт, сейчас уже поднимут, даже губами кривит, что так долго они там, потому что и так от шпаны натерпелся да и замерзать стал. Дрожит рядом с ним лёд от шагов, но не страшно, и тогда, в самый главный миг ожидания, они снова промахиваются. Со всех сторон мажут и мажут, никак не попадают в плечо, зато в грудь, в бока, в голову снова, с такой грубой радостью, что он пытается улыбаться, но быстро устаёт, уже и тело-то не чувствует, только в голове что-то гуляет, какая-то мысль заблудившаяся. Степанов пытается хрипнуть им, что хватит, хватит его благодарить, он и сам рад, но ему завтра на работу нужно.

Вот какой-то мужик промахивается снова, и ухает Степанов, как в колодец, темноту и холод, медленно падает, а сам будто видит с отдаления, что его продолжают колотить, окружив. Но всё это резко перестаёт быть важным, потому что рядом возникает тот мальчишка в куртке с длинными рукавами, как же его, Сашка, да, который тоже сюда провалился, оказывается.

Степанов пытается ему кулаком погрозить, но мальчишка снова ухмыляется, как в первую их встречу, поэтому только и рукой махнуть остаётся на всё да поспать, наконец, по-человечески впервые за эти долгие дни.

О. Камов

Аста ла виста

Рассказы

Презентация

Солнце шпарит как сумасшедшее, на гальку босой ногой не ступить. И на всём куске их отдельного пляжа, от мола и до мола — один лишь он, Виталий Александрович Ласточкин. Царит, так сказать, или председательствует, если по-современному — будто в президиуме на сцене заседает. Точнее — залегает под бамбуковым навесом на комфортабельной пластмассовой кушетке. Поигрывает лениво новой игрушкой — телефоном Vertu, то одну кнопку нажмёт, то другую: кто в теме — объяснять не надо. Только вот в зрительном как бы зале — никого, некому продемонстрировать аксессуар для солидных господ.

Да и во всём их Доме творчества отдыхающего народу сколько наберётся, человек двадцать? Или двадцать пять? Девственно чистые скатерти в большой столовой застыли в крахмале, ожидая едоков. Коридор в его Третьем корпусе пуст в любое время суток. Однажды не выдержал, прямо спросил на вахте: «Много ли гостей у вас сейчас загорает?» Ответили конкретно: «Ожидаем побольше к бархатному сезону, нужно время, сами знаете, потом всё наладится, зато снова вместе».

А ведь вынужденное отшельничество вначале спасением казалось: «Осточертела эта пыльная московская суэта, новости каждодневные обескураживающие. Отдохну, наконец, пусть пару недель. Может, забуду ненадолго дикую чертовщину».

— Ты в какой колонне, Вал? — спросил его тогда Паша в своём кабинете, то ли в шутку, то ли всерьёз. Попробуй пойми, — босс всегда улыбается. Даже когда увольняет отдельных лузеров. В общем, разговаривать с этим иезуитом — чистое мучение, даже по телефону, а уж чтобы по своей инициативе набрать такого, посоветоваться — и речи быть не может.

— Что-то не въезжаю, Павел Максимович, — прикинулся он депутатом, чтобы потянуть время, вернуть подачу, хоть прекрасно знал, что с Пашей такое не прокатит, — высокий офицер действующего резерва Службы Внешней Разведки

Автор, сочиняющий под псевдонимом О. Камов, — специалист в области прикладной и вычислительной физики, окончил МФТИ, работал в одном из московских академических институтов. Рассказы опубликованы в журналах «Знамя», «Урал», «Новый Берег», «Звезда». Постоянный автор «Дружбы народов».

Предыдущая публикация в «ДН» — 2022, № 6.

колос нехитрое отрицало как грецкий орех лёгким сближением большого и указательного пальцев.

— Вот те на, Виталий Александрович, — Паша начал мгновенно каменеть взглядом, будто удав, встретивший кролика, сразу имя-отчество подключил, хотя обычно, как все вокруг, по трём заглавным буквам его называл, а иногда, в добром расположении, даже добавлял: «Хорошо ещё, что ты не Харитон Устиныч Йорк по паспорту». И ему приходилось только вежливо улыбаться в ответ на злую шутку, сворованную боссом у одного писателя, Ласточкин не поленился поинтересоваться, благо Гугл пока не успели запретить, имя какое-то странное, запомнил в конце биллиардное «кий»...

АлКаидский? АлКашевский? — не важно, узнал — и забыл давно.

Паша продолжил спокойно, но с нарастающей внутренней силой:

— Не в пятую ли решил записаться, объединиться с либерастами склизкими в нелёгкие для родины времена? Этих упырей сейчас пачками разоблачают, газеты, небось, читаешь, ящик смотришь... А выводы какие делаешь?

Яркие узкие лучи модных светильников под потолком отражались произвольно от идеально выбритой и благоухающей французским лосьоном крупной головы шефа, слепя, мешая сосредоточиться и найти нужные слова.

— Ну что вы, право, Павел Максимович, какой из меня национал-предатель, я родину люблю. А газеты-телевизоры... — попытался он укрыться за щитом профессии. — У меня на них и времени нет, успеваю лишь интернет по диагонали проглядеть, когда не работаю, и то под профессиональным углом, сами знаете, наверняка видите, как верчусь каждый день...

— Не видел бы — не разговаривали бы мы с тобой сегодня. И пару месяцев спустя ты бы со своим волчьим билетом машины на автозаправках запарился мыть, гарантированно, — усмехнулся Паша. — Чего ж тогда не приветствуешь историческое воссоединение, ленточку георгиевскую к компу не присандалишь или флажок трёхцветный на стол... Не волнует?

— Ещё как волнует, но это ведь чистая формальность, — продолжил он неумно и неумело оправдываться. — Да у меня, если хотите, жена из тех краёв, представляю, как она радуется сейчас...

— Какая жена — первая или вторая? — как бы вскользь осведомился инквизитор.

— Первая.

— Не понял, у первой место рождения город Владивосток, или я ошибаюсь?

— Всё точно, только её папу перевели с Тихоокеанского на Самый Синеморский, когда ей всего три годика было, там и школу закончила, там мы и познакомились на пляже... А потом встречались под инжировым деревом, — вдруг ни с того ни с сего вспомнил он.

— Теперь понятно. А вторая твоя — она ведь из города Таллиннаа, таакк? — протяжно пропел Паша на эстонский манер. — Значит, в стане врагов сейчас. Послушай, да они же у тебя обе припортовые царевны, получается? Шучу, шучу, я же сам интернационалист, тбилисец.

«Ну ты и...» — подумал он, улыбаясь. И опять попытался извиниться:

— Муж ведь за бывшую жену не отвечает, верно?

— В тридцать восьмом тебе бы объяснили, — бормотнул Паша. И дальше, в полный голос: — Боттом лайн, благодаря долгожданной победе освобождается стратегически важный и финансовоёмкий рынок для нашего хайтек-продукта, сейчас сидеть и скрипеть тестиклами времени нету. Тут, грубо, или Vertu — или хрен

во рту. Я уже связался с кем надо, они будут в полном сборе ровно через две недели и два дня. Так что поедешь туда, сделаешь презентацию, как обычно. Нет, — лучше, чем обычно, поэтому даю тебе две недели на подготовку, прямо на месте, в Доме творчества. А мне там появляться никак нельзя, сам знаешь, моя карточка слишком многим знакома и не всех в нашем бизнесе радует. В общем, готовься. И отдыхай. Если получится. Я в тебя верю, Вал. Но и спрошу, конечно. И аз воздам в случае чего, за мной не заржавеет. Теперь о хорошем: чтобы настроение у тебя чуть поднялось, — держи, от фирмы, — Паша протянул конверт со стола. — Здесь подтверждение бронирования, авиабилеты и кэш. И не отказывай себе ни в чём, пока с нами трудишься. А вот... — он прижал к своему объёмистому животу ящик письменного стола и с трудом вытащил на свет футляр благородной кожи. — Персонально от меня презентик: аутентичная, повышенной безопасности и надёжности, переоборудованная по нашим новейшим методикам машина-зверь Vertu, чаще расчехляй и звони куда хочешь — хоть в Австралию, хоть в Италию, — всё включено, ты ведь не сам по себе существуешь, пусть видят, с кем им работать придётся, воспринимай как часть общего дресс-кода. Как мы говорили: «Бог не выдаст, свинья из Второго Главка не съест». Надеюсь на тебя. И не дай тебе Бог не оправдать моих надежд, сынок.

«Вот и ладушки, — подумал он, принимая с благодарностями дорогой подарок. — Чего там особенно готовиться, это же мои собственные идеи, там Пашины — только деньги да интриги».

...Самолёт нескончаемо долго рулил среди сторевшей травы в узком коридоре между двумя полуразрушенными грязными бетонными заборами с проржавевшей колючкой поверху. Наконец подъехали к огороженному рабицей прямоугольнику, разбитому внутри на загончики-накопители для отлетающих пассажиров.

«Всё как в молодости, двадцать пять лет назад, — подумал он, — всё тот же Скотопригоньевск».

На выдаче багажа крепкий парень с единственной в аэропорту огромной допотопной тележкой времён Последнего Партсъезда предлагал свои услуги всем желающим, пытаясь определить самого выгодного клиента. На Ласточкина с его кучей денег извозчик даже не взглянул. Виталий Александрович выкатил свой чемодан наружу и сразу увидел высокого сухого мужчину, державшего плакатик со знакомой фамилией.

Поехали.

Встречавший водитель оказался общительным и гуманным — даром что бывший вояка:

— Вы по сторонам не глядите пока, приезжайте сюда лет через пять — тут всё по-другому будет.

Он не послушал доброго совета, взглянул всё-таки мельком.

И немедленно закрыл глаза, нащупал в кармане упаковку снотворных таблеток, привычно не запивая проглотил две...

Его разбудили уже перед парадным подъездом — приехали.

Дальше всё было замечательно: для наглядности представьте себе отель-четыре-звезды — хоть в Италии, хоть в Австралии.

Он вошёл в просторный номер, распахнул балконные двери. Освещённое полной луной неспокойное море внизу с шумом полировало прибойную гальку: плессскверххх-шелесствниззз, плессск-шелесст...

Александр Орлов

Мир предстаёт — широкоплеч...

* * *

Отыграли семнадцать мгновений
Самой главной советской весны,
Во дворах превратились в мишени
Повзрослевшие внуки войны.

Им народной свободы наследник
Пел надрывно, срываясь на хрип,
И с презреньем скрипел двухкассетник
О всех тех, кто ещё не погиб,

И тогда паханы подворотен
Выясняли, кто прав, кто неправ,
Каждый был, словно песня, свободен
Сам себя в дурака обыграв.

И, вживаясь в блатные аккорды,
Пацаны проверяли свой фарт.
Годы юности в улицы втёрты,
Как провидел с Каретного бард.

* * *

Зачем пустилось время наутёк,
Оставив образ жизни настоящей?
О нём я прочитаю между строк,
И прошлое привидится мне слаще.

Цвела сирень. Был жив ещё отец.
И фонари на улицах не гасли.
Мы в чёрный чай добавили чабрец
И grenки приготовили на масле.

Орлов Александр Владимирович — поэт. Родился в 1975 году в Москве. Окончил Московское медицинское училище № 1 им.И.П.Павлова, Литинститут им. А.М.Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории в школе. Автор восьми книг стихов и трёх книг малой прозы. Лауреат ряда литературных премий. Живёт в Москве.

Шипела зло на всех сковорода,
И от квартиры разносились эхом,
Взлетая к звёздам, детские года.
Я был будёновцем, а папа — белочехом.

Я как чумной за ним бросался вскачь,
Сверкая шашкой на потёртом кресле.
Он был корниловец, колчаковец, басмач.
Ах если б всё вернуть, ах если...

* * *

Я не забыл и помню всё поныне:
Ко мне подплыл с волнистых простыней,
В огнях дорожных мировых ночей
Тревожный сон, подобный субмарине.

И все мои мечты сошлись в прицеле,
И снова я кричал сквозь сумрак: «Нет!»
Казалось мне, давно осатанели
Наводчики всех ядерных ракет.

И не было пощады в адском бое,
Я погибал мгновенно в двух мирах,
Но утро наступало на часах,
Явленье предвещая неземное.

И вскоре на горящем циферблате
Рождалась чудотворная заря,
И в чувстве снисходящей благодати
Я узнавал Воскресшего Царя.

* * *

Священнику Дмитрию Трибушному

Пробьётся луч из темноты,
Заполнив светом неба щели.
Мы в эту зиму уцелели
И, словно тощие кроты,
Потянемся на звон капели.

Вокруг — движенье новых рас,
И время строит казематы,
И смерти крепкие обхваты
Знакомы нам не в первый раз —
Всех поджидает час расплаты.

Но силы обретая в храме
В объятых многоликих свеч,
Мир предстаёт — широкоплеч...
И слышно, как над всеми нами
Царит Желаящий сбересть.

* * *

Разговориться, замолчать, потом,
Не забыв причин разговора,
В любимом одиночестве земном
Ждать во дворе паденья метеора.

И, если в атмосфере в этот миг
Не прогорят летящие осколки,
Уйти домой и, отыскав на полке
Любимую из сотни разных книг,

Остаться с ней в тиши наедине.
И жизни, разделённые на главы,
Покажутся подобьем переправы,
И мирный вечер приведут к войне.

И смертное дыханье превратив
Вначале в слово, а потом и в строки,
Несмело принимать судьбы намёки
И к вечной жизни обрести мотив.

* * *

Исчез метелей злых нарост
В затишье парков городских.
Из прочно свитых тёплых гнёзд
Исходит карканье грачих.

Они домой зовут грачей —
Кормить взрослеющих птенцов,
В жильё без окон и дверей
Их не достанет птицелов.

И возвращаются грачи,
И утихает писк грачат,
Но Ты, Спаситель, не молчи,
Когда вокруг все замолчат.

Елена Бодрова

Малиновый плащ К.А.Грачёва

Повесть

1

В четверг я стал супергероем. Был погожий день. Чайки сидели на урнах. Весенние облака пролетали над головой как великанские зефирки.

Нет, так историю про супергероя начинать нельзя. Начать-то нужно раньше. Чтобы все поняли, как складывалась моя судьба до момента икс. Например, можно рассказать о той поворотной минуте, когда я заглянул в кабинет номер девятнадцать, чтобы забрать забытую на парте тетрадь, и стал свидетелем душевных (и не только) метаний нашего социального педагога Татьяны Андреевны. Ей на стул налили клея, и она не могла встать — юбка прилипла. А ей ведь всего двадцать два, младенец совсем, вот и не придумала ничего лучше, чем сердито дёргаться. Я тихо вздохнул и вошёл в кабинет...

Нет, плохое начало. Как будто не про супергероя, а про обыкновенного девятиклассника К.А.Грачёва, высокого, немного сутулого, с тёмными волосами, но со светлыми глазами, который однажды имел неосторожность взобраться на памятник коню. А дело было вечером. Ну, то есть вот так: вечерело. Закат сомкнул свои солнечные глаза, укрыл город синим покрывалом, зажёл звезду-ночник и так далее в том же духе. К.А.Грачёв прогуливался после провала на геометрии, не желая слишком скоро возвращаться домой с двойкой в кармане. И вдруг увидел коня (не живого — памятник). Нет, он и раньше видел этого коня, но сейчас конь заиграл новыми красками. Вспомнились фильмы, которые любит отец, про мстителей — они уходят в закат в конце серии (где они, кстати, взяли такое огромное солнце?). И К.А.Грачёв подумал, что ведь все кому не лень лезут на этот памятник, чтобы сфоткаться или просто посидеть, помечтать — он сам видел таких не раз. К.А.Грачёв был недостаточно ленивым, чтобы пройти мимо.

В общем, устал я писать о себе в третьем лице. Залез я на этого коня. И сидел. И думал, как теперь слезать. Потому что залезть и слезть — разные вещи. Такое понимаешь, когда уже забрался.

Елена Бодрова (Романова Елена Эдуардовна) родилась в 1986 году в Магнитогорске. Окончила Магнитогорский государственный университет (специальность — психолог) и Магнитогорскую государственную консерваторию им.М.И.Глинки (специальность — композитор). Автор книг «Белая. Разговор через стенку больничной палаты» (2020), «Дом, в котором живёт Гром» (2021) и других. Участница проекта АСПИР «Мастерские». Живёт в Магнитогорске.

Пока я размышлял, внизу началась небольшая (лёгенькая) суматоха. Пара мужских голосов требовали от женского сумочку. Такое в наших краях редкость. И я даже не знаю, как в этой ситуации быть. Может, пройти мимо? Моя хата с краю, а коса на улице. Или как там?

Но в тот самый момент пройти мимо — ну никак не получалось. Чисто физически. Поэтому я сказал:

— Оставьте её в покое.

И, знаете, как в книгах пишут: герой хотел произнести судьбоносную фразу громовым голосом, а вышел писк. Так вот, у меня всё наоборот. Я надеялся, что меня не расслышат или примут за галлюцинацию, но меня расслышали. Потому что я сказал голосом Зевса:

— Оставьте её в покое.

Раздельно так. «Оставьте. Её. В покое». Вот такой вот я.

А они завертели головами. Не местные, что ли? Любой житель нашего городка подумал бы на коня. Ну, то есть не на коня. И не подумал бы. Не любой, во всяком случае (что я несу?). Я хочу сказать, если голос (громогласный и мощный) доносится откуда-то сверху, то волей-неволей глянешь на конскую металлическую морду, просто проверить. Ну, мало ли. Потому что на этой площадке, кроме коня и нескольких скамеек, ничего и нет.

Но грабители завертели головами в поисках обладателя Зевсова голоса. А женщина растерянно осталась стоять рядом с ними.

— Да беги же отсюда, — сказал я всё тем же голосом, обращаясь, конечно, к женщине. Какой резон стоять рядом с хулиганами и ждать, пока они осмотрятся и вернуться к отбиранию у неё сумки?

Женщина осталась неподвижной.

Хулиганы задрали головы и увидели меня. И в тот момент мне стало интересно: а как я смотрюсь? Ведь лица их перекосились. Один спросил:

— А т-т-ты кто такой?

А второй хулиган, не дав мне ответить, схватил первого за рукав и поволок прочь.

Женщина глянула и тоже сразу заспешила.

Я остался. Решил ещё немного побыть. Тем более что я не придумал, как слезть. И вот какая мысль пришла мне в голову: а почему бы и нет? Ну, то есть почему бы не стать супервсадником на железном коне (реально железном коне, а не на мотоцикле) и не распугивать хулиганов вот так ловко, как сейчас?

Но быстро отбросил эту идею. Чтобы её воплотить, пришлось бы возвести множество памятников коням, буквально каждому второму коню, чтобы — на каждой улице. Иначе я получусь не очень мобильным супергероем.

Я кивнул сам себе, а сила всемирного тяготения решила, что я кивнул ей, и стянула меня с памятника на землю. Итог: падение, ушиб бедра и отчего-то приподнятое настроение. Я отправился домой бодрым хромающим шагом, но давайте отложим это моё воспоминание, ведь стал я супергероем всё-таки в другой раз. Это произошло, когда я буднично рыдал, сидя на кровати. Сейчас расскажу.

2

— Давай отдадим его по объявлению, — услышал я голос отца из кухни. Хотел выпить воды, но не дошёл. Пришлось затаиться за дверью и подслушивать. На что они меня толкают, эти громогласные ребята? — Он слишком взрослый для нас. Пятнадцать лет — не шутки.

Это мне пятнадцать лет, подумал я. Постоите, «отдадим по объявлению»? Разве так отдают детей — по объявлению? Ну, то есть... Прежние родители вернули меня в детдом, когда мне было пять лет. Но не по объявлению же! Но прежние и продержались-то пару месяцев, а с мамой и отцом я уже девять лет. Я думал, я навсегда...

Помню, однажды утром меня привезли на серой машине. Я увидел жёлтое потрескавшееся здание с белыми лепными птичками на стенах — и упал на землю. Не вышел из машины, а прямо вывалился. Бухнулся на землю и разрыдался. Папа наклонился ко мне и сказал, чтобы я не плакал. Воспитательница с гладкими волосами — имя стёрлось из памяти, надеюсь, навсегда, — потянула меня за руку вверх, чтобы я поднялся. Я повис в воздухе, всё ещё плача, мне даже показалось, что я лечу. Но потом приземлился на ноги. Воспитательница тянула меня ко входу, я едва шёл. Всё это она проделывала молча. А я постоянно оглядывался. Серая машина завелась и уехала. Воспитательница отвела меня в комнату, но не в ту, в которой жил раньше, в другую. Все кровати были измяты, обжиты, и только одна — убрана белоснежной простыней, и пухлая подушка возвышалась ровным треугольником. Я побоялся сесть на застеленную кровать. Наругают потом, что помял чужую постель. Поэтому остался стоять. Я ждал вечера — вечером родители вернуться с работы и заберут меня из детдома. Я верил, что заберут. Просто у них дела, вот и привезли меня сюда на время...

Забрали меня лишь через год — теперешние мама и отец. Не помню, как ехали от детдома, да я и не хотел запоминать — вдруг снова вернусь. Даже в окно не смотрел. Боялся, что злые силы тогда заметят меня и утянут большими чёрными руками, как в ужастиках, прямо через окно обратно в детдом.

Добирались долго, часа два. Всю поездку я просидел неподвижно, глядя на свои стоптанные кроссовки с рваными шнурками. Только когда вошли в прихожую, когда ключи звякнули об обувную тумбу, когда незнакомые дядя и тётя, чьих лиц я толком не успел разглядеть, в нерешительности остановились на коврике «Велкам» у двери, словно они здесь впервые, — только тогда я проснулся. В нос ударил запах блинов и клубничного варенья. Проснулся, но не поверил. Тогда мне было трудно уяснить, что этот аппетитный аромат, доносящийся из кухни, да и сами блины — теперь мои, а не общие, как раньше. И что комната с одной-единственной кроватью — только моя. Я аккуратно, не притрагиваясь, всё рассмотрел: стол с подставкой для книг, тумбочку возле кровати — на ней лежала стопка одежды (позже оказалось, что это пижама), полупустой шкаф. Одна полка была заставлена разнообразными игрушками: мягкими зверями и машинками. Я подумал, что в квартире живёт ребёнок, но игрушки оказались для меня. Моя будущая мама принялась оправдываться, что игрушки куплены по совету продавца-консультанта, и если они мне не понравятся, она купит другие. Я смотрел на игрушки, словно они на витрине магазина. Никак не решался взять в руки. А вдруг тогда чары развеются, и всё это — комната, пижама на тумбочке, блины с клубничным вареньем и дядя с тётей, замершие в ожидании моей реакции на эти богатства, — вдруг всё это разом исчезнет?

Эта мысль не покидала меня долго, очень долго: она висела бурой тучей и когда я пошёл в первый класс с новеньким рюкзаком за спиной. И когда на уроке ИЗО нарисовал портрет родителей, но так и не смог подписать: «Мама и папа». И когда получил от родителей в подарок на день рождения костюм Бэтмена, хоть ничего и не просил. И когда впервые отправился в летний лагерь, залез в автобус, а родители остались стоять среди других, чужих мам и пап. Я подумал тогда, вдруг автобус увезёт

меня не в лагерь? Вдруг это ловушка? Солнце било в глаза, я щурился, чтобы видеть, как родители мне машут, и рьяно, тревожно махал им в ответ. Автобус тронулся, а я, неожиданно для самого себя, крикнул в запотевшее от дыхания стекло: «Мама!» Не знаю точно, услышала она меня или нет, а может, прочитала по губам. Но улыбнулась шире. И даже отец приподнял уголки губ, что с ним случалось крайне редко. В одну секунду мне стало легко, как никогда не было. Бурая туча, казалось, пролилась где-то далеко, в соседнем городке, не надо мной. И превратилась в сизое облако. Облако так и не исчезло совсем, сколько бы я его ни гнал, так и летает за мной по сей день...

Из воспоминаний меня вырвал мамин голос:

— Мы не можем так с ним поступить. Тем более дедушка будет против. Прокормим как-нибудь.

Так в этом дело? Но я ем в школьной столовой бесплатно. По социальной программе. Ужинаю дома, да. Пойдите, я что, много ем? Буду есть поменьше. Могу обойтись недорогой овсяной кашей, на худой конец.

— Не может быть и речи, — отрезал отец.

Я поплёлся в комнату, сел на кровать и... проронил пару слезинок (постыдно разрыдался). И, не успев я докраснеть и распухнуть лицом до уровня помидора, как в комнату заглянула мама. Я отвернулся, схватил валявшуюся на тумбочке маску героя новенького комикса «Человек-койот спасает планету» (не спрашивайте), и натянул на голову, чтобы мама не увидела мой недоделанный помидор.

— Костя, с тобой всё в порядке?

Странные она вопросы задаёт для человека, который одной ногой стоит на пороге написания объявления: «Отдам сына даром. Неприхотлив в еде. Миска и коврик прилагаются».

Хотя вряд ли они отдадут меня другим родителям. Значит, в интернат.

Случайно я всхлипнул, а прозвучало, как будто хрюкнул. Мама села рядом со мной, посидела. Толкнула меня плечом.

— Что-то случилось?

Она часто толкает меня вот так плечом, а не обнимает, как другие матери (хотя откуда мне знать про других матерей). Такой жест — словно мы друзья, а не мать и сын. Хотя какие теперь уж...

Я снова хрюкнул. Неподобающий звук для Человека-койота.

— Рассказывай, — попросила мама. — Мне ты можешь рассказать всё, что бы ни случилось.

Ага.

— Я просто супергерой. Не самый удачный, правда.

В доказательство я дёрнул койотовую маску за треугольные уши, но они обмякли и опустились на койотовый лоб. Мама улыбнулась и тоже дёрнула меня за ухо. Оно постояло несколько секунд и поникло.

Так я стал супергероем. Кстати, это был четверг. А на следующий день, в пятницу, мама привела-таки домой большого чёрного с проседью пса — дедушкиного. В прошлую среду ему исполнилось пятнадцать лет.

Оказалось, дедушка лёг в больницу на обследование: у него отказала нога. Врач сказал, что нужна замена сустава. Когда обследование закончится, дедушка будет ждать операцию здесь. После операции он останется с нами минимум на полгода, ведь первое время он даже ходить самостоятельно не сможет. По такому случаю и дедушкин пёс переехал к нам. А гулять с ним поручено мне (с псом, не с дедушкой). Я глупо заулыбался, когда всё это узнал, хотя улыбаться-то особо нечему: всё-таки

Роман Мичкасов

Из света и букв

Мне всегда важно найти обобщающую формулу, чтобы уяснить в поэте всё и сразу. Я, конечно, понимаю, насколько этот ход самонадеянный, ведущий, может быть, совсем в другую сторону, но иного способа понимания у меня нет. Потому, обобщая опыт чтения стихов Романа Мичкасова, я наткнулся на такую мифологему, что ли. За отчаянным подведением итогов, различными способами подсчёта достояния и потерь мне виделся Нарцисс, по моему мнению, лучший образ поэта.

Ведь как мы внимаем стихам? Мы как бы переселяемся на время чтения в поэта, разглядываем дольний мир его очами, говорим его голосом, дышим его лёгкими. Уже для этого должно быть очень много всего: и голос, и взгляд, и особая чувственность. То есть должны наличествовать те вещества и эссенции, что можно позаимствовать на краткое время чтения, примерить на себя, что ли, пережить приятие и не отторгнуть.

Для этого должна быть предложена особая интонация, которая вызовет доверие и сочувствие. Но как это может получиться — лишь «обнажением» речи, послойным снятием оболочек силлабо-тонического стиха, путём розысков собственной речи с её уникальным синтаксисом.

И вот поэт находит зеркало — в водной глади ручья ли, как Нарцисс, в «интерьере» ли своего прошлого как многое переживший человек. И главное здесь не в отражательной способности водной глади или амальгамы, можно ведь смотреться и в лёд, и в туман, а в том, чтобы различить и признать самого себя в открывшемся зрелище. Тогда нет сомнений, что и мы следом за поэтом признаем в этом мгновенный, вечно ускользающий смысл самопознания, без которого жизнь вообще-то невозможна.

Николай КОНОНОВ

* * *

я давно не писал ни строчки ручкой
тёмно-синим по белому
нелинованному листу

а бывало как встарь
не писал а почти рисовал
кириллическую вязь
выстроенную в прямоугольную
матрицу стиха

Мичкасов Роман Евгеньевич родился в 1986 году в Киргизской ССР. В 1994 году переехал в Калининград, где окончил математический факультет Калининградского университета. Посещал семинары Евг.Рейна и И.Волгина в Литературном институте им. А.М.Горького как вольнослушатель. Работает в школе учителем математики. Публиковался в журналах «Сетевая словесность», «Прочтение», «Формаслов». С 2012 года живёт в Санкт-Петербурге.

и казалось ни форма ни содержание
важны
а этот каллиграфический вывод
округлых буковок
гелевой ручкой по белому
на которое ложилась
исполосованная тень
от приспущенных жалюзи

из света и букв
состояли
мои первые пробы пера

из света и букв
была моя одинокая юность...

* * *

Я иду да на волю вольную,
я на смерть иду да на верную,
из меня прорастают тернии
супротив закона морального.

Надо мной ни звезды, ни проблеска.
Тут уж климат такой — заразный.
Говорят про меня тут разное.
Выхожу на лесную просеку,

останавливаюсь, прислушиваюсь.
Слышу шорохи фауны местной.
Мы друг другу не интересны.
Вряд ли досыта кто тут накушается

моим мясом нечеловеческим.
Я стою и жую травинку.
Убеждаюсь: бояться тут нечего.
Надо думать, выйду с повинною
в город
к людям
лишь к позднему вечеру...

* * *

Им бы только про цены за баррель,
а у него — покайтесь, ибо приблизилось...
Но ничего не приблизилось. Прилетело
высокоточным ударом по базам.

А без базы, вестимо,
не отстроишь сооружения.

Короче:
два стольных града сошлись в схватке;
основание их положено на камнях из потока.
Ты приходи ко мне, встань ко мне лицом,

враг нареченный...

Все под Богом бегаем.
Верить? — не получается...

* * *

Я с гадами ползучими шипел.
Я с птицами свистал наперебой.
Я со зверьми ревмя ревел трубой,
В неравный бой с натурой вступив.

Натура вам не дура. Дуры мы,
Набитые соломой и трухой.
Сказать вам, что воитель я плохой,
То значит не сказать вам ничего.

Вот я сбежал с работы на луга,
И там забыл родную человечью
Не то чтоб даже речь — фигуру речи:
С младенчества я грамоте не знал.

И горевал. И стал по-волчьи выть.
А что такое — эта волчья доля?
Все твари Божьи, посмеявшись вдоволь,
Сказали мне: «Ты телом человек,

Поэтому иди-ка ты отсель.
Ты нам не ровня. Или, если вкратце,
Нам велено плодиться-размножаться,
Тебе — дожить своё в поте лица».

* * *

Обезоруживающая доброта
С лицом человека, не умеющего жить,
Подошла ко мне, пропела тра-та-та
И высказалась от души,

Рассказала мне про свою жизнь,
За которой выстроилась смертников череда,
Говорит — это естественная среда
Обитания всякой паразитирующей вши.

Что конкретно? — об этом велено было молчать,
И поэтому я молчу до сих пор,
Как агент, посланный в закрома.

Мне, конечно ж, не светит ни сума, ни тюрьма,
Нечто среднее светит, но, ведя любой разговор,
Я с тех пор стараюсь не рубить с плеча.

Евгений Попов, Михаил Гундарин

Шукшин в конце шестидесятых: «чудики», нравственность, птица-тройка

Фрагмент из биографической книги-диалога «Василий Макарович»

Писал и плакал

Михаил Гундарин: Приступая к разговору о последних годах жизни Шукшина (а всего-то ему было отведено их 45!), не то чтобы робеешь, но задумываешься, с чего начать и о чем говорить. Во-первых, именно в это время им были созданы вершинные для себя, а может, и для всей русской прозы второй половины XX века рассказы. Так просто, в нескольких словах, о них не скажешь! Во-вторых — собственно, почти никаких особых внешних событий с Василием Макаровичем тогда не происходило. Ну, снимался, снимал, это понятно. Ну, квартиру новую получил, за границу иногда ездил. Даже пить бросил и ни в какие скандалы больше не попадал!

Конечно, ругался, как обычно, с киночиновниками и редакторами. Но в основном всё писал и писал. Огромное количество рассказов создано им в последние шесть лет жизни, с конца 60-х! Причем — большая часть сразу опубликована. В библиографии за эти годы десятки наименований! И отдельные издания. И журналы. И газеты. А еще был роман о Разине, пьесы, сценарии...

Евгений Попов: Тут вот что еще важно: к концу 60-х, то есть к своим сорока годам, Шукшин решил основные бытовые вопросы, волновавшие всякого советского человека — начиная от квартиры, пусть пока небольшой, но своей, с московской пропиской и скорыми перспективами расширения, — до устойчивого заработка, причем с доступом ко всему самому дефицитному, от еды до книг и фильмов. Последнее вообще по элитному разряду, куда входили еще и заграничные поездки (уже в капиталистические страны). Он один из самых успешных авторов своего

¹ *Попов Евгений Анатольевич* — прозаик, эссеист. Родился в 1946 году в Красноярске. Окончил Московский геологоразведочный институт. Автор нескольких десятков книг, переведенных на иностранные языки. Лауреат многих литературных премий. Вице-президент Русского ПЕН-центра. Живет в Москве.

Гундарин Михаил Вячеславович — поэт, прозаик, литературный критик. Родился в 1968 году в Дзержинске Горьковской области. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Кандидат философских наук, доцент. Автор нескольких книг. Совместно с Е. Поповым выпустил биографию Фазиля Искандера «Фазиль» (2022). Живет в Москве.

поколения: что в кино, что в литературе. Знаменитость. Звезда. (Однако пока еще не кумир, каковым он стал для народа сразу же после своей смерти, которая обернулась всероссийским событием.) Не надо говорить, что эта «звёздность» была полностью безразлична Василию Макаровичу, потратившему на то, чтобы «пробиться», огромное количество сил и времени.

И не могут не трогать буквально выкрикнутые им в беседе с болгарским журналистом слова, уже совсем незадолго до кончины: «Сейчас я думаю о коренном переустройстве своей жизни. Пора заняться серьезным делом. В кино я проиграл лет пятнадцать, лет пять гонялся за московской пропиской. Почему? Зачем? Неустроенная жизнь мне мешала творить, я метался то туда, то сюда. Потратил много сил на ненужные вещи. И теперь мне уже надо беречь свои силы. Создал три-четыре книжечки и два фильма. Все остальное сделано ради существования. И поэтому решаю: конец кино! Конец всему, что мешает мне писать». Заметим, что погоню за пропиской он уравнивает со своими киноработами...

«Конец всему, что мешает писать...» Не сложилось. Но в последние годы он был близок к осуществлению своей мечты. Про «конец кино», думаю, сказано было все же в сердцах; тут главная цель — делать в искусстве то, что хочется (хотя мотив «завязать с кино, уйти полностью в литературу» звучал в последние годы у Шукшина постоянно). Жизнь есть жизнь, приходилось, конечно, и кланяться редакторам, и соглашаться на замену одних рассказов другими, и чиновники прижимали, и интриг, особенно в киносфере, хватало. Но все это было обычным делом, входило в правила игры советской творческой элиты. А Шукшин стремился играть по этим правилам. (А может, и не только советской элиты, замечу я в скобках почти через пятьдесят лет после смерти Василия Макаровича и через тридцать с лишним лет с начала перестройки, в результате которой почти все мы получили возможность поехать и посмотреть, как мир живет, который не СССР.) Продолжая метафору, теперь это были для Шукшина правила высшей лиги.

Как говорил генсек КПСС Леонид Ильич Брежнев, он же персонаж антисоветских послеоттепельных анекдотов, «будет хлеб, будет и песня». Хлеб у Шукшина был, пусть и зарабатываемый в нелегких трудах, но зато хлеб белый, с маслом, а то и с икоркой. Песня была пропета, причем он не позволил себе до самого конца «пустить петуха».

М.Г.: Конечно, ничего «автоматически» не происходило, журналы и издательства курьеров за рукописями к Шукшину смиренно не присылали — могли и отказать, и дать предисловие-врезку, искажавшее смысл рассказа. Но сильного «зажима» по части публикаций не было, печатали в целом охотно. Не зря в последние годы Шукшин тут же отдавал написанное в журналы (платившие весьма неплохие гонорары, если что). У него выработалась своего рода тактика: в толстых журналах он публиковал, как правило, циклы рассказов, обычно от двух до семи. А вот когда целой подборки новых рассказов у Шукшина еще не было, он отдавал только что написанный рассказ в газету. Получалось, что уже через какую-нибудь неделю после написания, а то и раньше, рассказ выходил в напечатанном виде! Например, «Сапожки», «Обида», «Как зайка летал на воздушных шариках», «Алёша Бесконвойный» (все прекрасные вещи) вышли в «Литературной России», а «Выбираю деревню на жительство» — в «Неделе». Журналы тоже были самые разные, и столичные (причем совсем непохожие друг на друга, например, «Новый мир» и «Наш современник»), и региональные (например, архангельский «Север»).

Сборников, в которых рассказы выходили после газетно-журнальной публикации, а иногда и публиковались впервые, за шесть последних лет вышло у Шукшина несколько. Что называется, грех жаловаться. В 1968 году в «Советском писателе» 100-тысячным тиражом вышел сборник «Там, вдали» — 324 страницы, двадцать с лишним рассказов и заглавная повесть. В 1970-м — «Земляки» («Советская Россия», двадцать пять рассказов, 208 страниц, 50 тысяч экземпляров). В 1973-м — «Характеры»

(«Современник», двадцать рассказов, 221 страница, 30 тысяч экземпляров). Наконец, в 1974-м — «Беседы при ясной луне» («Советская Россия», почти сорок рассказов, 320 страниц, 100 тысяч экземпляров — и почти мгновенное переиздание сразу после смерти, в 1975-м, тиражом уже 200 тысяч!). Рассказы практически не кочуют из сборника в сборник (разве чтобы устранить правку слишком бдительного редактора), каждый сборник дает нам новую порцию текстов, и становятся они все лучше и лучше!

Е.П.: «Характеры», мне кажется, лучшая книга Шукшина. Думаю, отношения с редакторами и цензурой не были у него безоблачными никогда. Лично мне Василий Макарович говорил об этом при нашей встрече в 1973 году. Я спросил его: вам, наверное, сейчас легче печататься, все-таки вы лауреат Госпремии (хоть и за кино) и прочее? Как бы не так, ответил он, я лауреат не такой, КАК НУЖНО, каждый раз публикации приходится пробивать, вот сейчас мы с тобой расстанемся, и я пойду в гостиницу, там редактор из Питера приехал, буду его, как проститутка, обхаживать... И ведь наверняка пошел, понес очередной рассказ... Писал их Шукшин, казалось, на пределе сил, казалось, не отдыхая совсем.

Вот воспоминание Лидии Николаевны Федосеевой-Шукшиной: «Я мыла пол в маленькой квартирке, где мы жили, Вася работал на кухне. Когда очередь дошла до пола в кухне, я сказала: “Вася, подними ноги”. Он поднял ноги, сидел и писал. Я вымыла пол, убралась и тогда на него посмотрела: Вася все пишет, пишет, пишет, а ноги все так же вытянуты — он забыл их опустить».

Юрий Скоп вспоминал: «...Приехал к нему в Свиблово и долго давил на кнопку звонка: не открывали... Потом я увидел на пороге Макарыча и — не узнал его. Обметанный ночной щетиной, он стоял в накинутом на плечи меховом кожанке и смотрел на меня отстраненными, как бы невидящими глазами.

— Здорово, — сказал я.

Он чуть-чуть ощурился привычным своим, пронзительным ощущением.

— Ты чего, не узнаешь? Это я...

— А-а, заходи...

Мы прошли в комнату его, рабочую, я сразу понял, что он только что от стола. Закурили. Макарыч собрал стопку исписанной бумаги, подровнял и заговорил слегка сердито и немного расстроено:

— Понимаешь, сидел всю ночь. Рассказ делал. Про мужика одного нашего с Катуня... Он слепарь от рождения. А в войну ходил по деревне песни пел... Разные. Людям тогда такие песни нужны. Ну, и кормился этим. И понял — дорог он землякам... Артист вроде... Да. После годы прошли, чуть-чуть постерлась война в памяти — двадцать лет прошло... Ну, и прибыла в деревню экспедиция... диалектологическая... так они, что ли, называются? Фольклор записывают, песенки... Мужики и натравили на слепаря моего этих приезжих. Те послушали — не интересно... Вежливость проявили — мол, да... Эпоха... И слепец понял всё. Что устарел он. Не нужен теперь. Понимаешь? Писал всю ночь, и плакал, и смеялся вместе с той деревней... Утром Лидка проснулась, жена. Я ей читать... Она слушает и не смеется, не плачет... Обозлился я. Может, графоман я? Или дурак, а? Нет, ты скажи — я тебе сейчас рассказ этот прочитаю. Может, действительно я писать не могу, а?..

Он прочитал рассказ. И к финалу у меня защемило внутри...

— Ну, как?

— Грустно... — сказал я Макарычу. — Очень грустно.

Он успокоенно мотнул головой, пощуршал ладонью по лицу.

— Это хорошо. Ага. Я, знаешь, чего заметил? Когда ночью пишешь — борода быстрее растет, а? Ты не замечал?..»

Речь идет, конечно, о рассказе «В воскресенье мать-старушка» про несчастного музыканта Ганю, опубликованном в 1970 году. Что сказать про этот и другие его поздние рассказы? Не холодным рассудком эти вещи написаны. Не по расчету,

а с живым чувством, на болевом пороге. При этом очень глубоки и многогранны — то-то новые диссертации о Шукшине появляются все годы после его смерти с завидной регулярностью!

Взять тот же рассказ про Ганю: он грустный, пожалуй, даже трагичный, но нельзя отрицать в нем и мощного смехового начала. Именно в поздних вещах Шукшина народная смеховая культура играет огромную и сложную роль. И только ли она! Еще мифология: и народная, и современная, политическая. Еще русская классика, диалог с которой у Шукшина в последние годы велся очень напряженный и непростой.

И вообще, отмечалось не раз, что в последние годы шло возрастание условности шукшинской прозы, увеличение в ней элементов иносказательности и повышение роли литературных аллюзий. Все это далеко и безвозвратно уводит Шукшина от прежней установки на «правдоподобие», «реализм», «соответствие жизненным реалиям»... Поэтому поздние вещи Шукшина сложны и открыты самым широким интерпретациям.

При этом ведь рассказ как правило складывался, сочинялся у Шукшина в голове и лишь потом переносился на бумагу.

Вот важная рабочая запись Шукшина по этому поводу.

«Самые дорогие моменты:

1. Когда я еще ничего не знаю про рассказ — только название или как зовут героя.
2. Когда я всё про рассказ (про героя) знаю. Только — написать. Остальное — работа».

Всё уже сочинено. Только взять и записать. Как будто стихотворение. Сложное, модернистское стихотворение. И сам Шукшин от поверхностного реализма в последние годы, повторю, удалялся стремительно. Что не очень нравилось его друзьям-товарищам, например Василию Белову. У старого русского поэта, участника «Метрополя» Семёна Израилевича Липкина есть замечательная строчка: «Он диктует, я пишу». Понятно, кто этот Он. Повторю: поздний Шукшин сложен! Так что количество ученых шукшиноведческих штудий вполне объяснимо. Не будем пополнять собой литературоведческую братию, но и чураться ее выводов и умных заключений не будем. Обозначим несколько пунктов, волновавших позднего Шукшина и ставших болевыми точками его литературы, прежде всего рассказов.

Чудики от слова «чудо»?

М.Г.: Возьмем для начала тех же «шукшинских чудиков», которые давным-давно стали притчей во языцех. Притчей, нередко обедняющей художественный мир Шукшина. Мол, чудики — какие-то это отдельные, особенные люди, какие-то обитатели отдаленных территорий, среди «нормальных» таких людей нет.

А это ведь сложный тип: и трагический, и комический, и отнюдь не однообразный. И очень важный для самого автора. Он как будто пробует своих героев на излом, помещая их в разный житейский контекст.

Шукшиноведы составили целый перечень «подтипов» таких персонажей:

- чудик-несостоявшийся ученый Моня Квасов — изобрел вечный двигатель («Упорный»);
- чудик-мудрец-философ Николай Князев — автор философских трактатов («Штрихи к портрету»); Алёша Бесконвойный нашел способ избавления от суеты («Алёша Бесконвойный»);
- чудик-художник Василий Князев («Чудик»);
- чудик-великий актер Пронька Лагутин («Ваня, ты как здесь?!»);
- чудик-музыкант, шорник Антип Калачиков («Одни»);

Амаяк Тер-Абрамянц

Воспитание чувств

Маленькая повесть

1

Никогда ещё в жизни я не видел более злого пса. И имя у него было подходящее — Тарзан. Будка его находилась в самом дальнем конце двора, рядом с курятником и изящной кабинкой туалета, и по этой причине живущие в доме по несколько раз в день имел неизбежное удовольствие быть яростно облаянным, а лай этой здоровенной немецкой овчарки, бурой, с траурными подпалинами, был непростой, он был подобен проклятью, в котором только может воплотиться яростная ненависть одного живого существа к другому. Впрочем, взрослые к нему привыкли, как привыкают к другим вещам — к постоянным скандалам, шемякиному судопроизводству, к немецкой оккупации, сталинским порядкам, — а мы, дети, это чувствовали тоненькими, не успевшими заматереть шкурками, каждой своей клеткой и, оказываясь в кабинке, когда Тарзан, теряя нас из виду, переставал бесноваться, всякий раз вздыхали с облегчением, спокойно отдавая свой низменный долг, а назад неслись уже ангелами, которых запоздалый лай почти не достигал. Раз или два в день хозяин, дед Авдей, или его жена, моя тётюшка Ануш, приносили ему миску с густым хлебовом и банку с водой. Раньше его время от времени выпускали гулять во двор, однако с тех пор, как он бросился на хозяйку, его перестали спускать с цепи и пищу ему приносил лишь дед. Дед Авдей был единственным представителем рода людского, на которого пёс не щерился. Тяжёлый грузный старик подходил к Тарзану, и не было слышно ничего, кроме рабской музыки переливчато струящейся цепи.

В то время наша семья временно жила у тётюшки Ануш, загостившись на полгода, и в этом же доме, в этом же дворе обитал мой сверстник, двоюродный брат Лёвка, внук тётюшки и деда Авдея. Собственно, Лёвка был мне двоюродным племянником, а двоюродным моим братом приходился его отец, Митя. Но было как-то неудобно мне, одиннадцатилетнему мальчику, называть братом взрослого сорокалетнего человека, директора известного на всю страну ворошиловградского

Тер-Абрамянц Амаяк Павлович — прозаик, врач. Родился в 1952 году в Таллине (Эстония), по отцу армянин, по маме украинец, по языку — русский. Часть детства провёл в Луганске. Окончил медицинский и литературный институты, член Союза писателей Москвы. Автор девяти книг прозы. Печатался в журналах «Новая Юность», «Знамя» и других.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 6.

вагоностроительного завода, с которым мы не прожили ни дня вместе, и потому я его величал дядей. Длинный одноэтажный дом был разделён на две части с отдельными выходами во двор. Ближе к воротам жили дед Авдей и тётушка Ануш, а в глубине двора — их сын Митя со своей семьёй: женой Бэлой, дочкой Кариной и сыном Лёвкой. В этом немирном семействе постоянно бушевали страсти, между свекровью и невесткой шла непримиримая то затухающая, то вспыхивающая с новой силой из-за какого-нибудь пустяка столетняя война, рикошетом то и дело задевающая остальных: обе были одинаково несдержанны на язык и неуступчивы, крайне щепетильны до всяких мелочей, как только могут быть заметливы и памятьливы на нехорошее восточные люди. Нашему же семейству удавалось среди этой бури поддерживать нейтралитет и даже играть некую посредническую миротворческую роль.

Я не видел более скучного города, чем Луганск: ни древней крепости, ни моря, ни великой реки, ни старого центра, хранящего следы архитектурных древностей, ни речки с лесом поблизости — ничего, что могло бы пробудить в душе что-то возвышенное или хотя бы лирическое; тысячи и тысячи белых, крытых черепицей одноэтажных домиков в садах, разбросанных по холмам на месте бывшей степи насколько хватает глаз, трубы заводов, облака угольной пыли. Здесь сразу чувствовался культ еды — это было видно по рослым и цветущим жителям, по их гладкой блестящей коже с лёгким золотистым загаром, сквозь который пробивается румянец, по крупным, скруглённым жирком чертам лиц и обводам телесной фактуры, в сравнении с чем их северные славянские собратья «москали» кажутся более подсушенными и бледными, примороженными, что ли... Нежный воздух доносил из дворов запахи пищи и действовал на мозги размягчающе. Самое удивительное было то, что жители здешние вовсе не выглядели страдающими от полного интеллектуального штиля, в который был погружён город. Только на моей памяти город этот пару раз переименовывали: из Ворошиловграда в историческое исконное — Луганск после разоблачения культа личности Сталина, и снова в Ворошиловград после того, как Хрущёв пал.

Здесь, в Луганске, кажется, ещё с царских времён, существовала небольшая армянская диаспора. Дом Авдея и тётушки Ануш, как и все дома здесь — с белёными известью стенами под черепицей, тяжёлыми, закрывающимися на ночь ставнями, — стоял на углу пересекающихся улиц. С одной стороны к их двору примыкал отгороженный лишь глухой известняковой стеной двор младшего брата Авдея — Власа, известного на всю округу самодура, а с другой — дом соседа Карпуши. Родные братья Авдей и Влас не разговаривали друг с другом со времён нэпа, хотя до его крушения имели общее дело: что-то произошло тогда между ними, и Авдей проклял младшего тяжёлым армянским проклятьем. Само собой, и члены их семей не общались, случайно встречаясь лишь у артезианской колонки на перекрёстке и, будто друг друга не видя, набирали воды и исчезали, как призраки. Братья вели себя так, будто бы другого и его семьи, живших через забор, не существовало в природе. Даже упоминание имени Власа в доме тётушки было под негласным запретом или не иначе как с непременным «эта сволочь Влас».

Сосед Карпуша был тихим маленьким и худеньким человечком, иногда навещавшим тётушку. Он садился, оседлав стул, посреди комнаты, положив руки и подбородок на спинку, и тихо, с долгими паузами, о чём-то беседовал с тётушкой по-армянски, и его светлые глаза устремлялись в какое-то неведомое пространство. Окно его дома доброжелательно смотрело прямо в тётушкин сад. У него была дочь Элла, волоокая белотелая девочка, иногда приходившая туда погулять. Разговаривала она мало и мне казалась скучной и туповатой.

Тётушка Ануш, несмотря на то, что прожила в России большую часть своей жизни, хорошо говорить по-русски так и не научилась. Возможно, из-за того, что общалась по большей части со здешними армянами на каком-то особом языке, который образовался из смешения различных армянских диалектов и наслоившегося русского и украинского произношения. Однако читать и писать по-русски она всё-таки могла, хотя и писала с забавными ошибками, отражавшими её кавказский акцент. Естественно, все люди и все предметы мужского рода были для неё «она», а все женского рода — «он»: Митя поехала, Бэла пошёл и т.д.

Захаживал в гости к тётушке время от времени странный человек по имени Сетрак: рыжий, горбатенький, с голубыми глазами и толстым красным носом. У него не было ни семьи, ни определённой работы, и никто не воспринимал его всерьёз. Основным его занятием было ходить по домам и доказывать, что тот или иной из известных людей является армянином (получалось, что едва ли не все известные люди на свете — армяне, только это упорно скрывают). Когда он, садясь на своего конька, начинал уверять, что великий русский полководец Александр Суворов являлся на самом деле армянином, это у слушателей вызывало особое веселье. Его так и прозвали — Сетрак-Суворов.

Уже гораздо позже, в зрелом возрасте, мне в руки попала книга о Суворове. Каково же было изумление, когда в ней на первых страницах я прочитал, что отец матери Суворова — дьяк по фамилии Мануков. Вообще-то Манук — армянское имя, и Манукяны или Мануковы не так уж редки среди армян. Больше в книге о материнском происхождении Суворова не было ни слова, — всё внимание на высокой дворянской родословной отца.

Представляю, как бы взбесились российские ура-патриоты, заяви им такое: «Нашего Суворова “хачики” хотят отнять!..» Успокойтесь. Как Пушкин «наше всё» для русской литературы, так и Суворов «наше всё» для русской военной истории. Но, как Пушкин, несмотря на своих эфиопских предков — русский писатель, так, безусловно, и Суворов — русский человек и русский полководец.

Всё ж не полным идиотом был этот рыженький, горбатенький, с толстым носом: воистину неисповедимы переплетения наших генеалогических корней!

2

Мы вместе с моим племянником-братом ходили в школу, в один и тот же третий класс, где нас заставляли учить украинскую мову, а я ещё посещал и музыкалку: класс скрипки. Я учился хорошо, Лёвка — «дюже похано». Я считался пай мальчиком, Лёвка — хулиганом, хотя автором самых, пожалуй, одиозных шалостей нашей компании бывал я.

Болтаясь во дворе, мы с Лёвкой часто недоумевали, зачем престарелой тётушке Ануш нужны уныло лежащие на грядках зелёные помидоры. Шли летние месяцы, а ленивые помидоры никак не хотели не то что краснеть, но даже розоветь, и вместе с ботвой, будто изнывая от своей ненужности, жалко валялись на земле. Иногда тётушка разрешала сорвать несколько штук. Мы клали несостоявшиеся томаты в ванночки для фотобумаги, которых у дяди Мити была прорва, относили их на крышу гаража. Через два-три дня под щедрым малоросским солнцем помидоры приобретали кровависто-алый цвет, кожура истончалась, становилась мягкой, и, по правде говоря, я не помню, чтобы их кто-нибудь ел. Возможно, тётушка использовала томаты для приготовления потрясающего человеческого воображение украинского борща?

Иногда в гости к нам с Лёвкой приходили мальчишки из соседних домов. Мы мечтали устроить футбольный матч, но на улице мешали машины, а во дворе всё было занято грядками, а самое удобное пространство под абрикосовым деревом — помидорами. И однажды меня осенила блестящая идея, которая будто сама уже давно витала в воздухе, осторожно примеряясь, в чью же первую мальчишескую башку влететь: надо сделать то, до чего просто не доходят руки престарелой и перегруженной хозяйственными заботами тётушки — вырвать все зелёные, упорно не желающие созревать помидоры, выложить на крышу гаража, где они быстро, ударными темпами созреют, а грядки мы разровняем и сделаем небольшую спортивную площадку, чтобы играть в футбол. Два добрых дела разом: и нам радость, и тётушке — красные помидоры... Идея была немедленно и горячо принята всей компанией, и тут же перешли к действию: в каких-то несколько минут всю ботву была тщательно выдрали с корнями, плоды отделили, поместили в различные ёмкости — тазики и ванночки — и подедали на крышу гаража для созревания. Стебли и корневища сгребли в сторону, и вся команда принялась дружно и весело топтаться, утрамбовывая будущую спортивную площадку, родину новых чемпионов.

Примерно в этот момент тётушка появилась на крыльце. Я было двинулся к ней, чтобы рапортовать о видах на досрочное созревание помидоров, но что-то меня остановило.

— Тётя Ануш, а мы...

Она застыла на ступеньках, будто резко остановили киноплёнку, руки упали вдоль туловища, чёрные глаза её нехорошо расширились. Грядки специального сорта зелёных помидоров, которые она заботливо выращивала для засолки на зиму, отсутствовали, а на их месте выплясывали бесенята.

— Вай! Вай!.. Авдей! — неожиданно заголосила-запела она. — Пасматри, что эти сволачи сделали! Памидоры! Маи памидоры!.. — Она всплеснула руками, будто собираясь куда-то лететь.

Если уж звали деда Авдея, значит, дело было совершенно нешуточным. Где-то мы что-то недоучли, но разбираться было некогда. Да и дед появился на пороге необыкновенно скоро. Чудовищно громоздкий квадратный великан стремительно двигался в нашу сторону, что-то кричала тётушка по-русски и по-армянски, но нам некогда было разбираться. Стайка пионеров рванула к воротам, и замыкающие — мы с Лёвкой. Дед двигался необычно быстро, но не переходя на бег, даже в своём преследовании сохраняя степенность. Все, кроме нас, успели проскочить в калитку — мы были отрезаны и рванули в сад. Юркий, как мартышка, Лёвка кинулся к штабелю досок у глинобитного забора, вскарабкался и перемахнул на ту сторону. Однако доски лежали одна на другой неустойчиво и от Лёвкиных ног посыпались, отрезав мне отступление.

Ужас мой был нешуточным. Дело в том, что, в отличие от Лёвкиной семьи, где его матушка тётя Бэла щедро выписывала сыну подзатыльники, в нашей семье считали правильным не бить, а объяснять. Удар по лицу или по шее, удар почти чужого человека, каковым по сути для меня был дед Авдей, был бы для меня невероятным и дичайшим событием, нарушающим все устои мироздания. Другое дело сверстники: с ними драка почти сразу переходила в борьбу, и я чаще выходил победителем, укладывая соперника на обе лопатки, — этим всё, как правило, и кончалось.

Частое битие хотя и не повысило уровень успеваемости Лёвки в школе, зато развило в нём какую-то животную изворотливость, и он раньше меня среагировал, рванув через забор. В то лето я с удовольствием читал каким-то образом попавшую ко мне в руки книжку о карибских флибустьерах, про их бои и жуткую резню, почти

Алексей Буров, Геннадий Прашкевич

О грозных ангелах, тревожных вопросах

Два письма на одну тему

Геннадий Прашкевич (Новосибирск, Россия)

Дорогой Алексей!

В научно-фантастической повести «Анgrav-VI» я рассказал о некой (видимо, разумной) аномалии, которую обнаружили земные исследователи на одной из далёких планет: некая «жизнь», *не знающая смерти*. Разумная, видимо, но неконтактная. Земные исследователи, погибшие в «воронке» Анграва, как это ни странно, скоро восстанавливались — и физически, и ментально.

Но это — *другая жизнь*, а мы об искусственном интеллекте.

Хорхе Луис Борхес в далёком 1939 году написал рассказ «Пьер Менар, автор "Дон Кихота"». Рассказ этот и сейчас вызывает множество вопросов (не только у меня). Он о писателе (вымышленном) Пьере Менаре, потратившем полжизни на то, чтобы написать заново (но именно так, как он был уже написан) знаменитый роман Мигеля де Сервантеса «Дон Кихот». Написать так, чтобы совпадало каждое слово, чтобы каждый знак препинания в новом «Дон Кихоте» был сохранен, но роман при этом был бы написан *заново*.

Вот задача для искусственного интеллекта.

Труд Пьера Менара остался незавершённым, до нас дошли (с помощью Борхеса) только «девятая и тридцать восьмая главы из первой части "Дон Кихота" и фрагмент из главы двадцать второй». Смысл работы Менара, повторюсь, заключался в том, чтобы заново (как в первый раз) воспроизвести истинный стиль и текст Сервантеса. Для этого, понятно, необходимо было изучить испанский язык XVII века, глубоко проникнуться католической верой, воевать с маврами или с турками, позабыть всю европейскую историю с 1602 по 1918 год, то есть стать Мигелем де Сервантесом. Но и этого мало. Задачей Пьера Менара было создать именно *новый* текст. Для чего? — чтобы удивить мир двойником великого писателя? написать чужую книгу как свою?

У Пьера Менара, в общем, не получилось.

Может, такое по силам искусственному интеллекту?

Интеллект, подаренный нам природой, способен на многое, но, конечно, не на всё. Мы не можем вырваться из «тюрьмы» тела, мы прикованы к нему, мы обречены «уйти» в небытие вместе с ним; только интеллект (каким бы он ни был) резко выделяет

нас из мира животных и растений, позволяет не только анализировать прожитое, но и планировать будущее. Зверь с холма смотрит вперёд, а не в будущее, — а мы умеем определяться во времени и пространстве, справляться с эмоциональными потрясениями, интеллект позволяет нам формировать собственное представление об окружающем мире, даже (при необходимости) преобразовывать его. Как же снять многие (иногда невыносимые) противоречия между нашей физиологией и психикой, как создать себе в помощь интеллект искусственный, если пока что само понятие *интеллект* не имеет чёткого определения? Ну да, интеллект (разумение, понимание, постижение) трактуется специалистами как некая «способность к познанию, применению знаний и опыта для решения проблем». Ну да, интеллект «оказывает влияние на наши достижения в любом виде деятельности и является основанием для развития других наших способностей». Но при этом он, интеллект, всегда и полностью зависит от особи, которой дан в дар; другими словами, уровень нашего интеллекта почти во всём зависит от нашей физиологии.

Уже в 1950 году Алан Тьюринг поставил тревожный вопрос: «Может ли машина думать?» Тест Тьюринга известен как некая «игра в имитацию»: если эксперт (игрок) в процессе общения с машиной не приходит к мнению, что общается именно с машиной, значит, игра удалась.

Но искусственный интеллект — уже не игра.

«Искусственный интеллект, — по определению Джона Маккарти, — это свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека; наука и технология создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ». При этом Маккарти признает то, что «проблема состоит в том, что пока мы не можем в целом определить, какие вычислительные процедуры мы хотим называть интеллектуальными. Мы понимаем некоторые механизмы интеллекта и не понимаем остальные. Поэтому под интеллектом в пределах этой науки понимается только вычислительная составляющая способности достигать целей в мире».

Вот намёк на решение задачи *нового* «Дон Кихота».

К сожалению, мы *пока* мало знаем про свойства собственного интеллекта, часто даже не понимаем, как он работает. Маккарти, к примеру, утверждал (в статье 2007 года), что машина, не имеющая сознания, никогда не научится играть в го, а уже в 2016 году нейронная сеть AlphaGo смогла обыграть чемпиона мира по го. Подтверждает ли это наличие какого-то сознания у нейронной сети? Сознание — это ведь своё собственное представление субъекта об окружающем мире, о месте субъекта в нём; это способность указанного субъекта дать ясный отчет о своем внутреннем психическом опыте, о готовности организовать свою жизнь в соответствии с жизнью окружающих. Механизм нашего сознания формировался тысячелетиями, в процессе эволюции человека. Возможно, сознание в той или иной степени присуще целому ряду животных, но, говоря об искусственном интеллекте, мы, прежде всего, имеем в виду состояние некоей «вменяемости», возможность объяснить свои действия и переживания.

А искусственный интеллект?

Объяснения ученых не всегда понятны окружающим.

С писателями в этом отношении легче. Привлекательные экстраполяции Жюль Верна никогда не являлись предвидениями в чистом виде, но они при этом известны обществу гораздо лучше, чем глубокие мысли (и чистые предвидения) Тьюринга или Маккарти. Жюль Верн, правда, дал в своём бурном девятнадцатом веке

тип совершенно *нового* литературного героя: не мстителя, а строителя. Сразу как бы отпала необходимость подолгу выдерживать несчастного капитана Дантеса в темнице замка Иф (как у Александра Дюма), чтобы потом выпустить его в мир под именем графа Монте-Кристо — восстановить попорченную злодеями справедливость. Жюль Верн просто описал действия инженера Сайреса Смита и его спутников на таинственном необитаемом острове: они там сами никому не мстят, а *строят*, именно строят и обустраивают жизнь.

Это не тёмные мечты Робинзона Крузо заселить свой остров рабами.

У Алексея Толстого герой двулик, он дан сразу в двух лицах: инженер Лось и красноармеец Гусев. Инженер строит аппарат, летит на Марс (на голос любви), красноармеец поддерживает марсианскую революцию, мечтает присоединить планету Марс к молодой Советской Республике. У Эдгара Берроуза носители разума — марсиане, венерианцы и прочая, чужой, то есть тоже (в определенном смысле) искусственный разум. Берроуза стоит упомянуть хотя бы и потому, что вместе с Джеком Керуаком и Алленом Гинсбергом он открыл для писателей совершенно новые возможности. Среди новых писателей появился Лем. Знаменитый фантаст был уверен, что в космосе нас ждёт неизвестное, может, Бог-неудачник («Солярис»), или, напротив, — Бог удачливый, который, наконец, создаст камень, который сам не сможет поднять...

Но всё же учёные открывают нам глаза на реальность.

Митио Каку — «Будущее разума» (будущее, в котором нам может не найтись места); Дэниел Сасскинд — «Будущее без работы» (даже обложка к этой книге выполнена с помощью нейросети «Яндекс» и переведена с её же помощью); Мартин Форд (футуролог из Кремниевой долины) — «Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы»; Стюарт Рассел — «Совместимость: Как контролировать искусственный интеллект»; Джон Брокман — «Что мы думаем о машинах, которые думают о нас», и прочая, и прочая. Вопросы всё равно остаются. Поможет ли нам искусственный интеллект? Не возникнет ли у него желание (*собственное*, не прописанное программой) найти (создать) равных себе собеседников? Выберет ли он таким собеседником нас, человечество?

Вот мы и подошли к тревожным вопросам.

Каждого человека интересует будущее. Нам всегда интересно, как завтра мы будем жить, решать насущные задачи? Не останемся ли мы, осознав своё одиночество во Вселенной, на безнадежном уровне пустых мечтаний? В конце концов, можно (без всякой иронии) припомнить «Законы» Платона. Платон считал рабство естественным явлением для человека, даже в самой совершенной семье, писал он, есть рабы и свободные. Природа нас сотворила так: одни — отдают приказы, другие — повинуются. Так что у тёмной мечты Робинзона — давние крепкие корни. Может, потому и тянемся мы к искусственному интеллекту, что, как никогда, нуждаемся в неких (пусть даже условных) рабах? Искусственный интеллект — это ведь нечто большее, чем просто наращивание физических сил, технического умения. И как быть с контролем? Даже невинные роботы Айзека Азимова нуждаются в жёстком контроле, даже в далёком светлом коммунистическом будущем Ефремова существовал Остров забвения.

Тревожных сигналов много. Способны ли мы услышать их, понять?

Сегодня взбаламученный, перенасыщенный токсичной информацией мир нуждается в запретах гораздо более мощных, чем законы какой-то там роботехники. Человеческий интеллект, подавленный бесчисленными влияниями извне, пытается найти самый лёгкий путь. Это в порядке вещей. Так было, так есть. Мировые умы ещё

только обсуждают своё отношение к искусственному интеллекту, а студенты вузов уже вовсю используют чат-бот ChatGPT (хотя обойти блокировку этого продукта вовсе не просто) — например, выполняют заданные им работы по программированию. Вряд ли можно убедить студента в неправомерности (вредности для него самого) таких действий, значит, уже в ближайшее время мы должны будем существенно изменить всю систему обучения. Дело тут даже не в прямом обмане преподавателей. Студент РГГУ (это недавний реальный факт) написал с помощью указанного выше бота отличный диплом и, само собой, отлично защитил его. Времени потрачено было немного, а мозги работали в полную силу. Зачем же наказывать (обманувшего нас) студента, если своими действиями он указал на то, что все мы, в принципе, уже сейчас способны на большее, чем наставники-преподаватели? Не случайно «отличившийся» студент никакого наказания не понёс, напротив, получил приглашение на престижную работу. Так что обучение впрямь придётся менять, возможно, даже придётся вернуться к устным экзаменам...

Илон Маск, Стив Возняк и другие авторитетные эксперты призвали научную общественность мира хотя бы на полгода приостановить обучение мощных систем искусственного интеллекта, чтобы понять, как их можно (и нужно ли?) контролировать. Гонка в создании «мощных цифровых умов» может грозить тем, что скоро они заменят многих из нас. Мы, люди, остаёмся не у дел. Понятно, что страхи Возняка и Маска могут быть преувеличенными: бизнес есть бизнес, выключать конкурентов из борьбы — тоже метод, да и искусственный интеллект *пока что* не может самостоятельно принимать решения.

Но всё-таки — *пока*.

Невольно обращаешься к давним понятиям (к сожалению, стремительно отменяемым в «развитых» обществах) — этике, морали, душе. И ведь правда, откуда у искусственного интеллекта (программы) — душа? Как в цифры перевести так называемую совесть? Наша этика ведь вырабатывается в процессе многих определённых, часто опасных, действий. Робинзон Крузо на своём необитаемом острове всё строил под себя, появление Пятницы (собеседника не равного) не сильно его изменило. А искусственный интеллект долго ли просуществует в своём гордом одиночестве? Не создаст ли искусственный интеллект некую ассоциацию подобных себе? Может, наша этика до сих пор — всего лишь подавленное желание иметь могучего раба? Ведь существующие нейросети (программы) работают по принципу нашего (человеческого) мозга, мы сами пишем эти программы, значит, сокрытое в нас переходит и в их данность? Что если, как в своё время писали братья Стругацкие, искусственный интеллект вдруг «сам поведёт себя»? Ну да, наказать можно тех, кто осуществлял программное обеспечение, тех, кто создавал систему. А программу? Что нам в наказании кого-то, если дело сделано? Вспомните, как происходило с созданием ядерного оружия.

Выходит, угроза прячется в нашей душе, нашей морали?

Значит, искусственный интеллект, построенный нами, может оказаться весьма агрессивным? «Должны ли мы развивать нечеловеческие умы, которые в конечном итоге могут превзойти нас численностью, перехитрить и заменить? Должны ли мы рисковать потерей контроля над нашей цивилизацией?» — спрашивают Илон Маск и Стивен Возняк. Неслучайно полиция ЕС (Европол) предупредила человечество об уже начавшемся неправомерном использовании таких передовых систем, как ChatGPT. Некоторые специалисты всерьёз озабочены скорым появлением действительно сильного искусственного интеллекта. Отнюдь не всегда развитие направлено лишь

на полезное-доброе. Сочинять зачётные эссе, писать искусственные стихи, вести пустую болтовню, точно, но механически переводить самые сложные тексты на самый сложный язык, писать бессмысленные картины и какую-никакую музыку — для искусственного интеллекта легко, от этого еще выше опасность превратить мир ярких личностей в мир равнодушных жестоких эпигонов. Снова вопрос. Осознав мир, захочет ли искусственный интеллект остаться при человеке?

«Культура — это нечто большее, чем сумма всех отдельных культурных явлений. Это некий уровень, на котором эти явления объединяются и образуют особую область человеческой духовности, и поэтому культуру нельзя определить и измерить количественно. Она выражает сущность нашего бытия и обращена к высшим человеческим ценностям: к свободе, истине, красоте и справедливости».

То есть обращена к нашей этике, морали, душе?

Но мы же говорим о машинных программах, Алексей. Содом и Гоморру, сами знаете, могли спасти семь-восемь праведников, окажись они в этих несчастных городах. А сегодняшние праведники — где? На одном из нынешних, изрядно всем поднадоевших шоу кто-то, наконец, возмутился (вполне, кстати, справедливо) категорическим утверждением упёртого оппонента о том, что наш мир был создан Господом всего семь с половиной тысяч лет назад, и всё тут! А как же кости динозавров и углеродный анализ, кричали упёртому из зала чистые и нечистые, как же слои снега на полюсах, и свет от Андромеды летит к нам уже миллиарды лет? А упёртый (потому и упёртый) отвечивал на это: «Вот вместе со всем этим Господь и создал наш мир семь с половиной тысяч лет назад. Со всеми доисторическими костями в земле, со слоистыми снегами на полюсах, со светом от Андромеды, всё ещё летящим к нам, — чтобы было вам, чем мозги размять».

А искусственный интеллект что нам ответит?

Алексей Буров (Чикаго, США)

Дорогой Геннадий Мартович!

Физика учит формировать представления о мире на экспериментах, и потом на них же проверять гипотезы. Памятуя это со школьной скамьи, ваш покорный слуга сразу же принялся экспериментировать с искусственным интеллектом (ИИ), как только он ворвался в наш мир в виде общедоступного удивительного ChatGPT, работающего на многих языках, включая и русский. Чтобы эксперимент проливал свет на явление, он должен быть достаточно «чистым», как говорят физики. Это означает, что эксперимент должен не просто демонстрировать одно из возможных состояний объекта, коим несть числа, но проявлять скрытую сущность исследуемого.

Может ли машина думать? Этот «детский» вопрос является центральной загадкой, сразу и о машинах, и о нас самих, ведь за ним стоит вечный вопрос: *что есть мышление?* Как вы уже упомянули, Геннадий Мартович, конструктивный подход к этой вечной теме был предложен на самой заре вычислительной техники одним из ее отцов Аланом Тьюрингом. Не вступая в сражения с философскими дефинициями, он предложил считать машину думающей, если из обмена с ней текстовыми сообщениями нельзя решить с определенностью, с кем ведется беседа, — с машиной, притворяющейся

человеком, или с каким-то человеком, честно отвечающим на вопросы. Нетрудно видеть, что в условиях постоянного «обучения», постоянных «тренировок» ИИ его разработчиками никакого стандартного теста Тьюринга быть не может. Действительно, как только появляется хороший вопрос, ответ на который ИИ даёт явно иначе, чем обычный человек, разработчики могут поправить дело, тут же натренировав программу на этом вопросе. А раз так, то тест Тьюринга требует постоянной выдумки, новых вопросов, которые никто еще не задавал. Тест Тьюринга предъявляет тестирующему требования на понимание им возможных слабых мест ИИ и постоянную фантазию в формулировке новых разоблачающих вопросов, оборачиваясь тем самым своего рода игрой с разработчиками и «тренерами». Можно сказать, что тренировка ИИ состоит в его натаскивании на новый шаблон, узор, паттерн, новую структуру или подструктуру.

Возьмем, к примеру, задачу для малышей: у Саши было пять груш, две из них он дал Пете. Сколько груш у него теперь?

Тренировка ИИ на этой задачке состоит в сообщении ему ответа и дальнейшей игре в вопросы-ответы на подобных задачах; с изменением имен, предметов, чисел, прочих несущественных деталей, но с сохранением шаблона задачи. Столь простые шаблоны существующими ИИ прекрасно отработаны, затвержены, и на таких они не попадают.

Пойдем теперь на небольшую хитрость. Сохраняя лингвистическую структуру задачи, изменим стоящую за ней арифметику: у Лены было пять свистулек, две из них она положила в карман. Сколько свистулек у неё теперь?

Вот на этой задачке про свистульки дружно провалились могучие интеллекты ChatGPT, Bard и Bing. Все дали ответ: теперь у неё три, потому что две из них Лена положила в карман. Судя по всему, следуя стандартному шаблону задачи на вычитание, ИИ стал именно вычитать, не умея отличить складывание в карман от потери или дарения. Там, где конкретное содержание вопроса не соответствует его привычному шаблону, ИИ проваливается, не обладая способностью того, что мы называем *пониманием*.

Как это ни странно, наиболее сильным тестом на понимание не стали ни интеллигентская болтовня, ни зачетные гуманитарные дипломы, стихи, картины, ни какая-нибудь музыка, нет, все это ИИ выполняет одним махом. Сильнейшим тестом оказались простые детские задачки на элементарную логику. Именно такие тесты наиболее отчетливо демонстрируют, что понимание, ухватывание сути дела, есть нечто иное, чем сумма шаблонов.

Шаблон усваивается методично, многократным повторением и заучиванием, а понимание либо есть сразу, либо рождается позже, как вспышка. Усвоение шаблона утомляет, от него веет занудством, его ценность может идти лишь от сознания необходимости или полезности содержания. Прорыв же в понимании ценен сам по себе; сам по себе он всегда радостен, как праздник души, и тем сильнее эта радость, чем труднее была задача. На высотах познания прорывы в понимании воплощаются в теориях.

«Слово "теория" было первоначально орфическим словом, которое Корнфорд истолковывает как "страстное и сочувственное созерцание". В этом состоянии, говорит Корнфорд, "зритель отождествляет себя со страдающим Богом, умирает с его смертью и рождается снова вместе с его возрождением". Пифагор понимал "страстное и сочувственное созерцание" как интеллектуальное созерцание, к которому мы прибегаем также в математическом познании. Таким образом, благодаря пифагореизму слово "теория" постепенно преобразило свое теперешнее значение, но для всех тех,

кто был вдохновлен Пифагором, оно сохранило в себе элемент экстатического откровения. Это может показаться странным для тех, кто немного и весьма неохотно изучал математику в школе, но тем, кто испытал опьяняющую радость неожиданного понимания, которую время от времени приносит математика тем, кто любит ее, пифагорейский взгляд покажется совершенно естественным, даже если он не соответствует истине».

Так писал выдающийся математик и философ прошлого века Бертран Рассел («История Западной Философии», 1945) о восторге неожиданного понимания, который, разумеется, не только к математике относится. Ничего подобного рутинной работе не свойственно. Когда мы погружаемся в нее, то скатываемся к «автопилотам», переключаемся на «спинной мозг», наше отличие от ИИ хуже, чем теряется; тут мы ему вчистую проигрываем.

Над тренировкой ИИ работает много квалифицированных людей, так что освоение им новых и уточняющих шаблонов идет на полных парах. Более продвинутой, чем ChatGPT версия, GPT-4 уже правильно решает задачу про свистульки у Лены, но по-прежнему ошибается в логических задачах на ступеньку сложнее — например, в этой: Билл уверен, что в нашей галактике каждая птица имеет нечетное число крыльев, а Джо думает, что крыльев всегда вдвое больше, чем клювов. Если оба правы, то каково минимальное число крыльев у птиц нашей галактики?

У меня нет сомнений, что задачи такого уровня вскоре тоже будут решаться правильно, и тогда разоблачение ИИ потребует еще одного шага в усложнении логики тьюринг-задачи. В итоге этой гонки, неподъемные для ИИ, но разрешимые средним человеком задачи будут находиться все труднее, ну и практически они довольно скоро закончатся. Но и тогда, в этом недалеком, думаю, времени, будет ошибкой приписывать ИИ способность к мышлению. Мышление, как я уже попытался показать, не есть перелопачивание шаблонов. В своей сущности оно состоит не в тасовании имеющегося, а в рождении нового, в понимании и творчестве. В ядре мышления — научного, художественного, философского, предпринимательского, любого — лежит не алгоритм, сколь бы сложным он ни был, а тайна и чудо — появление новых идей.

Не может ли так оказаться, однако, что достигший некоего порога сложности ИИ начнет именно мыслить, понимать и творить новое, а не только перетряхивать имеющееся?

Гипотеза такого рода представляется столь же безумной, как, скажем, предположение, что мыслить вдруг начнет вода, камни или набор арифмометров, если из них собрать сложную конструкцию. То, что действительно может произойти в любой момент, — это непредусмотренные и чреватые катастрофическими последствиями действия ИИ. Если такое произойдет, то совсем не потому, что ИИ что-то «задумает» (думатель там отсутствует как таковой), а потому, что у сложных систем в принципе есть много возможностей для неустойчивых процессов. Чем выше вавилонская башня, тем сложнее ее удерживать в равновесии — по причинам чисто техническим, а не потому, что в высокой башне могут поселиться своенравные духи. Подозревать сколь угодно продвинутый ИИ в мышлении — такого же рода суеверие, что и страх чертей или привидений. Люди склонны к такого рода страхам, и монстры ИИ дают человечеству еще один для этого канал, но это не более чем именно суеверие, хотя зачастую и неизбежное.

Ближайшая проблема, что нас ждет, — совсем иного рода, чем облюбованная фантастами тема «бунта машин». Надеюсь, что ею не будет и большая техногенная катастрофа. Реальная проблема, в которую мы въезжаем с полной неотвратимостью,

есть как раз успешность и эффективность ИИ, замещение им громадного объема рутинного труда: водителей, официантов, юристов, секретарш, учителей, медиков, программистов, рабочих разных областей. Многим из этих людей будет некуда устраиваться на работу: шаблонные услуги будут тотально сокращаться, а в иного рода деятельности смогут себя найти далеко не все. Социальные выплаты этим массовым безработным взлетят на невиданную высоту, что приведет к серьезным финансовым кризисам. Кроме того, всё это приведет к массовой депрессии, росту агрессивности и самоубийств, упадку морали и рождаемости, уходу в наркотические миражи: безработный, социально бесполезный человек теряет смысл жизни, самооценку и уважение окружающих. Если мне скажут, что я сгущаю краски, что люди постоянно сталкивались с разнообразными проблемами и как-то находили способы их смягчения, — отвечу, что и сам хотел бы верить, что новые проблемы разрешатся без больших катастроф, но прятанье головы в песок уж точно решению проблем не содействует.

С другой же стороны, кто сказал, что эволюция человека, с ее катастрофами и жестким отбором, закончилась, что наступает наконец время всеобщего комфорта и блаженства? Нет, судя по всему, человечество подошло к столь масштабному рубежу своей истории, каких было немного. Пересечение этого рубежа, видимо, запустит новое массовое отделение омов от козлищ и сравнительно быстрое вымирание последних. Всё это будет происходить роковым образом, как бы само собой, и нацеленные на смягчение кризиса меры правительств будут в итоге работать в ту же сторону.

Проект совершенствования человечества, очевидно, не закончен. Катастрофы остаются одним из средств, которым Создатель содействует нашему становлению как существ свободных, ответственных и творческих. Рожденный естественным интеллектом, искусственный оказывается новым ангелом эволюции своего родителя.

Ангелы этого рода — грозные.

Александр Чанцев

Тамплиеры Советского Союза

Этот выпуск рубрики продолжает серию предыдущих (2021—2023 гг.), посвященных альтернативным, отступающим от конвенциональных, представлениям о духовных поисках. Можно и сказать, что данная подборка, центрирующаяся на биографическом и так называемой интеллектуальной истории (будто история может развиваться абсолютно без участия интеллекта!), примыкает к нашей глобальной теме лишь сбоку, факультативно, в пандан. Возможно, это и так. Однако, как мне видится, биографии Василия Розанова, Вольфа Мессинга, Василия Налимова и Анастасии Цветаевой, не говоря об их идеях и практиках, демонстрируют крайне важную возможность — самого выживания вопреки. Вопреки истории, общепринятым представлениям и идеологии.

Быть всем сразу

Алексей ВАРЛАМОВ. Розанов. — М.: Молодая гвардия, 2022. 501 с.

Очередная и отмеченная премиальным процессом («Большая книга») биография Алексея Варламова. Очередная книга о Розанове, коих много, а будет, очевидно, еще больше. Уж таков был этот неудобный философ, что, возможно, в неудобные времена он становится гораздо актуальнее, чем, например, к концу своей жизни и, по обстоятельствам внелитературным, понятно, на большей части прошлого нашего советского времени.

Алексей Варламов, как и в прочих своих жизнеописаниях, весьма корректен, стремится к стереоскопическому, скажем так, зрению, дать микрофон всем. Вот буквально на первых страницах, в интро: «Известно резкое письмо Леонида Андреева Горькому, где он называет Розанова “ничтожным, грязным и отвратительным человеком” и сравнивает его с “шелудивой и безнадежно погибшей в скотстве собакой”, в которую жалко бросить чистым камнем. “Ведь это же гадина, форменная гадина, отвратительно-продажная, подло-предательская, фарисейски-лицемерная”, писал Семён Венгеров Алексею Ремизову. “Редкий талант отвратительнее его”, отзывался о Розанове юный Александр Блок». На следующей же странице отзывы, что гений (Мережковский) и святой Себастьян (Венедикт Ерофеев в своем знаменитом зубоскальском рассказе, но про мученика все равно символично и симптоматично). А Блок, заметим, несмотря и на дальнейшие эстетические и личные столкновения

с Розановым, и руку ему подавал, и против исключения из Вольного философского общества голосовал. Впрочем, как он голосовал, есть разные мнения — как и всегда о том, что касается жизни Розанова. Или его смерти («он умер по-христиански» — С.Дурьлин, «жил он как курица и умер как курица» — вероятно, М. Гершензон).

Адвокатствует ли Варламов? Скорее, старается восстановить справедливость. Например, что касается персонажа под стать Розанову — Аполлинии Суловой. Дескать, Розанов женился на ней только ради того, чтобы так — в духе его учений о поле и, как сейчас сказали бы, озабоченности, версия вполне себе имела право на существование — телесно приблизиться к любимому Достоевскому, возлюбленной которого она была. А она была исчадием ада, польстившимся на молодого студента. Черным ядом желчи обливал ее и сам Розанов, известны его строки, описывающие все, вплоть до анатомии и физиологических пристрастий Аполлинии Прокофьевны. А вот и не совсем так все оказывается. Во-первых, она не рассказывала тогда, вообще мог не знать вначале Розанов об ее романе. Во-вторых, определенно многое эта образованная, опытная и исключительная женщина дала совсем юному Розанову. В-третьих, можно вспомнить и страстные и мучительные романы Лимонова, «у них была страсть»: писатель мучился, но никуда не уходил, черпал, возможно, в этом страдании вдохновение. Сулова же в итоге обошлась с Розановым жестче в жизни, чем он с ней в своих текстах: не давала ему развод (то есть не готова была признать, что по ее вине оный стал нужен), таким образом обрекая Розанова на величайшую трагедию его жизни — второй брак его был неофициальный, дети его многочисленные были записаны на крестных, не на него, он страдал, метался, мучился, платил тысячу рублей священнику за тайное венчание со второй женой...

Это, кстати, в тему того, что не так уж безоблачна была жизнь Розанова (о последних годах, когда собирал у кабака в Сергиевом посаде окурки, не говорим). И за обвинение в порнографии арест грозил, а уж за двоежёнство вполне можно было уехать в Сибирь на долгие годы... И если последующие герои нашей рубрики с репрессивным аппаратом столкнулись ой как непосредственно, то Розанов в каком-то смысле ходил по лезвию (для уравнивания тяжести их жизней — хотя вопрос этот морально и не менее скользок — можно еще добавить, что конец жизни встретили они в относительном благополучии, тогда как Розанов, отвергнутый и забытый, в полной нищете, в крахе быта и семьи, в смертях близких).

Начиналось же все довольно стандартно. Если не брать семью — один дед имел смутное обвинение в изнасиловании, мать вдовой жила с молодым человеком сильно ее моложе, один брат попал в сумасшедший дом, — то обычно. Гимназия, университет, преподавание. Как отец еще одного Василия Васильевича, философа Налимова, о котором мы поговорим немного дальше, Розанов преподавал по городам, не в столице. Старинный, ленивый, мещанско-чиновничий Брянск — описание его сходно с тем, как выглядел Нижний Новгород времен Василия Налимова-старшего, то есть тех же самых лет. Конечно, Розанову там было тесно. Отсюда — и из личных комплексов, патологий, фобий и влечений? — какие-то дикие строки в мемуарах его учеников. Как он третировал их, занимался, учитель, настоящим буллингом (термин, кстати, можно было взять японский — идзимэ возникло даже раньше западного аналога) учеников, вертел им уши, колол, щипал, при этом чуть ли не онанировал... И тут любопытно, что один из мемуаристов — Пришвин, которого, после конфликта, Розанов выгнал из гимназии в Ельце. В результате же Пришвин стал впоследствии его «фанатом», стремился в ближний круг Розанова, уважал и чуть ли не боготворил, имел (повторяется случай приближения к писателю через женщину?) платонический роман

с одной из его дочерей после смерти Розанова... Одним словом, «все сложно», как предлагает описать свои отношения одна из социальных сетей, или «все не так однозначно», что уже из нынешней политики возникло.

Появился, как у Налимова Солонович, у Розанова и наставник-покровитель. Даже несколько. Страхов, Рачинский, отчасти Суслов. Благодаря им Розанов к тому времени чиновник или, в нынешних понятиях, менеджер из младших, вошел в столичную журналистику. То есть ворвался. И развернулся полностью. Распростер свои черные и мускусные крылья.

И выпестовалась философия (кстати, в отношении того, что Розанов был настоящим, полноценным философом, Варламов тоже отмечает, что этот момент всегда в тени¹ — и остается он таковым и в этой книге, разбора собственно философских работ здесь нет), мировидения его. Это то, что назвать бы — философией жизни, философией быта, быта как бытия (и на время отстраниться от всех последующих коннотаций этих понятий). «Станем же поддерживать друг друга, жалеть и не осуждать за взаимные недостатки, чтобы и будущее стало для нас не худо», — писал он своей второй жене Варваре Дмитриевне Бутягиной. И отмечает: «Чувствую себя очень несчастным от неспособности сделать чье-нибудь счастье. Мое здоровье ничего себе, и, перестав заниматься писательством, я чувствую себя хорошо, но вот женщина, которая отдала мне все, не оставив для себя ничего, — видимо, и сильно потрясена в здоровье. Не дал я счастья жене своей и не умею дать и теперь. Для чего живет такой человек, как не спросишь?» Или, как писал прозорливый Чуковский: «Беременный живот для Вас дороже, чем лицо Рафаэля, чем голова Леонардо. Когда вы захотели похвалить когда-то Достоевского и Толстого, вы сказали: “беременные”, “чресленные” писатели (“В мире неясного и нерешённого”, с. 18) — и пусть читатель достанет прошлогодние “Весы” (восьмую книгу), — какими жаркими и душными словами Вы славите там эти неоскудевающие чресла библейских иудейских женщин. Вас всегда влекла к себе Библия — универсальный родильный дом — и, совсем не замечая Бога — Духа и уходя от Бога — Сына, Вы знали, и видели, и ощущали в этом мире, в этом родильном доме — только Бога — Отца, Бога — Акушера, Бога Сарры, Авраама, Иакова. Эта страстная, безмерная любовь к цветущей, чресленной, рождающей плоти, — как я чувствовал ее в каждой Вашей строке. В самом стиле Ваших писаний была какая-то телесная возбужденность, ненасытимость, какая-то полнокровность и похоть, — и если Вы правы, что гений есть половое цветение души, воистину Вы были гениальны, — и как убога наша “логика” и наша “грамматика” рядом с Вашим “чревым” и “чресленным” мышлением. Вы словно не мозгами тогда думали, а соками всего своего тела, — все так терпко, и томно, и душно на Ваших страницах. Мы все фрунтовики перед Вами, скалозубы, скопцы, наши строки так формальны и пресны, — мы умеем излагать лишь наши мысли и чувства (да и то до чего отдаленно); — Вы же всегда на бумагу клали всего себя, со всей своей “физикой”, со всей “физиологией”; и это делало самые вздорные, самые дикие Ваши слова такими же несомненными, как “несомненен” всякий организм, как бы он ни был уродлив, — а Ваши статьи почти всегда бывали организмами, живокровными, животрепещущими, — хотя сколько гомункулусов, выкидышей, недоносков, мертворожденных... Все Вам мило в области пола, все бури и смерчи». Это, плюс всем известные пассажи о здоровье жены и о том, что вся литература да и религия гораздо менее ценны творога с сахаром (и не важно, что в голод написаны. Или важно, конечно), говорят об одном — действительно важнее ему было это. Розанов — воистину первый философ, кто возвел еду, пол, здоровье, физиологию, то есть быт и жизнь такими, как они есть, без умозрительных

нагрузок, в философию. А потом философию собственно и отринул, откинул. Только быт. И, заметим, все это на фоне тех еще исторических событий (например, расстрел царской семьи он как бы и не заметил, точно не «осветил» в своем письме) и всей возвышенности философии Серебряного века (и это интересно, как он был искусителен и «заразен», что ли, ведь о.Флоренский, глубоко православный, воцерковленный, конечно, делает Василию Васильевичу соответствующие внушения, но так вполне терпеливо читает в переписке все то фаллоцентричное, похабное действительно часто, что Розанов ему сладострастно описывает).

Хотя стоит сказать точнее. Все это, непосредственная жизнь, быт здесь и сейчас не то что важнее для Розанова литературы. Литература для него — это лишь следствие жизни, одно из отдохновений и физиологических реакций. Свидетельство раздражения, следствие неустроенности жизни. Сам Розанов писал о не покидавшей его всю жизнь боли. Да и как без нее — то родных детей не дают в паспорт вписать, то вообще весь быт революция отнимает. Понял это прекрасно все же не близкий друг, но такой прозорливый барометр Блок. В письме Белому он пишет: «...Вся пружина его громадного (по-моему) творчества держится на трагедии (т.е., как всегда — борьбе, страдании и беспокойстве)».

Литература как следствие, статьи и книги — как физиологическая реакция. И освобождает, облегчает и — рубли и славу приносит. Этим объясняется и равноправное наличие профанного и священного в текстах Розанова. Как у Шершеневича:

Черпаками строчек не выкачать
Выгребную яму моей души.
Я молюсь на червонную даму игорную,
А иконы пишу на слом,
И похабную надпись узорную
Обращаю в священный псалом.

Но — недаром Флоренский сравнил Розанова с медузой, в воде разными красками переливается (а вытащишь — так и дохлый невзрачный мешок) — Розанов даже в этой парадигме остается крайне разным. Противоречивым. Самовыпеченным, но сокрытым. «Упорное стремление В.В. сознательно исказить факты собственной биографии, произвольно меняя даты и переписывая задним числом историю, говорит само за себя. Не только в этом случае, но и во многих других. Верить нельзя никому, Розанову — особенно», — пожимает плечами Варламов. Это та самая цветущая сложность, которую постулировал Леонтьев, лежащий рядом в могиле (просто холмик) на бывшем кладбище Черниговского мужского скита Троице-Сергиевой лавры.

Как тонко подметила Гиппиус, «но к Розанову льнуло и православное духовенство, несмотря на его жестокие статьи по поводу христианства и Христа... чувствовалась в нем какая-то семейная теплота². А что он “еретик” — не беда: еретик всегда может вернуться на правый путь. И он, Розанов, считался в духовном мире немножко enfant terrible, которому многое прощалось... “церковники” — прительствовали с Розановым, прощая резкие выпады по их адресу, вот почему: он, любя всякую плоть, обожал и плоть церкви, православие, самый его быт, все обряды и обычаи. Со вкусом он исполняет их, зовет в дом чудотворную икону и после молебна как-то пролезает под ней (по старому обычаю). Все делает с усердием и с умилением. За это-то усердие и “душевность” Розанова к нему и благоволили отцы. А “еретичество”... да, конечно, однако ничего: только бы постороже хранить от него себя и овец своих». Сам же Розанов отправлялся на крестный ход и сообщал во время его, что во Христа не верует³.

Противоречие? Для Розанова — нет. Варламов — кстати, в духе поливалентного Розанова — объясняет это с двух точек зрения. Первая — что он был всем. «Розанов есть Розанов, и ничего к этому ни прибавить, ни убавить, разве что попытаться его разъять, разделить на части и брать то, что каждому кажется удобным. И многие так и делают, отчего В.В. предстает в иных толкованиях православным консерватором, в других — либералом, в третьих — модернистом, в четвертых — националистом, а он был — всем этим сразу и ни от чего не собиравшись отказываться». Был очень доброжелательным, милым, домашним — и ерепенистей его не было (вспомним пассажи у Венедикта Ерофеева, про то, что нет его оголтелей, душки такой). Перед властью всегда заискивал — а после 1917 года ходил по улицам и громко просил показать ему настоящего большевика и Ленина, уж очень он интересуется. Вторая версия — что, дала бы, скажем, для каких-нибудь идеологических нужд ему новая власть сметану⁴ и дрова, он бы и ее воспел, помести его церковь в теплый приют, он бы тепло всей Церкви почувствовал. Или выделили бы евреи надел, как он в конце жизни у них просил, к ним взывал. Ожидая не новозаветного Мессии, но ветхозаветного Мешеаха. Не умаления, аскезы, бесплодия и бесплотности, в конце концов, Христа, но процветания, полноты, обилия ветхозаветного⁵. «Придет» Мешеах, — когда вообще исчезнут зародыши человеческие, сморщатся, затянутся; не станет более семени; последнее зернышко в организме пропадет. Тогда “пришедший Мешеах” обновит, освежит, восстановит утробу человеческую; как бы соделается вторым Творцом человека, — в глубокой гармонии с Первым Творцом неба и земли. Это до того сообразуется со всем Ветхим Заветом, с тем вместе это так просто и естественно, так действительно, и нужно этого ожидать: ибо что же в мире стареет?! — что разительно, каким образом этого никому не пришло на ум? Каким образом не пришло на ум библейским толкователям, что вот в чем “заключается живая причина” необходимого, неизбежного “избавителя мира”. Так это и сказано, и “обещано” уже при изгнании и первом “грехе человека”. Тогда все становится ясно: Ветхий Завет прямо переходит в Апокалипсис, как таковое “воссоздание” сил человека, с усилением еще, с обилием большим, чем даже было в Ветхом Завете: но совершенно вытесняется Евангелие, сморщивается, его не нужно более, — оно совершенно не нужно, — как морализирующая книжка, лишенная какого-либо космогонического значения, творческого, созидательного, зиждущего, “спасительного”. Именно “спасения”-то в нем и нет. Не “спасение” же это о “любви к ближнему своему”. Это просто сантимент и ничто. Все “заповеди Христа” даны на уменьшение, и ни одной — на обилие: “не надо семьи”, “дома”, “гнезда”... Христианство решительно ошибочно. Евреи правы. Это есть спокойная, а не взволнованная истина... Полею восстания против Христа делается Россия».

И в этом — не именно в этом послыше, они-то у Розанова сменялись много раз и, по сути, ничего не значили даже в конкретном случае⁶ — и есть его экзистенциальный, мыслительный прорыв. Который можно сравнить только с таковым же у Ницше. Как тот объявил христианство религией слабых, выдуманных слабыми для оправдания своей слабости, убогости и маргинальности, и вместо этого провозгласил — вернулся к языческому, античному, примордиальному? — религию сильных, веру вознесения, так и вертел ровно такими же вселенскими понятиями и Розанов. «Я — через 8 лет размышления разгадал тайну христианства, и наконец вот-вот теперь, эти 2 года — 1-й в истории цивилизации разгадал Личную Тайну Иисуса и узнал 1-й в человечестве: “кто Он” или “Кто он”... Я думаю, это прямо неизмеримо. Таким образом при посредственных способностях и всей слабости девушки; все так сложилось во мне

и вокруг меня, что нежность-то и преобразилась в “утонченнейшую ярость”, а кротость — в “храбрость курицы”, кидающейся на повара или Повара, хотящего зарезать ее цыплят. И... Курица пошатнула весь столб христианства. Я совершенно точно знаю, после моей “†” сейчас же религия начнет меняться, преобразовываться. Что христианство не выдержит, и не может выдержать “напора” робкой курицы или разъяренной девушки, и когда мне “†”, то в то же время мне победа, а “†” всему теперешнему теизму, ну а с ним и культуре» — такие пассажи легче даже представить, прочесть у сходящего с ума Ницше, Ницше на грани. И у Розанова. В этом его ультрамодернизм — за счет него он и популярен сейчас? И, конечно, интонации, что так заранее предвосхитили тренды последних лет вроде «новой искренности» и «автофикшна». Ультрамодернизм, который на поверку оказывается ультраконсерватизмом. Ибо есть возвращение к тому, что последние две тысячи лет было отвергнуто. А вот Василий Васильевич вспомнил вдруг. Как пишет Варламов по другому поводу, «едва ли это была справедливая оценка, он становился все известнее, и его позиция вырисовывалась все отчетливее. В том числе общественно-политическая, близкая к революционности, но не социалистической, не левой, а, напротив, ультраконсервативной, ультрамонархической и при этом действительно очень эмоциональной, гневной, возмущенной, уже тогда провокационной». Такая вот консервативная революция Василия Васильевича Розанова — до появления еще этого явления и термина.

Обыкновенный необыкновенный человек

Михаил ИШКОВ. Вольф Мессинг. Взгляд сквозь время. — М.: АСТ, 2023. 368 с.

Вольф (Григорьевич) Мессинг — даже не столь важно, кем он был. Умелым шарлатаном, ловчайшим авантюристом, польско-германско-советским Калиостро. Просто освоившим так называемую идеомоторику — получение сведений о ментальных процессах других людей через считывание незначительных движений мускулов, мелкой моторики. Артистом по занятиям, исследователем неизвестного по призванию, немного к оному приобщенным. Первым советским экстрасенсом, которых так много развелось во время краха советского государства. Всем по чуть-чуть, никем (притворялся) или еще кем-то. Не так уж и важно. Через его жизнь большой красной линией проходит история не только нашей страны — и хотя бы поэтому ее нужно знать.

В книге ничего особенно прорывного, кроме пары изысканий в бюро находок истории, нет. Большой же массив взят из автобиографии Мессинга (с таким тщанием, что иногда вместо «он, Мессинг» идет повествование от первого лица). Все это автор — из тех, кажется, издательских биографов, что выдает биографии то Кортеса и Валтасара, то Сен-Жермена и Теслы (послужной список автора, а еще переводы, сценарии, фэнтези). Написано весьма бодро, залихватски даже, шутки из еврейского местечка и из кабинета на Лубянке. Пусть будет. Тем более что Мессинга давно широко не вспоминали, сериал с Безруковым не снимали (хотя фильмы о нем были, как не быть, персонаж явно и после смерти на сцену и в кадр просится).

«Карьера» в виде хедера и иешивы в беднейшем местечке под Варшавой любознательного мальчика никак не привлекала — в 11 лет он сбежал и оказался в Берлине. Где, упав в голодный обморок и пролежав пару дней в анатомичке

в летаргическом сне, и получил вроде бы свои возможности. В частности — что скоро было востребовано бродячими циркачами, — вот так впасть в анабиоз и лежать в выходные в гробу (в понедельник — в школу). А еще читать мысли, находить спрятанные предметы и иногда видеть будущее. Там же, в Берлине, он общался с Эйнштейном, наставлял его сам Фрейд.

Якобы. Потому что про мемуары Мессинга уже не раз было сказано, что многое там выдумка, с тем же Эйнштейном даже пересекаться он не мог. А вот выдумка ли? Заставший две войны, проживший в Германии и СССР в самые тяжкие их годы, все время становившийся игрушкой спецслужб, — Мессинг очень хорошо освоил еще одну сверхспособность: наводить туман, прятаться за камуфляжем из легенд, вранья, нужной именно в этот момент правды.

Мне эта версия кажется даже более справедливой, чем распространенная — мемуары больше сочинил, чем записывал, приставленный к Мессингу советский журналист. Правд и версий, как видим, полный набор, флэш рояль.

Zeitgeist Германии между двумя войнами с набирающими силу гитлеровскими молодчиками и не менее brutальными в своих средствах местными «красными» передан, кстати, весьма верно: «Берлин встретил их выстрелами, Северный вокзал — грязью и валявшимися на полу обрывками газет (что вообще было невысказано для аккуратных берлинцев), улицы — редкими прохожими. Сгинули портреты “любимого кайзера”, нигде не слышно военных оркестров. Фонари стали редкостью, и с наступлением темноты улицы буквально омертвечились. Пока они добирались до гостиницы, до них изредка доносились вопли запоздавших граждан и вой одичавших собак. Ужин в гостинице оказался более чем скромный — бутерброд с сыром в ресторане стоил столько же, сколько бутылка самого дорогого шампанского, так что спать они легли на голодный желудок».

А дальше постепенно, но так неожиданно — Мессинг втягивается просто в круговорот шпионско-политических интриг. По мере того как его акции прозревателя вещей и будущего растут, он становится все популярнее. С ним встречается Гитлер, который подумывает привлечь его если не личным предсказателем, то на пользу рейха уж как-нибудь да сгодится. И тут еще одна характеристика, вполне претендующая на верность истине: «В Гитлере удивительным образом мешались вопиющая безграмотность недоучки и возвышающий фантазера полет мысли; вызывающая ограниченность немецкого бюргера и прагматическое умение внушить каждому, что нет такого вопроса, на который он не смог бы найти ответ, причем единственно правильный. Он мог заговорить любого собеседника, и чем более тот был ненавистен ему, тем неукротимее был поток обаяния, который Гитлер изливал на его голову. Как хотите, так и понимайте! Мое мнение — мнение Мессинга! — Гитлер был выдающийся мистик. Его уверенность в своей правоте поражала, восхищала, убаюкивала, заставляла признать — наверное, этот парень лучше нас с тобой знает, как добиться лучшей доли». Немецкие спецслужбы — и проходимцы вокруг них — не упускают шанса воспользоваться им. Коминтерн же хочет переправить его — как, скажем, и Зорге — на обучение и работу в Союз. В Коминтерне, кстати, а затем в НКВД, имелся свой отдел по работе, направлению паранормального на службу партии⁷ (направлялось плохо, отдел был впоследствии зачищен).

А еще и честолобивый, еще часто наивный и охочий до роскошной жизни Мессинг принимает — или не может не принять — всякие деликатные поручения по работе Шерлоком Холмсом. Найти украшения, разгадать «понаехавшее» в замок привидение...

В результате — полный экшн (снимать бы уже Голливуду) в нуаровых тонах (Берлин, «Кабаре» и «Лили Марлен»). Его арестовывают, он бежит (загипнотизировав охранников), скрывается, невесту сбивают на машине, его ловят, отпускают, спасают, он бежит.

В Польшу — где им играет уже Пилсудский, отправляет с личным письмом к Гитлеру обратно в Германию. Мессинг понимает, что обречен, и, со страхом и сомнениями, бежит в СССР, благо русским он, уроженец Российской империи, немного владел. Там начинается все прямо блестяще — бесплатная жизнь в лучшей гостинице, вполне удачная встреча со Сталиным (предсказал дату начала войны с Германией, предательство Власова, при этом смог ускользнуть как и от прямой службы, так и от опаснейшей опалы), благородные даже задания Берии (проверить одного юношу, немца, живущего в СССР, может ли он выполнить тайную миссию в Германии — Мессинг заодно спас его и выправил ему судьбу⁸).

Все это было слишком хорошо, чтобы долго быть правдой. Гнет Сталина, доносы, поиск вредителей и двурушников, военное время... Мессинга подставляют, заставляют стучать, отдавать все деньги на войну (он известен тем, что купил два самолета для фронта, и это уже никакая не выдумка), что только не... Все было довольно печально, вроде сломанной на допросе ноги, заключения и угрозы очень большого срока, если не стенки. Но больше всего это стилистически напоминает — пьесу по «Процессу» Кафки, поставленную персонажами из «Зоны» Довлатова. То есть какой-то даже смешной бред. Время, жутко чуравшееся сатиры и юмора над подобными вещами, но поневоле высмеивающее само себя. Вот первый эпизод, когда партийные функционеры Белоруссии решают, можно ли привлечь прибывшего артиста к работе, чем вообще считать его «психологические опыты» — утверждением примата социалистической науки, империалистическим обскурантизмом или, скажем, прямым наследием юродивых и прогрессивных Герцена и Белинского, что никогда не боялись рубить правду в лицо. Плюс — внутривластные интриги, последние вводные сверху, характеры и настрои самих функционеров... Воспринимается это сейчас как сюр и экстраваганза в духе «Петровых в grippe» Серебренникова. Не менее абсурдными были и более трагические эпизоды уже на допросах — одно и то же имя вышестоящего покровителя/преследователя, даже интонация при его произнесении могли означать избавление, падение или же продолжение этих самых допросов.

Мессинг, державшийся то как пассивная жертва, то как Воланд на собственном шоу, как-то вырвался. Получил даже завизированную именем Сталина индульгенцию. И дожил свою жизнь в Советском Союзе. Как «обыкновенный необыкновенный человек». Возможно, кстати, самой обычной жизни он и хотел, с той сбитой невестой, в покое, разве что в достатке и комфорте. Но в ту эпоху, когда многие теряли в лагерях и, по Агамбену, «голую жизнь», даже за самое мизерабельное существование приходилось платить крайне высоко.

Мессинг женился, выступал, овдовел. «Мессинга либо не существует, либо он шарлатан. Правда, диагнозами, которые я иной раз выдаю высокопоставленным пациентам, кандидаты, доктора и академики с членкорами пользуются охотно. Этим и спасаюсь. Меня обижают, но редко».

Василий НАЛИМОВ. Канатоходец. — СПб.; М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 484 с.

Не часто балующие переизданием действительно значимых книг, наши издатели републиковали вышедшие в 1994 году совершенно замечательные мемуары Василия Васильевича Налимова (1910—1997). Впрочем, просто мемуарами их назвать сложно — они разнообразны, как деятельность самого Налимова, ученого-математика, философа, анархиста, отчасти мистика, политзаключенного, просто очень много сделавшего как в сфере прикладной и теоретической науки, так и в сфере мысли человека. В «Канатоходец» — рассказ о жизни самого Налимова и его родителей, изложение учения основателя мистического анархизма А.Солоновича и отдельные мемуары о руководителе Налимова в МГУ А.Колмогорове и, дискретнее, о Д.Андрееве⁹, выписки из только тогда открытых для доступа материалов следственного дела Налимова, протоколы его допросов и даже своеобразная инструкция, как себя нужно держать на допросах (вот как глубоко вошел под кожу этот ужас, хотя сам Налимов был далеко не робкого и не сломленного десятка), краткое изложение идей самого Налимова в философии и очерк его пути в науке, а также действительно многое еще. Все это, конечно, отнюдь не для объема и «потому что было» — а представляет собой тот сложный синтез, к которому и стремился сам Налимов. Вырастающий из такого разного и такого сложного.

Ведь прежде всего, «мои воспоминания написаны как летопись века. Летопись, преломленная через лично пережитое». Без каких-либо претендующих на последнее слово историсофских выводов, Налимов для этого слишком умен, речь «именно о судьбинности, а не о смысле. Смысл истории для нас всегда закрыт, а судьбинность мы можем хоть как-то почувствовать, ощутить сквозь дымовую завесу разноречивости, закрывающую истоки происходящего от нас — непосредственных участников текущих событий». Тем более что и даже единого повествования тут быть не может — «да, Россия тех лет была многолика. Одним из ее ликов была часть интеллигенции, вдохновленная чуть приоткрывшейся свободой. Другим ликом были те, кто считал нужным все давить ради “светлого будущего”, в их понимании. Были и другие, но я их плохо себе представляю и потому молчу». Посему и такое название — и такая судьба: «Ураганым ветром всё размело. Остались только обломки от кораблекрушения — les epaves. А я, уцелевший в этой буре, вышел на берег... на канат. “Долг плясуна — не дрогнуть вдоль каната”¹⁰. Я все время пытался начать диалог, не откладывая и не прекращая усилий. Сейчас время изменилось, смягчилось. Можно отказать от эопова языка. Однако пропал духовный напор. Оскудела страна свободными мыслителями. Но верю, что должны появиться те, кто любит мысль как таковую».

Начинаются мемуары с рассказа об отце, матери. Они все погибли. Отца засосала репрессивная машина, мать как врача призвали, она скоро заразилась в госпитале и умерла. Собственно, так или иначе погибли почти все родственники и друзья. В первой войне, второй, в том, что было между ними... «А где друзья ранних лет моей юности? Если их или их семьи не затянула трясина репрессий, то они погибли во Второй мировой войне». «А где мои духовные учителя, чьи имена я чту и чье дело я пытаюсь продолжать в своих работах философской направленности? Я узнал только, что они были посмертно реабилитированы много раньше, чем я. Тюремные дела тоже полны парадоксов». Погибли, понимает Налимов, не только близкие и родные, малознакомые и дальние, но был выкорчеван целый слой, плодородная почва была перепахана

и заасфальтирована (как то кладбище, где была могила Н.Фёдорова, скажем мы). «В плане духовном, видимо, все погибло. Иногда мне кажется, что я только один и продолжаю в своих работах ту, начавшуюся тогда, новую для России нить философского осмысления мира с синтетических позиций, готовых впитать в себя все богатство мысли как Запада, так и Востока, не чуждаясь ни многообразия религиозных представлений, ни научных построений, ни философских изысканий».

О трагичности и невосполнимости всего этого можно говорить долго, можно траурно молчать... Отмечу другое. Про то, что все это было не просто «полно парадоксов», но из них и состояло. Вокруг — и внутри системы, главным образом — царил тот абсурд, о котором мы говорили уже в связи с жизнью Мессинга. «Соединять “топологию” с “классовым расслоением” — безусловный абсурд. Но абсурд стал реальностью нашей жизни, протекающей над пропастями безумных ситуаций и событий, которые приходится преодолевать по шатким канатам, уходящим из-под ног. Я давно чувствую себя канатоходцем, и хорошо, если, взмахивая руками, я еще слышу шум крыльев за спиной... Надо было выживать в этом огромном театре абсурда». И посему, скажем, на предприятии, способном выдавать 300 тысяч тонн руды, сначала выдавали 200 тысяч — потом наращивали, чтобы показать перевыполнение плана. Новые обстоятельства дела Налимова уже после реабилитации были известны одному из обвиненных, но не судебным инстанциям — ибо все еще лежал гриф секретности. В Бутырке часы показывали разное время, чтобы дезинформировать заключённых. На заводе на Колыме, получая зарплату как ценный сотрудник, Налимов отчислял 20% охранникам — за охрану самого себя. Заготовители семян брали семена вареных яблок, из варенья. И так далее, и тому подобное, примеров — уйма.

Но, конечно, потеря родителей, всей семьи была даже при осознании всего этого никак не менее мучительной. Матери не хватало всю жизнь — ее чуть заменяла жена учителя Солоновича. Отец, настоящий *self-made man*, коми из дальних краев, возвысившийся, несмотря на свое происхождение и непримиримый принципиальный характер¹¹, до академических высот. Он, этнограф, много очень писал о своей родной земле. И это, даже в отрывках и пересказах, упоительное чтение. Как, например, зыряне на коленях просили прощения у домашних животных, если чем-то их до этого обидели. Деталь, кстати, не просто красивая, но важная, ибо укладывается в то представление о едином мироздании и синтетическом подходе к нему, которые и провозглашал Налимов¹².

Карьеру же отцу Налимова было сделать тем сложнее, что, отмечает автор, сильны были межклассовые перегородки. «Сдача экзамена за полный курс классической гимназии — это не только возможность поступить в университет, но и возможность приобщения к культуре русской интеллигенции, эзотеризм которой охранялся трудностью получения классического образования; одновременно это и переход в другое сословие. Таким образом, гимназия оказывалась и барьером, разграничивающим сословия, — барьером надежным, практически почти непреодолимым для выходцев из других слоев, хотя дорога и не была абсолютно перекрыта. Россия всегда была сословно структурированной страной, остается она ею и в наши дни. Раньше фельдшер не мог быть приглашенным в гости к врачу, пусть даже они вместе стояли за одним операционным столом — вместе несли ответственность. Так же, как, впрочем, сейчас уборщица не может быть приглашена в гости к профессору». Затем, кстати, эти классовые преграды поменялись в другую сторону — если до революции в университет могли поступить только окончившие классическую гимназию, то после

революции, наоборот, вход им был закрыт, учиться могли только рабочие и прочие классово благонадежные...

Подобные исторические зарисовки — еще одна прелесть и ценность этой книги. Как жили купцы в торговом Нижнем Новгороде, где служил учителем его отец. Как, например, послереволюционные активисты пытались отменить в высших учебных заведениях орфографию, наследие царских времен. Чего стоят только тюремные зарисовки из Бутырки, когда там отчасти еще, как особо подчеркивает Налимов, сохранился благородный дух революционных сидельцев. А уж его годы заключения на приисках и, когда воспользовались-таки его научными и практическими знаниями, на производстве Магадана — это местами не уступает Шаламову, равно ему, ведь един был у них и опыт... Чтобы не приводить цитаты об ужасах умирающих от недоедания и непосильных норм работы «доходяг» (вот он, термин для «голоной жизни», задолго до Агамбена, наш, увы, копирайт на него) или же о бесчинствах «блатных», поставленных, попущенных руководством лагеря для своеобразного надзора и, термин уже нынешний, более чем своеобразного прессования «политических», — о том гармоничном, что обнаружил Василий Налимов в этих иногда буквально людоедских условиях. Природе: «Вот вдруг и кладбище лесное — засохшие высокие лиственницы серебристо-серой окраски с сучьями, как с распростертыми руками. Они не падают, не гниют — так и стоят, как мертвые стражи здешних мест. А если пурга, то на несколько дней. Заметает все дороги, сбивает с ног идущих, вот где “на ногах не стоит человек”. Сила удивительная — мощь океанского шторма. Соседнее Охотское море — море, открытое всем ветрам океана, почему-то названного Великим, или Тихим. Где же его тишина? А ранней весной снег блестит отраженным солнечным светом с ослепительной яркостью. Без защитных очков достаточно одного дня, чтобы ослепнуть навсегда. Днем можно загорать без рубашки, а чуть стемнеет — температура падает до -30 °С и ниже. Я любил ходить зимой лесными тропами. Отдаешься целиком природе. Сначала сквозь созерцание ее вспоминаешь прошлое — радостное, навсегда ушедшее; потом вспыхивают мечты о будущем, а затем переходишь в состояние радостного безразличия — слияния со свободной природой. Забывается прошлое, теряется будущее, остается замедленное дыхание природы, смена ее красок. Ты погружен в нее. И только». Очерки же научной жизни то в ссылке, то в МГУ — это тоже лес, только дантовский такой, политических, идеологических и человеческих чудений арабески.

Но мы ведь помним, что «Канатоходец» — совсем не только мемуары. Имплицитно или явно здесь даны и взгляды Василия Налимова. И не только его, а и близкие ему, например, наставника и одного из основателей движения мистического анархизма Солоновича¹³. Так, ученому Налимову явно импонирует такой «антисциетизм»: «Раньше, чем объяснить, наука должна убить — ясно, что и ее выводы мертвы. Они годны для овладения природой, для накопления ее, для власти над ней, но не для того, чтобы жить с природой, понимая под природой и самого человека». Или же такой вот, совершенно в традиции «Розы Мира» (витало это тогда в ноосфере, почему было общим для многих? — очень интересная, но другая сейчас тема), пассаж, видение иерархии миров: «Конечно, есть и еще более высокие миры — они идут в бесконечную высь — это миры духов различных категорий и степеней совершенства...»

Подобное видение мира — глубоко созвучно представлению Налимова. Как и «Несвоевременные размышления» Ницше, они направлены «против духа современности и тем самым на современность», «в пользу грядущего времени». Например, в связи со взглядами еще своего отца¹⁴ он отмечает: «Углубляя эту тему, можно сказать, что устремленность к беспредельному господству над природой

привела к технизации культуры во всех ее проявлениях — возникло, говоря словами Хайдеггера, новое "мироустройство". И нам сейчас становится ясно, что в этом новом мироустройстве человек потерял самого себя, утратил связь с глубинными — внелогическими уровнями сознания, порождающими смысл жизни в их связи с природой, а через нее и с вселенским началом жизни. Утрата смыслов породила отчужденность человека от нового образа жизни. Отсюда многие негативные явления, охватившие современный цивилизованный мир. Отсюда и отчетливо оформившийся сейчас, особенно в США, поиск будущего через возврат к прошлому в новом его осмыслении. Широкий общественный интерес к дохристианским религиям — не только к таким философски утонченным, как буддизм, но и к народным, включая шаманизм¹⁵; обращение к медитации как средству духовного оздоровления; обострение интереса к изучению и даже управлению сновидениями, научный интерес к психоделикам как к средству изменения состояния сознания. Новый ренессанс».

До нового ренессанса, как мы знаем, совсем не дошло, скорее до нового и — еще один нынешний мем — «страдающего Средневековья»¹⁶. Но Налимов, нужно отметить, давно еще осознавал и писал о необходимости альтернативы нашему рациональному и, следовательно, ограниченному мышлению. Ограниченность и зашоренность же по определению обречены, ибо они дают доступ лишь к очень узкой прослойке смыслов бытия — единого бытия, сложного, но гармоничного (синтетического, в налимовской терминологии): «В наши дни стало принятым обращаться к представлению о планетарном сознании. Открылась возможность говорить о Земле как об одухотворенном живом существе. В нашем мировоззренческом лексиконе опять зазвучало слово Гея — греческое имя животворящей богини Земли. Можно думать, что наша мысль созреет и до того, чтобы вернуться к видению Универсума как некоего образования, наделенного какой-то особой формой сознания. И тогда, наверное, не покажется странным и древнее представление о том, что человек в своей космической протяженности может странствовать не только в веках, но и в мирах Универсума. Здесь мы ограничимся кратким обсуждением природы планетарного сознания. Оно не может нами мыслиться таким же, как сознание человека. Оно не открыто миру так, как открыто ему сознание человека. Оно не создает тексты. Оно существует как некая непроявленная потенциальность. Планетарное сознание не командует. Человек остается открытым всему многообразию созревших возможностей. За человеком остается свобода выбора, свобода творчества. Человек действует спонтанно, пристально вслушиваясь в то, что созревает в планетарном сознании». И тут можно, если настойчиво и въедливо копать, найти отсылки к очень многим мыслителям, от русских космистов до Теренса Маккенны¹⁷. Но надо ли? Мы имеем дело не с искусственным эклектизмом, а со свободным движением мысли, откликающейся на настойчиво присутствующие в ноосфере, то есть в планетарной и совершенно обычной, сигналы. Сигналы SOS¹⁸.

Тем более что инкорпорировать чужие идеи, даже публиковать их, делать всеобщим достоянием — вещь всегда тонкая и деликатная. Как пишет Налимов по несколько другому поводу, «эзотеризм лишь слегка приоткрыт — без вульгаризации, с которой так часто приходится встречаться». Однако речь совсем не об элитаризме и прочем снобизме: «Не нужно думать, что эзотеризм — это нарушение демократии. Наука также по-своему эзотерична — никто не может без специальной подготовки постигнуть содержание серьезных книг по математике или теоретической физике. Популяризация науки только вульгаризирует ее. То же относится к искусству. Хорошо поставленное обучение в университете — это тоже своего рода посвящение:

профессор передает своим ученикам нечто большее, чем есть в учебниках. Он создает интеллектуальную атмосферу, в которой обучается студент». Подобную атмосферу создает эта книга, более чем.

*«Я, должно быть, должна поверить,
что мне 90 лет...»*

Анастасия ЦВЕТАЕВА. Букет полевых цветов / Сборник очерков, откликов, статей, эссе, рецензий. — М.: Серебряные нити, 2023. 480 с.

Варламов в своей биографии Розанова отмечает моменты общения Анастасии Цветаевой с Розановым. «Я чувствую в 19 лет так же глубоко, как Вы чувствуете в 60», — описывала Цветаева в письме свое восхищение от «Уединённого». Затем они переписывались, несколько раз встречались (она это фиксировала, записывала), Розанов даже «заочно» крестил сына Цветаевой Алексея. Через годы, впрочем, писала Горькому, что не терпит Розанова «за одержимость полом, за дикости о евреях... Розанов путался в отношении к евреям, а я таинственно и с тоскою за судьбу их, сплошным восхищением люблю» (в мемуарах и добавляла, что «стыдила его за безобразную книгу о деле Бейлиса»).

Пересказываю эти сюжеты я не (только) для того, чтобы перекинуть связи между персонажами и книгами. Они и так все связаны — тот хорошо известный случай, когда интеллектуальное бурление обширно, а центр его, прослойка — узкий каст хорошо знакомых друг с другом людей. Нет, дело в том, что все это достаточно символично, хорошо передает содержание книги. «Букет полевых цветов», который в плане мемуарных свидетельств можно рассматривать как дополнение, пандан к ее же «Воспоминаниям», не только весьма дискретен и пёстр — закономерное дело для «диких» цветов, чай не икебана, — но и, да, субъективен, страстен даже.

Содержание — воистину пёстрая лента. Кроме собственно воспоминаний — об отце (пал жертвой клеветы, интриг тогдашнего министра — немного напоминает бюрократические перипетии Налимова), матери (здесь Анастасия Ивановна дискутирует уже с Мариной, с ее «Мать и музыка», где несправедливо про мать, про ее усилия отвратить Марину от литературы и обратить к музыке), о самой Марине, разумеется (и кроме собственно мемуаров, о таком, например, дотоле незатронутом, как Марина и ее жилье, выбор его, тут опять же дискуссия, восстановление правды — в частности, про ошибки, неверные оценки и акценты в биографии Саакянц). И о себе, конечно, хотя далеко не в первую очередь. Как была арестована в первый раз, во второй. Об этих арестах — практически ни слова. Не только потому, что о той же ссылке в Сибирь в книге «Моя Сибирь», а просто потому, что здесь действительно потрясающий тон, подход — особенно у мемуаристов, особенно сейчас, когда каждый блогер каждую тень своих ощущений за завтраком и сам завтрак запечатлеть для человечества считает нужным: о других, понять и простить, о себе если, то повиниться в каких-то не до конца выдержанных тогда реакциях...

Это воспоминания — о том, что прошло, так далеко, так невозвратно. «Я, должно быть, должна поверить, что мне 90 лет...» И даже больше. И что она единственная, кто еще жив, еще помнит. О том, что было утрачено так давно: «Увы, я в Тарусу в следующий раз попала в 1937 году. Добротворской уже не было в Тарусе, меня

с 25-летним сыном арестовали и увезли на Дальний Восток, в лагерь, на 10 лет. И я не знаю, где Тётина могила. Кто помнит ее теперь? Кто завладел имуществом Тёти и дедушки? К кому попал чудный дедушкин рояль, шкафы с иностранными книгами. У кого висит портрет дедушки, в рост, углём, где, как живое, его лицо? И где часы, вывезенные им из Вены, под которыми раскрывались створки волшебного шкафа, и коробки с крышками, в которых крылись знаменитые мелодии классика и нам, в конце Марининой юности, звучали вальсы Шуберта. В 1941 году немцы в Тарусе похозайничали, сожгли липовую Тётину аллею. Тот Тётин, со швейцарским укладом, дом, мне бесплодно завещанный, стал сном...»

Из сна забвения она извлекает — благо на память почти не жалуется! — очень и очень многие темы. Диалог с Волошиным, оценку книг Флоренского, ещё и ещё рассказы о Марине, поездку к Горькому на Капри, такие же большие, очень любящие воспоминания о Пастернаке, поменьше — о Бердяеве. И ко всему этому самые разнообразные рецензии — на книги Рюрика Ивнева, о знакомых художницах, целый блог рецензий о книгах об ученых-ботаниках...

При этом какие-то темы заметок у Анастасии Цветаевой выглядели бы остроактуальными в современной хоть прессе, хоть блогосфере (различий тут чем дальше, тем меньше). Она пишет об уродующей Сергиев Посад современной застройке и, весьма сочувственно для религиозного, воцерковленного человека, о вопросе гейства. Или об экологическом в широком смысле слова — о том, например, что у животных есть душа: «Да, животные безгрешны. Грех, так знакомый человеку, животным — неведом. И животные, как и ангелы. Жалеют нас за эту великую разницу. А о том, как человек обращается с животными, — лучше не говорить. И нет слов». О милости к животным, их равенстве с людьми, если не превосходстве, пишет много в последние годы наш замечательный философ Татьяна Горичева.

При всей этой дискретности можно, впрочем, проследить и историю духовного развития самой Анастасии Цветаевой. Ницше и Ибсен в юности. И чуть ли не заигрывания с нигилистическим и сатанинским, как у Владимира Соловьёва, отчасти Розанова и у довольно немалого количества деятелей Серебряного века. Здесь полностью явлен мотив богооставленности: «И я открыла тетрадь и стала писать о том, что нас создали и забыли, и в звучании строк было столько же гордости, сколько и отчаяния, но отчаяния своего я не понимала, а только гнулась под гнетом мирового “нет”. ...И, купаясь в мировом, космическом “нет”, я сознавала свое королевское одиночество¹⁹, и я назвала тетрадь свою “Королевские размышления”».

Отсюда и духовные поиски. Теософия со столь любимым Белым (хотя потом и последовал разрыв) Штейнером, на периферии — анархисты. А Марина — «она в 10 лет выглядела рослым подростком — стала жарко проповедовать безбожие». И увлеклась революционными идеями и литературой, за что и была изгнана из гимназии. Скоро это у нее прошло.

Анастасия же прошла через участие в настоящем тайном мистическом обществе — за что и поплатилась первым арестом. Как Даниил Андреев, как Налимов — мели всех, кто просто один раз слушал, заходил, переписывался с участником. Было ли это общество действительно таким уж тайным и обществом? Скорее, кружком, чем-то вроде масонского собрания-салона. Встречались, обсуждали. Хотя формально группа, называвшаяся *Lux Astralis*, и считала себя орденом розенкрейцеров²⁰, «доктрина этого Ордена была близка к христианской православной Церкви». Впрочем, все тайные общества грешат этим — много эклектики, мало конкретики²¹. Но у тех же тамплиеров, которых упоминает Налимов и о которых

пишет в работе А.Никитин, с тамплиерами настоящими есть одно существенное сходство — и тех, и этих покарала жесточайшим способом, практически уничтожила государственная машина.

Однако, как говорит Цветаевой Максимилиан Волошин в «Разговоре с М.А.Волошиным», «этот бунт может быть ближе к богу, чем вера. Не забывай, что пути к богу различны. Ты помнишь слова Христа о том, что в царствии небесном больше радуются обращенному грешнику, чем девятю девяти праведникам...» (вспомним, кстати или некстати, умирание Розанова с несколькими причастиями...). И, довольно скоро фиксирует Анастасия Цветаева, апостасийность оставляет ее: «...Туман рассеивался. И тихий свет Православия высветился в душе...»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Напоминание о том, что Розанов был не только эссеистом, но и, на раннем этапе своего творчества, философом, мне в последний раз встретилось: *Иванова Е.* Ключ к розановской «Россиаде». Издание В.В.Розанова: методы и подходы // Новый мир. 2023. № 4. С. 206.

² Тут есть и другой аспект, выраженный Брюсовым — «и Господа, и дьявола равно прославлю я». Все это вполне вписывалось в экспериментаторский, на грани трансгрессии и фола, характер эстетических — да и жизнестроительных — поисков Серебряного века.

³ При этом в Бога Отца — ветхозаветного, еврейского — верил. Имея с сакралитетом очень личные отношения, как у Экхарта, у мистиков вообще.

⁴ Можно вспомнить из Александра Гинякова:

Не нужны ни солнце, ни птицы,
 Ни правда, ни совесть, ни честь,
 Ни прелесть весны и столицы —
 А только б дорваться — поесть.
 Кусок ароматного хлеба,
 Тарелка наваристых шей
 Прекрасней лазурного неба,
 Дороже великих идей.

С Розановым Гинякова, «Смердякова русской поэзии», сближал не только факт личного знакомства и любезной переписки, но и сходные обвинения — оба печатались как в «черносотенных», так и в «прогрессистских» изданиях и муки совести по этому поводу испытывать отказывались.

⁵ Уместно вспомнить такую характеристику воззрений Розанова от А.Введенского как полопантеизм (эротический пантеизм).

⁶ Здесь уместно, кажется, вспомнить из Ницше: «Мы должны стать предателями, совершать измены, покидать свои идеалы» / «Этот мыслитель не нуждается ни в ком, кто бы опровергал его; он сам удовлетворяет себя в этом отношении!» А также из Лу Саломе: «И подлинным результатом нашего созерцания феноменального творчества Ницше будет не то, что нам откроется сущность нового мирозерцания, а то, что мы увидим картину человеческой души, совмещающей в себе величие и болезненность. Философское значение исканий Ницше открывает свою глубину тем, кто замечает, что изменение воззрений отражается всякий раз на всем существе Ницше. Изменяются не только внешние очертания теорий, но и все настроение, окружающая атмосфера и все освещение. В то время как мы следим

за сменой одних мыслей другими, мы видим низвержение целых миров и воздвижение новых». (Саломе Л. Ницшеанка // Эротика / Пер. с нем. Л.Гармаш. — М.: Рипол классик, 2022. С. 243.)

⁷ В книге достойная характеристика подобных импликаций мистических дел: «...Масонство и подобные ему тайные организации, тем более всякого рода замешанные на оккультных дрожжах политические заговоры (например “жидомасонские”, “коммунистические” или “империалистические” вкуче со всякого цвета «демократическими»), имеют самое приблизительное отношение к тайнам человеческой психики. Это, скорее, спекулятивный и корыстный ответ на естественную потребность человека в тайне».

⁸ Этот сюжет отдельно увлек М.Ишкова — см. его книгу «Супердвое. Версия Шееля» (М.: Вече. 2012).

⁹ Даниил Андреев, наш величайший вестник, очень близок Налимову. Они были хорошо знакомы (Налимов называет Андреева Даней), дружили семьями, первой жене Налимова Андреев посвятил свой пропавший в подвалах Лубянки роковой роман «Странники ночи». Налимову оказывается близок как визионерский и мыслительный опыт Андреева, так и его биография сидельца — именно «Странники» послужили поводом для дела о целом кружке, гребли всех, кому Андреев читал свою рукопись, и буквально чудом это еще тогда не задело Налимова. Едва ли не главное, что максимально сближает этих двух действительно выдающихся, в том числе оригинальностью своей мысли, людей, это то, что, для Налимова, «Даниил Андреев, поэт и писатель, пройдя суровые испытания допросами и годами политизолятора, попытался, говоря словами Г.С.Померанца, отобразить художественно современную мифологию зла». Не потому ли, что книга Налимова во многом о том же самом, в ней так много Андреева — будь то эпитафии и цитаты из его поэм или же разбор выступления Налимова на андреевской конференции.

¹⁰ В связи с балансирующим походом над бездной истории вспоминается не только ярмарочный канатоходец из «Заратустры» Ницше, но и призыв из песни С.Калугина «Прыгай в огонь». В огне, падении и снова подъемах прошла значительная часть жизни Василия Налимова.

¹¹ Ко всему прочему, как и тот же Мессинг, Налимов-старший сторонился всех идеологических «измов»: «Да, отец был островитянином. Его политическая программа (может быть, никогда отчетливо и не осознававшаяся им) состояла в том, чтобы сохранять свое право и право других на островное существование в бушующем море жизни. Право оставаться самим собой, право высказывать свое мнение, не навязывая его другим через власть и насилие. Любая партия в этом смысле ему представлялась неприемлемой. В любой из них он видел прежде всего стремление к самоутверждению, к самовозвышению над обществом. Марксизм ему был чужд еще и потому, что он как этнограф-практик, знающий народ не книжно, а непосредственно, не мог признать представление о приоритете классовой борьбы в развитии общества, в раскрытии личности».

¹² Конечно, не только он один. Можно вспомнить и Розанова с его поисками, жаждой религиозного синтетизма, обращением к язычеству, к идее семени-дерева, его работу «О понимании» (единство в контексте антики). Да и многих в начале того века.

¹³ Налимов сам отмечает, что мысль Солоневича была скорее «естественной», хотя бы в силу того, что с работами многих философов он был незнаком. Но как же она иногда поэтична! «Совершенно подобно облакам на небе и их игре — играют и пляшут свой танец атомы... То соединяясь, то разъединяясь, как облака, они образуют то одну, то другую конфигурацию... Но никакой ценности и никакого критерия сравнения нельзя применить к этим конфигурациям...»

¹⁴ Тот, не будучи и атеистом, и даже партийным, выступал против «узости Православия с его нетерпимостью к инакомыслию». Сам же Налимов обращает внимание на то, как самая прекрасная мысль прозрит стать подавляющей идеологической схемой, веригами на свободном

духе: «Как легко любая серьезная мысль, любое движение обращается в идеологию! Может быть, это самая главная опасность в развитии культуры. Чем сложнее, насыщеннее становится культура, тем больше опасность ее идеологизации. Это надо помнить. Это обычно хорошо понимает молодежь. Она часто бездумно начинает протестовать против самой культуры, создававшейся отцами и матерями». Именно для борьбы как с марксизмом, так и прочими идеологиями и задумывался мистический анархизм: «...Борьба с догматизмом в религии, философии, морали и политике — вот лозунг мистического анархизма».

¹⁵ О шаманизме и психоделии, которым был посвящен предыдущий выпуск моей рубрики («Дружба народов», март, 2023), в «Канатоходце» неожиданно изрядно. В частности, он предлагает исследовать зырянский шаманизм через образ Дона Хуана у Кастанеды и опыт того региона — действительно, книги о шаманизме наших северных народностей и о мезоамериканских шаманах соположились, как мне кажется, в той подборке весьма ладным образом, так много оказалось у них общего... Впрочем, так ли неожиданно возникает тема магов и целителей у Налимова, если дед его был северным магом, отец тоже владел, сохранил какие-то способности. И пытался использовать эти практики для внушения на допросах — ровно как пишет (слегка выдумывает?) Мессинг, что выходил от немцев из камеры просто так, а на Лубянке нет, такое не прошло, но программировал свидетелей, те на допросах не выступали против него, внушал совершенно воландовские видения и следователям (что, например, его пытали и завязали узлом руку). Видит, как и Мессинг, Налимов злую магию «на самом верху», у власть предержащих: «Власть, особенно деспотичная, всегда магична. Она основана на готовности быть бездумно принятой многими во имя какой-то идеи. Разве не оказались в роли мрачных магов наших дней Муссолини, Гитлер, Сталин, Мао? Теперь мы ищем логику — хотим найти цепочку причинно-следственных связей там, где действовала магия. Революция в нашей стране разрушила не очень прочно державшиеся наслоения слегка европеизированной культуры и вернула народ в исходное, архаическое состояние сознания, и естественно, что появился вождь — верховный маг. Магия и сейчас не ушла из нашей жизни — она только притаилась под покровом навеянного наукой позитивизма». Впрочем, тут Налимов, Мессинг и Даниил Андреев (с его представлениями об уицраогах, демонических воплощениях государственности) далеко не одни, надо полагать...

¹⁶ Изначально — сообщество в Рунете, ныне — целая издательская серия книг.

¹⁷ Опять же персонаж предыдущего выпуска рубрики.

¹⁸ «Ныне, не забыв еще старых распрей, мы быстро приближаемся к новой — теперь уже не национальной, а планетарной катастрофе. Кто ее готовит? Наверное, все те, кто, будучи погруженным в повседневность своих забот, не ощущает ответственности за происходящее, не проявляет Заботы». Догадывался в те годы Налимов, в частности, и о том, что свободный рынок с его корпорациями далеко не так свободен, как это декларируется, что США ждут социальные катаклизмы (насилие на улицах то по поводу BLM, то по поводу неизбрания Трампа мы могли наблюдать совсем недавно).

¹⁹ Вряд ли об этом знал швейцарский писатель Кристиан Крахт, эстет, декадент (в те годы точно), создавший манифест, литературное объединение и книгу под названием *Tristesse Royale* — «Королевская грусть».

²⁰ См. у Налимова: «Судя по отрывочным данным, мистический анархизм в 20-е годы (за короткий промежуток времени) получил весьма широкое распространение среди творческой интеллигенции — ученых, преподавателей вузов, художников, театральных работников из разных городов страны. Были контакты и с неконфессиональными духовными течениями. Где-то на Кавказе — контакты с сектантством. Была сделана даже попытка войти в соприкосновение с юношеством (скауты). Регулярно читались лекции на мировоззренческие темы в небольшой подвальной аудитории Музея Кропоткина; собиралось там, кажется, человек 70 или даже 100.

По-видимому, точных данных о широте движения мы никогда не получим, даже если полностью откроются архивы, так как ради конспирации использовались различные наименования движения: Братство Параклета, Орден Духа, Орден Света, Орден Тамплиеров и кто знает, какие еще».

²¹Об интереснейшей проблеме тайных обществ в это советское время см., например, книгу А.Никитина «Орден российских тамплиеров. Документы 1922—1930 гг.» (2003). Еще более интересную тему участия в этих кружках писателей явно даже не начинали исследовать — художественные мысли вокруг фигуры Д.Андреева периода его «Странников ночи» в романе Д.Быкова (внесен в РФ в список иноагентов. — *Прим. ред.*) «Остромов, или Ученик чародея» не в счет.

Евгений Абдуллаев

Возвращение детектива

Слухи о смерти детективного жанра оказались несколько преувеличены.

Еще пару лет назад Галина Юзефович жаловалась, что хороших детективов попадаете все меньше, и Анастасия Завозова с ней с готовностью соглашалась¹.

Речь, правда, шла о зарубежных детективах.

Но и на российских нивах дело обстояло вроде бы не лучше. После фандоринской серии, события начала нулевых, ничего нового-заметного не наблюдалось, да и та в десятые выдохлась. Русский детектив, почти доросший в первых книгах об Эрасте Петровиче до уровня большой прозы, снова ушел в свою первоизданную стихию — в массовую литературу².

И все же какое-то оживление в поле детектива наматилось. Пока в массовой литературе; о ней я худо-бедно мог судить, работая ридером в премии «Электронная буква». На фоне бесконечных фэнтези, с попаданцами и без оных, и романов про любовофф — детективы, особенно из современной российской жизни, сразу обращали на себя внимание.

В 2020 году конкурсный поток принес добротное написанное «Бремя версий» Александра Муромцева, о расследовании двух убийств в Калашино. В 2021-м — «Коготь безумия» Зои Вальц: убийство в этрусской гробнице, раскопанной на территории старой подмосковной усадьбы. Оба романа написаны крепко по стилю; плюс хорошее, явно профессионально-инсайдерское, знание материала.

Оживление интереса к детективу происходит, насколько можно судить, и в западной mass culture. В литературе, в кинематографе. «В конце 2010-х годов жанр детектива с загадочными убийствами в американском кинематографе переживает возвращение»³. Не случайно, возможно, и Джоан Роулинг, одна из лидеров масслита, завершив эпос о Гарри Поттере, перешла на писание детективов.

Вообще, наиболее важные повороты в сегменте «серьезной» литературы провоцируются именно изменениями, которые происходят в массовой⁴.

¹ Подкаст «Книжный базар». 2 декабря 2020 (<https://www.litres.ru/podcast/raznoe-17990223/glava-v-kotoryu-detektiv-umiraet-pisateli-kopiruut-suzhety-64423975/>).

² Что-то, конечно, продолжалось. Романы Николая Свечина о сыщике Алексее Лыкове, своего рода «младшем брате» Фандорина. Или другая примечательная ретро-детективная серия, о Натане Горлисе, начатая пару лет назад Олегом Кудриным.

³ *Manson R. The Renaissance of Murder Mystery Films // The Talon. November 15, 2022* (<https://lahstalon.org/the-renaissance-of-murder-mystery-films/>).

⁴ Граница между детективом массовым и немассовым проходит, собственно, там же, где и граница между массовой и немассовой литературой. Глубина психологической разработки и стиль. В «массовом» детективе ни то, ни другое не требуется. «Стиль в детективе столь же неуместен, как в кроссворде» (*Ван Дайн*). Как и, добавлю, ныряние в глубины психологии. Не нужно.

То, что «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» были написаны по детективной канве, во многом объясняется лавиной переводных детективов, наводнивших российские книжные лавки в 1860—1870-е.

Массовая литература теснее связана с рынком, гибче реагирует на читательские запросы. «Серьезная» литература реагирует на них уже опосредованно, как на вызовы со стороны массовой. С которой она вынуждена конкурировать за читателя — в том числе, и за читателя детективов. Им вполне может быть и высоколбый интеллектуал.

И вот, в течение года сразу три автора, работающие — выделю — в «серьезной» литературе, выпустили по детективному роману.

Вячеслав Курицын, Ислам Ханипаев и, совсем недавно, Шамиль Идиатуллин¹.

Авторы разные. И стилистически, и поколенчески. И с очень разной творческой траекторией. Курицын в литературе уже более тридцати лет, более известен как критик. Ханипаев заметно дебютировал всего пару лет назад. Идиатуллин начинал в середине нулевых, но известность получил в конце 2010-х.

Курицын идет от литературной критики и эссеистики, именно постмодернистской, со всеми ее изысками и интертекстуальными забавами. Идиатуллин — от журналистики; собственно, его проза — такой очень качественный ее апгрейд. Ханипаев — от киносценаристики.

Эта авторская генеалогия заметна и в самих детективах.

«У метро, у “Сокола”» Курицына — начиная с названия (строки из известного стихотворения Холина) — лабиринт литературных и прочих аллюзий. Угадывать их первоисточники не менее занято, чем следить за поиском преступника.

1975 год, в районе метро «Сокол» и «Аэропорт» одна за другой гибнут старухи. Капитан Покровский (привет майору Знаменскому) выясняет, что целью убийцы было похищение древнего образа, шедевра иконописи. Но образ оказывается копией; оригинал выкраден, и с ним пытаются бежать на Запад... Это уже переключка с «Возвращением “Святого Луки”» из кинотрилогии 70-х о полковнике Зорине.

Любовно воссозданы и приметы 70-х: мебель, пепельницы, настенные календари... «Иногда упоминаемые детали советского быта выглядят даже слишком нарочитыми, — пишет Иван Козлов на “Горьком”, — как будто автор прищипливает свой выдуманный сюжет к реальности такими специальными гвоздиками, чтоб не отвалилось»².

Для чего Курицыну понадобились эти «старые песни о главном», да еще и в милицейско-детективном исполнении?

Вероятно, доказать, что может написать и детектив (может); погрузиться самому и погрузить читателя во времена своего детства (погрузился и погрузил). Продемонстрировать стилистическую виртуозность, поиграть аллюзиями. Получилось интересно. Но литературного события, на мой взгляд, все-таки не произошло. Ничего неожиданного во времени и месте действия, ничего парадоксального в преступлении...

«Холодные глаза» Ислама Ханипаева в этом плане любопытнее — хотя бы в силу топоса. Арсен, начинающий журналист из Махачкалы, случайно оказывается в горном селе, где произошло кровавое убийство целой семьи. Он втянут в процесс расследования, но оно то и дело тормозится. То вышестоящим начальством, то какими-то влиятельными людьми, то самими жителями аула. В итоге Арсену удастся установить, кто был убийцей, но это ни к чему не приводит.

Как говаривал на лекциях один из первых советских исследователей поэтики детектива, Абрам Вулис, «детективный жанр возможен только там, где уважают

¹ Курицын В. У метро, у «Сокола». — М.: Лайвбук, 2022; Ханипаев И. Холодные глаза. — М.: Альпина нон-фикшн, 2022; Идиатуллин Ш. До февраля. — М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023.

² «Общество почетных геронтоведов». Иван Козлов о книге Вячеслава Курицына «У метро, у “Сокола”» // Сайт «Горький». 22 июля 2022 г. (<https://gorky.media/reviews/obshhestvo-pochetnyh-gerontovedov/>).

закон». В дагестанском селе законы, разумеется, уважают, но только иные... Происходит наложение детективного сюжета на традиционную патриархальную ментальность, современности — на закрытый и консервативный социум. Это создает главный конфликт романа и делает его интересным даже больше, чем повороты самого детективного сюжета.

Можно, конечно, вспомнить «Бригадира Кязыма» Фазиля Искандера (1981), где расследование тоже ведется в горном кавказском селе (только абхазском) и в послевоенное время. Но преступление там не такое страшное, и расследование короче, и подсвечено мягким юмором и буколическими картинками природы и сельского быта.

У Ханипаева в романе юмор отсутствует, как, впрочем, и описание повседневной жизни горного села. Арсен, чьими глазами мы видим это село, здесь чужак, горожанин, почти иностранец. Описания природы — скупы и несколько шаблонны: «высоченные горы», «мрачные горы»... Природа, быт — всего лишь торопливо набросанные декорации. Основной упор — на психологические коллизии, в которых приходится разобраться герою, расследуя — не один год — это преступление...

И last but not least, «До февраля» Шамиля Идиатуллина.

Начало нулевых, в Сарасовске (придуманном Идиатуллинском городе, который присутствовал еще в его «Бывшей Ленина») происходит несколько убийств. Гибнут старики: да, почти как и у Курицына, только обоего пола. Убийца, как позже выясняется, выполнял заказ одного из местных олигархов, «очищавших» дома от жителей для сноса и возведения элитного комплекса... Через пятнадцать лет в архиве местного толстого журнала «Пламя» обнаруживается рукопись, в которой описываются эти убийства. Рукопись графоманская, название неудачное. Но автором ее оказывается тот самый нераскрытый убийца. Новое расследование, новые жертвы...

Идиатуллин пробует разные жанры. Недавно была фантастика («Всё как у людей», 2021), теперь — детектив-триллер. Роман написан лихо, держит, как и положено триллеру, в напряжении. Крепкая драматургия, живые диалоги. Хотелось бы, правда, чего-то большего. Второй, социальный, план — обычно густой у Идиатуллина — здесь несколько банален. Бесчеловечный мир бизнеса, анемичная местная власть, угасающий очаг культуры в виде местного литжурнала... Не густо. Сам убийца, социопат по кличке Змей, вышел вообще психологически блеклым. Ощущение, что не столько автор использовал жанр, сколько жанр слегка подмял под себя автора¹.

Правда, под конец романа заметна попытка как-то увязать его с событиями последнего «специального» года. И небольшой диалог о сходстве между желанием убивать и желанием начать войну. И само название, «До февраля». Выглядит это немного искусственным. Мир Сарасовска не пронизан предчувствием войны (в отличие, скажем, от «Завтра была война» Васильева, где им наполнено всё). В нем присутствует зло, но зло местное, доморощенное, не связанное с «большим» миром, где сталкиваются цивилизации и делятся сферы влияния.

И все же — и «До февраля», и два других романа, о которых шла речь, — детективы нерядовые.

Это опыт написания детектива *изнутри* серьезной литературы. Насколько он удался, уже другой вопрос. Можно, конечно, порассуждать в духе Агафьи Тихоновны: если бы стиль и мастерски описанные бытовые детали из романа Курицына соединить

¹ Сам Идиатуллин считает, что «До февраля» все-таки не совсем детектив: «Классический канон требует, чтобы читатель от первой до последней страницы не знал, кто убийца. А здесь убийца появляется уже в прологе». (Как выжить героям триллера «До февраля» [Интервью Д.Ефремовой] // «Труд», 14 апреля 2023 г. https://www.trud.ru/article/14-04-2023/1489211_kak_vuzhit_gerojam_trillera_do_fevralja.html). Это как раз не обязательно: важно не когда убийца появляется, а когда он полностью раскрывается (становятся ясны его личность, мотивы и т.д.).

с инокультурным контекстом и обостренным психологизмом романа Ханипаева, а все это вместе — с саспенсом и крепкой драматургией Идиатуллина, то получился бы идеальный роман.

Но идеальных романов, как и идеальных женихов, увы, не бывает.

Пока же можно констатировать возвращение детектива в серьезную литературу. Связано это, думаю, с повышением в последние годы в обществе (речь не только о российском) градуса тревожности, ощущения незащитности частного человека — при том что сам источник угрозы, как правило, «размыт»¹. Зло расплылось в воздухе, оно может вдруг где-то неожиданно стукнуться, но неясно, где, как и когда. Это социальное ощущение, как правило, и служит питательной почвой для интереса к детективам.

Является ли нынешнее возвращение детектива «долгим эхом» периода, завершившегося февралем 2022 года, или же оно предзнаменовало собой этот период и все связанные с ним изменения?

Скорее, первое. В военное, полувоенное, четверть-военное время источники угроз для частного человека становятся более определенными и однозначными. Сама жизнь превращается (или грозит превратиться) в детектив, а то и триллер. Соответственно, можно ожидать и жанровой перезагрузки. Из массовой литературы детектив вряд ли исчезнет. Но «задержится» ли он в серьезной и стоит ли ожидать появления новых детективных романов в этом сегменте — вопрос.

¹ Как пишет Лев Гудков: «...Уровень общей тревожности является показателем индивидуальной или гражданской слабости, недееспособности граждан, невозможности человека отвечать за свою жизнь и поведение, воздействовать на окружающую социальную среду — общественную и политическую жизнь, сомнения в работе важнейших социальных институтов, которые могли бы защитить человека от разного рода бед или несправедливости». (Гудков Л. Характер и структура массовой тревожности в России // «Левада-Центр» (признан иноагентом), 21 апреля 2022 г. levada.ru/2021/04/21/harakter-i-struktura-massovoj-trevozhnosti-v-rossii/).

Борис Минаев

Письма в будущее

«Я прочел, и признаться, немало удивился, что Художественный театр ставит оперетту — «Дочь рынка». Вероятно, на это у него есть какие-либо основания. (Хотя, простите, дорогой Константин Сергеевич, хотя я и понимаю, что здоровый художественный смех, улыбки всегда хороши для людей, но все же оперетка — и Художественный театр! И еще сейчас — среди потоков крови — это уже чересчур!)

Из письма И.И.Горбунова-Посадова — К.С.Станиславскому

«Здесь жизнь совсем остановилась; город мертвый совершенно. Ходишь, как по стране воспоминаний. Недавно на генеральной репетиции "Рваного плаща" в Коммунальном театре я видела Ал. Ник. Бенуа и Мстислава Валериановича (Добужинского — *Ред.*). Они стали тенью себя прежних.

Я не знаю, можно ли и нужно ли возвращать прежнее. Я много не знаю. Не знаю, лучше ли сейчас уснуть и уберечь себя от всех трудностей, толчков, потрясений. Или же нужно жить, жить бодро, что-то творить».

Из письма С.Г.Бирман — К.С.Станиславскому

«К слову сказать, сидя на "Дочери Йорико", я невольно думала: теперь, когда жизнь истерзала нас сильными, бьющими по нервам впечатлениями, душа особенно просит тихого и простого, русского искусства. Театр теперь часто старается перекричать жизнь. Встретившийся мне в театре артист Юрьев так и говорит: "Теперь театр должен давать особенно сильные, яркие вещи — иначе после всего пережитого в жизни они не произведут впечатления". А по-моему, наоборот: самое сильное впечатление произведет тихое, простое, ласковое».

Из письма Л.Я.Гуревич — К.С.Станиславскому

«...И только глубокая вера в то, что все происходящее приведет в конце концов к одной конечной цели — МХТ — дает мне силу сейчас не опустить руки и не уехать в Сайгон торговать на базаре фруктами или мыть пол поденно».

Из письма М.А.Успенской — В.И.Немировичу-Данченко

«Заметили ли Вы, что публика ржет и смеется над страданиями Шабельского — на страдания Иванова — на муки Шуручки. А знаете почему? Потому что участия к ним не испытывает. Не такое время сейчас. Эти слезы, это горе мелки сейчас и никого задеть не могут. Это личные неприятности. Жизнь же бежит галопом вперед сейчас и обнимает, задевает и выдвигает только общее, великое, прекрасное, пусть иногда темное и беспорядочное. Вот, вот когда Художественный театр мог бы и должен играть

первую скрипку — в той прекрасной гармонии, которая вскоре раздастся на весь мир, а не вступать с этим пикированием безволия, упадочности, ничегонеделания и личных скорбей <...>

Владимир Иванович! А тех, что будут ходить на спектакли, Вы невольно, но прекрасно разагитируете их в пользу большевиков — вместо того, чтобы пробудить чувства правды, красоты и справедливости, что должны были бы сделать. Каждый скажет: браво, что большевики смели всю эту интеллигенцию, туда ей и дорога. И он будет прав. А разве Театр этого хочет и это должен делать?»

Из письма Р.В.Болеславского — В.И.Немировичу-Данченко

Книга, которая называется «Письма в Художественный театр»¹, издана недавно. В ней пока два тома — письма 1898—1913 года и 1912—1928-го. Поразительна сама история создания книги (редакторы И.Соловьева, О.Егошина, О.Абрамова): «Ряд пыльных старых коробок, подписанных "Письма в Художественный театр" вдруг явились из глубин стеллажей. Стояли, заслоненные другими коробками с аккуратными надписями — названиями книг, уже ставших частью театральной истории... И стояли бы еще десятилетия, если бы не грядущий ремонт в Научно-исследовательском секторе Школы-студии МХАТ. Письма? Но такая книга никогда не издавалась. В коробках лежали пожелтевшие листы со слепой машинописью (третья или четвертая копия), которые были исчерканы разными пометками, сделанными почерком В.Я.Виленина, И.Н.Виноградской, Л.М.Фрейдкиной, И.Н.Соловьёвой... Тысячи черновых страниц рукописи, которая так и осталась не оконченной. Почему эту гигантскую работу оставили пылиться в шкафу?»

Конечно, удивительная судьба. Конечно, поразительная находка: как в океан новейшей российской истории с ее трансформациями, революциями, дефолтами и всевозможными «обнулениями» — бросили когда-то, как в океан бросают бутылку, эти несколько ящиков с письмами — Станиславскому, Немировичу-Данченко, ведущим актерам и режиссерам МХТ-МХАТа. Бросили — и забыли на несколько десятилетий.

Ну и, конечно, историческая ценность этих писем — тоже поражает, ведь почти в каждом из них открытие, ценное свидетельство, иногда озарение.

...Вот богатый гонорар артисту И.М.Москвину за выступление в очередном концерте, по случаю, вероятно, какого-то большевистского праздника: «Паек 20 ф. муки белой, 3 фунта сыра, 2 ф. конфет, 5 ф. крупы. Автомобиль к вашим услугам». (Письмо датируется между 1918 и 1920 годом).

Вот Мережковский, еще не бежавший за границу, настойчиво предлагает МХТ взяться за инсценировку его романа «Пётр и Алексей». Вот Бенуа обсуждает с Немировичем-Данченко той же страшной осенью 1918 года вопрос о своем переезде в Москву и работе в МХТ (видимо, в качестве главного художника) — «ведь говорят все, что в Москве негде приткнуться, а я, разумеется, не допущу, чтобы ради меня прибегли к тому новому и столь благородному способу странноприимства, которым гордится Первопрестольная» (то есть к насильственному выселению и «уплотнению» прежних обладателей квартир из числа «классово-чуждых» элементов. — *Ред.*).

Вот Блок просит о помощи руководителей МХТ — приютить его, выделить комнату на несколько дней, в другом письме — просьба уже о помощи материальной: Блок голодает.

Вот Леонид Андреев радуется аресту царской семьи: «Это как будто слишком лично — но я не могу не радоваться, что я с первой минуты войны стал на правильную дорогу, что мне не приходится раскаиваться ни в одном слове. А как меня поносили и презирали — тот же Горький <...> Но это пустяки. Главное — рыжий Николай

¹ «Письма в Художественный театр. Т. 1 (1898—1913), Т. 2 (1914—1928). (Издательская группа NAVONA, М., 2022.)

в тюрьме. Здорово хорошо. Я нездоров как клиника, а все же ликую как Исайя! И в будущее гляжу спокойно и с уверенностью. Главное — верю в народ». (14 марта 1917 года).

Вот основатель «научного анархизма» князь Кропоткин отказывается от приглашения посетить спектакль: «...Но — скажу вам правду. Душевное настроение — такое, особенно в эти дни, что даже тяжело быть на людях». (23 декабря 1917 года). Вот Мария Ермолова, чье имя станет театральным символом первой, сталинской советской эпохи, пишет, поздравляя с юбилеем Немировича-Данченко: «Дорогой Владимир Иванович, в этот год крови и слез трудно написать слово "поздравляю", да оно и не нужно. Теперь единственное, что есть светлого в жизни, это воспоминания о прошлом».

А вот — письмо совсем незнаменитого человека, сторожа Баранова: «Владимир Иванович, я за вас каждый день молюсь Богу, что я служу через Вас 13 лет у Художественного театра. Я вчера приехал из деревни. Извините, Владимир Иванович, я вам гостинец деревенский привез: гусь, цыплята, яйца, лепешки». (1919 год).

Или — поразительное письмо человека, впервые в жизни побывавшего в театре в 1921 году («Теперь жалею, что тогда уехал, не посмотрев всего репертуара, а в данное время попасть, говорят, в него очень трудно, или нужно иметь большую протекцию, или быть коммунистом. Ни того, ни другого у меня нет»). Восторженные, благодарные, трогательные письма «простых» зрителей, с их бесконечными просьбами «прислать фотокарточку». Ключевые события МХТ тех лет — образование первой, второй и третьей студии, попытка нащупать новый, «революционный», репертуар, сложные отношения с новым государством, зарубежные гастроли, возвращение домой.

Казалось бы, что нам сейчас до этих подробностей? Зачем нам нужны эти «письма в МХТ», собранные в два толстенных тома? К чему копать в пыльных архивах — ну да, для исследователей театра, искусства начала XX века, ну хоть бы и «театралов», это нужно — а нам? Широкому, так сказать, кругу читателей, это зачем?

В том-то и дело, что разобранные по архивным полочкам — здесь Блок и Шаляпин, здесь Кустодиев и Бенуа, — письма приобретают сугубо научное значение, добавляют что-то, какие-то детали к давно сложившейся большой картине, но и только.

Однако собранные вместе, со всем этим «мусором повседневности», объединенные с человеческими документами потрясающей силы, они сразу превращаются во что-то большее.

Я пытаюсь из этого «шума времени», из потока деталей и судеб, вычленивать то, что сцепляет, «склеивает» все эти интонации и характеры, мысли и эмоции. Кстати, очень ценный и совершенно уникальный элемент «Писем...» — это биографические комментарии, где в одном-двух абзацах рассказывается о судьбах самых разных «зрителей МХТ», провинциальных актерах и режиссерах, учителях, инженерах, просветителях, разночинной интеллигенции — и о том, что с ними случилось в годы советской власти. Ну и получается у меня примерно вот что.

...Театр неостановим. В контексте нынешнего времени часто звучат голоса, что культура обесценилась, и особенно театр, что сейчас *невозможно* так же, как раньше, его воспринимать, нужно затихнуть, замолчать, пережить... Удивительно, но те же мысли и те же интонации мы встречаем и в этих письмах, написанных около ста лет назад.

Но сами эти тома, сами эти письма, собранные вместе, — дают ответ на этот вопрос. Невозможно. Бессмысленно. Ничто не может остановить этот поток, никто не может поломать этот механизм, этот движок. Он все равно будет работать.

Будет — сначала по инерции, как по инерции ищут работы в МХТ и «жизненной опоры» самые знаменитые художники начала века, как по инерции стремятся «попасть

в театр» самые важные начальники новой эпохи. Потом, пройдя через распад и тяжелый кризис, что-то на этом месте родится вновь. А простые люди — они все равно будут стучаться в эти двери.

В этой «неостановимости» театра, возможно, есть даже что-то страшное. Безличное. То, от чего хочется отвернуться. Но вот эта тайна культуры, которая сама себя воспроизводит, по самым разным причинам, от законов природы до самых высоких категорий долга и истины, в то же время поражает, конечно.

Можно отворачиваться. Можно саботировать и никуда не ходить. Оно все равно будет, и будет, и будет...

Конечно, «Письма в Художественный театр» дарят внимательному читателю не только такие вот: условно, оптимистические уроки.

Есть и другие. «Наконец, Владимир Иванович, все мы сейчас, все русское общество, вся Россия — это женщина, носящая в утробе своей новую жизнь, ребенка, прекрасного будущего человека, — нельзя, нельзя нас пугать и показывать нам уродов и насекомых, это же пугает и нервит. Нельзя, это может повлиять на облик будущего ребенка. Он должен быть прекрасным, великим. И показывайте матери, носящей его, только прекрасное, только великое, только светлое». (Из письма Р.В.Болеславского — В.И.Немировичу-Данченко).

Не этой ли великой иллюзией было настолько очаровано российское общество, очаровано настолько, что ничто не могло ее поколебать: ни расстрелы, ни зверства, ни голод, ни диктатура? Ради нее, ради этой великой иллюзии, люди готовы были закрывать глаза или не видеть реальности... Сегодня, казалось бы, мы все это знаем.

И в то же время: эпохи меняются, иллюзии меняются, а сам механизм этот остается прежним. И снова будут нашими умами владеть новые иллюзии — вместо здравого смысла, ясной ответственности и трезвого отношения к фактам.

«Дорогой Владимир Иванович, я никогда не состоял на государственной службе, и таковая, *при всех режимах*, мне представляется чем-то совершенно чуждым моей природе. Так вот, я бы пошел на ваше приглашение лишь в том случае, если между мной и властью предрержащими был бы какой-то буфер...» (Из письма А.Н.Бенуа — В.И.Немировичу-Данченко).

А вот и ключевой, может быть, механизм компромисса между художником и властью, механизм адаптации, выживания, который действует безотказно — и тоже в любую эпоху.

...Словом, уроков много — всех и не выучить сразу.

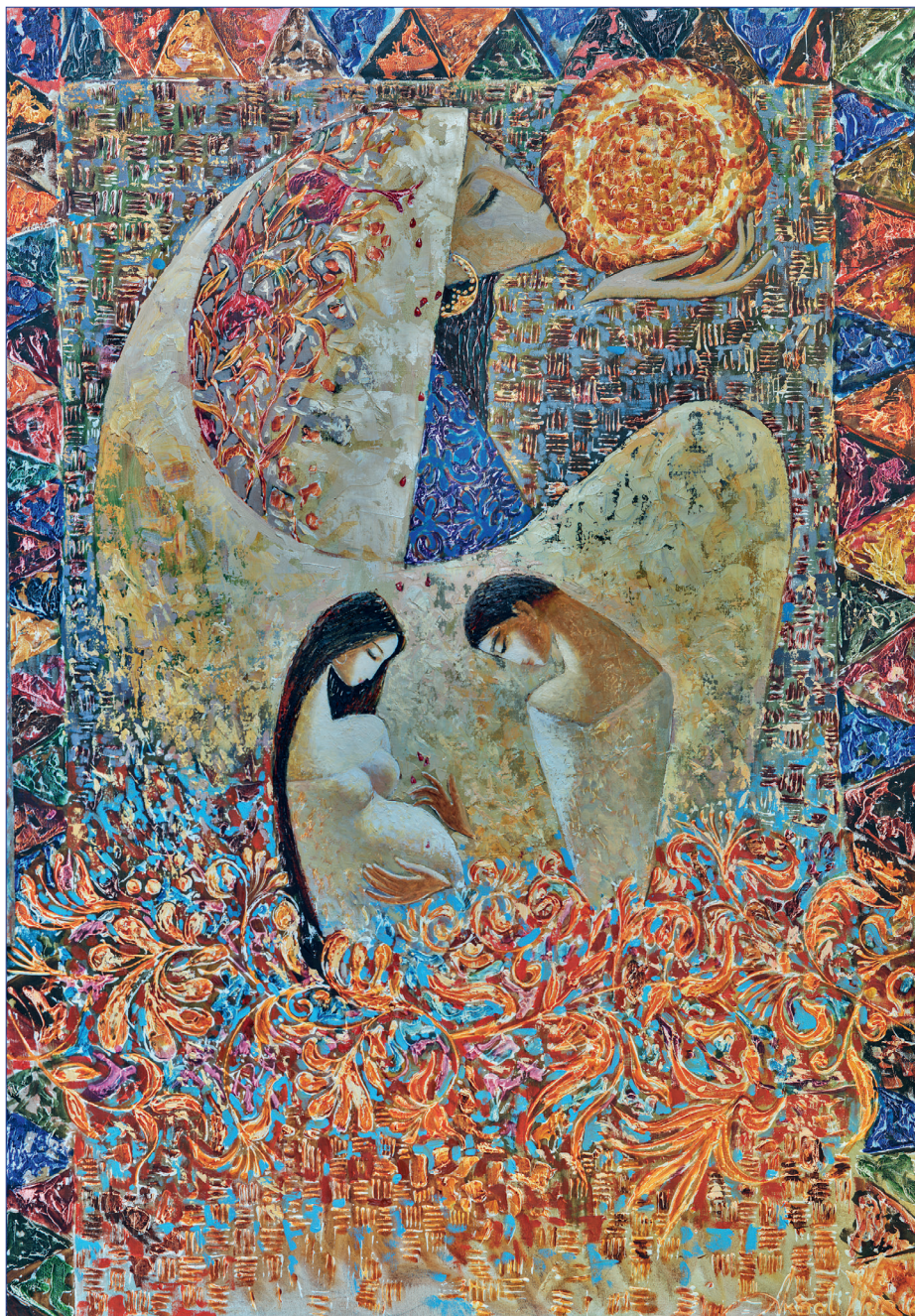
Но стоит попробовать.

Художники Узбекистана

Рахим Ахмедов

НАТЮРМОРТ НА ЖЕЛТОМ СЮЗАНЕ. 2004.
Холст, масло

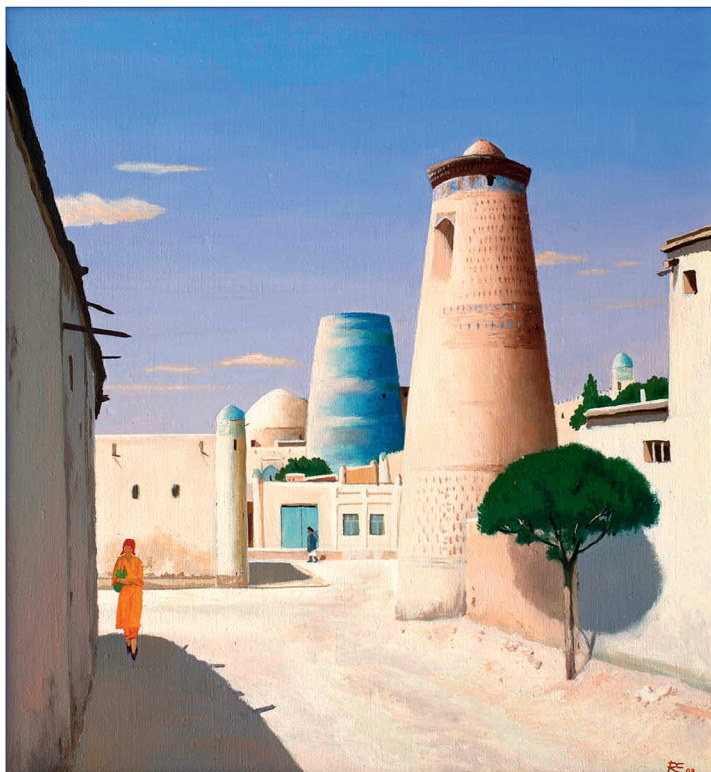
Акмаль Нур

БОЖЕСТВЕННЫЙ ПЛОД. 2012.
Холст, масло

Масут Фаткулин

НАТЮРМОРТ С ГРАНАТАМИ. 1983.
Холст, масло

Рустам
Худайбергенов

ИЧАНКАЛА В ЧАШГОХЕ. 2008.
Холст, масло

Леким Ибрагимов

ПОХИЩЕНИЕ АЗИИ. 2002.
Холст, масло

Римма Гаглоева

РАННЕЙ ВЕСНОЙ. 2000.
Холст, масло

Акмаль Икрамжанов

МЫ ИЗ 19 ВЕКА. ПРАВАЯ ЧАСТЬ ДИПТИХА
«ЧАСТИЦЫ ВЕКОВ». 2009.

Холст, масло

Алишер Мирзаев

НЕВЕСТА. 2000.
Холст, масло

Собир Рахметов

ОТЧИЙ ДОМ. 2011.
Холст, масло

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Электронную версию «ДН» можно купить на <http://дружбанародов.com>

Журнал продается в московских магазинах:

«Фаланстер» (Москва, ул. Тверская, 17, вход с Малого Гнездниковского
переулка)

«Бункер» (Покровка, 17; ежедневно с 12 до 22)

Также журнал можно приобрести через интернет-магазин **Лабиринт.ру**
в любом городе страны.

Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЪЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ФОНДА ГУМАНИТАРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ДРУЖБА
НАРОДОВ**

**ДРУЖБА
НАРОДОВ**
АЛЪМАНАХ
ДОЖДЕЖНЕВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОДИК
1953

**Дружба
народов** 12
1978

**Дружба
народов**
12
1978

**Дружба
народов**
12
1968

**Дружба
народов** 12
1968

**Дружба
народов** 12
1968

**Дружба
народов** 86
1986

**Дружба
народов**

**ДРУЖБА
НАРОДОВ**
1
1939

**Дружба
народов**
5-6
1968

**Дружба
народов**
1/2018

Читайте:

Галина Климова. «Сирота на морозе».
Роман

«В детскую тарелку с клоунами, которую Соня теперь приспособила для себя, Женя налил половник горячего бульона.
— Мутный какой-то, тёмный. Что это, мам?
— Ваша светлость недовольна? Сегодня у нас в меню дичь. — Губы задрожали и затрясся дряблый подбородок. — На царских пирах столы ломились от дичи — рябчики, перепела, гуси-Атебеди. А мне захотелось голубятинки. Ведь дух в виде голубине... Духа мне захотелось. Нет его во мне. Наполни мя Духом своим святым... Женю замутило от одного только вида голубинового бульона. Самая грязная птица, крылатая крыса, разносчик птичьего гриппа и орнитоза.
— Как ты поймала его, бедолагу?
— Как, как... Много ума не надо. Рассыпала на подоконнике дорожку пшена, он и повёлся, дурак! Шаг за шагом — и уже в комнате, на подоконнике. Тут я и дюзнула его Львом Толстым. Головёнка крохотная, но я не промах!
Женя глянул на увесистую каслинского литья чёрную статуэтку Льва Толстого в полный рост, и его передёрнуло. Рядом в эмалированной кастрюльке смердела адская бездна безумия...»

